

5 245 696
Библиотека „Просвѣщенія“.

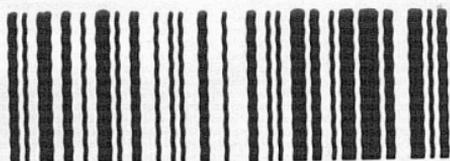
Нечка Незванова.

Ф. М. Достоевскаго.

ПЕТРОГРАДЪ.

Акціон. О-во Издат. и Печ. Дѣла „Просвѣщеніе“
Забалканскій просп., д. № 75.

2007337416

Петроградъ. Дозволено военной цензурой. 14 декабря 1916 г.
ипо-лит. Акціон. О-ва „Просвѣщеніе“. П-дъ, Забалканскій пр., д. № 75

Нечка Незванова.

276
696

I.

Отца моего я не помню. Онъ умеръ, когда мнѣ было два года. Мать моя вышла замужъ въ другой разъ. Это второе замужество принесло ей много горя, хотя и было сдѣлано по любви. Мой отчимъ былъ музыкантъ. Судьба его очень замѣчательна: это былъ самый странный, самый чудесный человѣкъ изъ всѣхъ, которыхъ я знала. Онъ слишкомъ сильно отразился въ первыхъ впечатлѣніяхъ моего дѣтства, такъ сильно, что эти впечатлѣнія имѣли вліяніе на всю мою жизнь. Прежде всего, чтобъ былъ понятенъ рассказъ мой, я приведу здѣсь его біографію. Все, что я теперь буду рассказывать, узнала я потомъ отъ знаменитаго скрипача Б., который былъ товарищемъ и короткимъ пріателемъ моего отчима въ своей молодости.

Фамилія моего отчима была Ефимовъ. Онъ родился въ селѣ очень богатаго помѣщика, отъ одного бѣднаго музыканта, который, послѣ долгихъ странствованій, поселился въ имѣніи этого помѣщика и нанялся въ его оркестръ. Помѣщикъ жилъ очень пышно, и болѣе всего, до страсти, любилъ музыку. Рассказывали про него, что онъ, никогда не выѣзжавшій изъ своей деревни даже въ Москву, однажды вдругъ рѣшился поѣхать за границу на какія-то воды, и поѣхалъ не болѣе какъ на нѣ-

сколько недѣль, единственно для того, чтобъ услышать какого-то знаменитаго скрипача, который, какъ увѣдомляли газеты, собирался дать на водахъ три концерта. У него былъ порядочный оркестръ музыкантовъ, на который онъ тратилъ почти весь доходъ свой. Въ этотъ оркестръ мой отчимъ поступилъ кларнетистомъ. Ему было двадцать два года, когда онъ познакомился съ однимъ страннымъ человѣкомъ. Въ этомъ же уѣздѣ жилъ богатый графъ, который разорился на содержаніе домашняго театра. Этотъ графъ отказалъ отъ должности капельмейстеру своего оркестра, родомъ итальянцу, за дурное поведеніе. Капельмейстеръ былъ дѣйствительно дурной человѣкъ. Когда его выгнали, онъ совершенно унизился, сталъ ходить по деревенскимъ трактирамъ, напивался, иногда просилъ милостыню, и уже никто, въ цѣлой губерніи, не хотѣлъ дать ему мѣста. Съ этимъ-то человѣкомъ подружился мой отчимъ. Связь эта была необъяснимая и странная, потому что никто не замѣчалъ, чтобъ онъ хоть сколько-нибудь измѣнился въ своемъ поведеніи изъ подражанія товарищу, и даже самъ помѣщикъ, который сначала запрещалъ ему водиться съ итальянцемъ, смотрѣлъ потомъ сквозь пальцы на ихъ дружбу. Наконецъ, капельмейстеръ умеръ скоропостижно. Его нашли по утру крестьяне во рву, у плотины. Нарядили слѣдствіе, и вышло, что онъ умеръ отъ апоплексическаго удара. Имущество его сохранялось у отчима, который тотчасъ же и представилъ доказательства, что имѣлъ полное право наследовать этимъ имуществомъ: покойникъ оставилъ собственноручную записку, въ которой дѣлалъ Ефимова своимъ наследникомъ въ случаѣ своей смер-

ти. Наслѣдство состояло изъ чернаго фрака, тщательно сберегавашагося покойникомъ, который все еще надѣялся достать себѣ мѣсто, и скрипки, довольно обыкновенной съ виду. Никто не оспаривалъ этого наслѣдства. Но только спустя нѣсколько времени къ помѣщику явился первый скрипачъ графскаго оркестра, съ письмомъ отъ графа. Въ этомъ письмѣ графъ просилъ, уговаривалъ Ефимова продать скрипку, оставшуюся послѣ итальянца, и которую графъ очень желалъ приобрести для своего оркестра. Онъ предлагалъ три тысячи рублей и прибавилъ, что уже нѣсколько разъ посылалъ за Егоромъ Ефимовымъ, чтобъ покончить торгъ лично, но что тотъ упорно отказывался. Графъ заключалъ тѣмъ, что цѣна скрипки настоящая, что онъ не сбавляетъ ничего, и въ упорствѣ Ефимова видитъ для себя обидное подозрѣніе воспользоваться при торгѣ его простотою и незнаніемъ, а потому и просилъ вразумить его.

Помѣщикъ немедленно послалъ за отчимомъ.

— Для чего жъ ты не хочешь отдать скрипку? — спросилъ онъ его: — она тебѣ не нужна. Тебѣ даютъ три тысячи рублей, это цѣна настоящая, и ты дѣлаешь неразумно, если думаешь, что тебѣ дадутъ больше. Графъ тебя не станетъ обманывать.

Ефимовъ отвѣчалъ, что къ графу онъ самъ не пойдетъ, но если его пошлютъ, то на это будетъ воля господская; графу онъ скрипку не продастъ, а если у него захотятъ взять ее насильно, то на это опять будетъ воля господская.

Ясное дѣло, что такимъ отвѣтомъ онъ коснулся самой чувствительной струны въ характерѣ помѣщика. Дѣло въ томъ, что тотъ всегда съ гордостью

говорилъ, что знаетъ какъ обращаться со своими музыкантами, потому что всѣ они до одного истинные артисты и что, благодаря имъ, его оркестръ не только лучше графскаго, но и не хуже столичнаго.

— Хорошо! — отвѣчалъ помѣщикъ: — я увѣдомлю графа, что ты не хочешь продать скрипку, потому что ты не хочешь, потому что ты въ полномъ правѣ продать или не продать, понимаешь? Но я самъ тебя спрашиваю: зачѣмъ тебѣ скрипка? Твой инструментъ кларнетъ, хоть ты и плохой кларнетистъ. Уступи ее мнѣ. Я дамъ три тысячи. (Кто зналъ, что это такой инструментъ!).

Ефимовъ усмѣхнулся.

— Нѣтъ, сударь, я вамъ ее не продамъ, — отвѣчалъ онъ: — конечно, ваша воля...

— Да развѣ я тебя притѣсняю, развѣ я тебя принуждаю! — закричалъ помѣщикъ, выведенный изъ себя, тѣмъ болѣе, что дѣло происходило при графскомъ музыкантѣ, который могъ заключить по этой сценѣ очень невыгодно объ участи всѣхъ музыкантовъ помѣщичьяго оркестра. — Ступай же вонъ, неблагодарный! Чтобъ я тебя не видалъ съ этихъ поръ! Куда бы ты дѣлся безъ меня съ твоимъ кларнетомъ, на которомъ ты и играть не умѣешь? У меня же ты сытъ, одѣтъ, получаешь жалованье; ты живешь на благородной ногѣ, ты артистъ, но ты этого не хочешь понимать и не чувствуешь. Ступай же вонъ и не раздражай меня своимъ присутствіемъ!

Помѣщикъ гналъ отъ себя всѣхъ, на кого сердился, потому что боялся за себя и за свою горячность. А ни за что бы онъ не захотѣлъ поступить слишкомъ строго съ «артистомъ», какъ онъ называлъ своихъ музыкантовъ.

Торгъ не состоялся, и, казалось, тѣмъ дѣло и кончилось, какъ вдругъ, черезъ мѣсяць, графскій скрипачъ затѣялъ ужасное дѣло: подъ своею отвѣтственностью онъ подалъ на моего отчима доносъ, въ которомъ доказывалъ, что отчимъ виноватъ въ смерти итальянца и умертвилъ его съ корыстною цѣлью: овладѣть богатымъ наслѣдствомъ. Онъ доказывалъ, что завѣщаніе было выманено насильно, и обѣщался представить свидѣтелей своему обвиненію. Ни просьбы, ни увѣщанія графа и помѣщика, вступившагося за моего отчима, ничто не могло поколебать доносчика въ его намѣреніи. Ему представляли, что медицинское слѣдствіе надъ тѣломъ покойнаго капельмейстера было сдѣлано правильно, что доносчикъ идетъ противъ очевидности, можетъ быть, по личной злобѣ и по досадѣ, не успѣвъ овладѣть драгоцѣннымъ инструментомъ, который для него покупали. Музыкантъ стоялъ на своемъ, божился, что онъ правъ, доказывалъ, что апоплексическій ударъ произошелъ не отъ пьянства, а отъ отравы, и требовалъ слѣдствія въ другой разъ. Съ перваго взгляда доказательства его показались серьезными. Разумѣется, дѣлу дали ходъ. Ефимова взяли, отослали въ городскую тюрьму. Началось дѣло, которое заинтересовало всю губернію. Оно пошло очень быстро и кончилось тѣмъ, что музыкантъ былъ уличенъ въ ложномъ доносѣ. Его приговорили къ справедливому наказанію, но онъ до конца стоялъ на своемъ и увѣрялъ, что онъ правъ. Наконецъ, онъ сознался, что не имѣетъ никакихъ доказательствъ, что доказательства, имъ представленныя, выдуманы имъ самимъ, но что, выдумывая все это, онъ дѣйствовалъ по предположенію, по догадкѣ, потому что до сей поры, когда

уже было произведено другое слѣдствіе, когда уже формально была доказана невинность Ефимова, онъ все еще остается въ полномъ убѣжденіи, что причиною смерти несчастнаго капельмейстера былъ Ефимовъ, хотя, можетъ быть, онъ уморилъ его не отравой, а другимъ какимъ-нибудь образомъ. Но надъ нимъ не успѣли исполнить приговора: онъ внезапно заболѣлъ воспаленіемъ въ мозгу, сошелъ съ ума и умеръ въ тюремномъ лазаретѣ.

Въ продолженіе всего этого дѣла, помѣщикъ велъ себя самымъ благороднымъ образомъ. Онъ старался о моемъ отчимѣ такъ, какъ будто тотъ былъ его родной сынъ. Нѣсколько разъ онъ пріѣзжалъ къ нему въ тюрьму утѣшать его, дарилъ ему денегъ, привозилъ къ нему лучшихъ сигаръ, узнавъ, что Ефимовъ любилъ курить, и когда отчимъ оправдался, задалъ праздникъ всему оркестру. Помѣщикъ смотрѣлъ на дѣло Ефимова, какъ на дѣло, касающееся всего оркестра, потому что хорошимъ поведеніемъ своихъ музыкантовъ онъ дорожилъ, если не болѣе, то, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ ихъ дарованіями. Прошелъ цѣлый годъ, какъ вдругъ по губерніи разнесся слухъ, что въ губернской городъ пріѣхалъ какой-то извѣстный скрипачъ, французъ, и намѣренъ дать мимоѣздомъ нѣсколько концертовъ. Помѣщикъ тотчасъ же началъ стараться какимъ-нибудь образомъ залучить его къ себѣ въ гости. Дѣло шло на ладъ; французъ общался пріѣхать. Уже все было готово къ его пріѣзду, позванъ былъ почти цѣлый уѣздъ, но вдругъ все приняло другой оборотъ.

Въ одно утро докладываютъ, что Ефимовъ исчезъ неизвѣстно куда. Начались поиски, но и слѣдъ простылъ. Оркестръ былъ въ чрезвычай-

номъ положеніи: не доставало кларнета, какъ вдругъ, три дня спустя послѣ исчезновенія Ефимова, помѣщикъ получаетъ отъ француза письмо, въ которомъ тотъ надменно отказывался отъ приглашенія, прибавляя, конечно, обиняками, что впредь будетъ чрезвычайно остороженъ въ сношеніяхъ съ тѣми господами, которые держатъ собственный оркестръ музыкантовъ, что неэстетично видѣть истинный талантъ подъ управленіемъ человѣка, который не знаетъ ему цѣны, и что, наконецъ, примѣръ Ефимова, истиннаго артиста и лучшаго скрипача, котораго онъ только встрѣчалъ въ Россіи, служить достаточнымъ доказательствомъ справедливости словъ его.

Прочтя это письмо, помѣщикъ былъ въ глубокомъ изумленіи. Онъ былъ огорченъ до глубины души. Какъ? Ефимовъ, тотъ самый Ефимовъ, о которомъ онъ такъ заботился, которому онъ такъ благодѣтельствовалъ, этотъ Ефимовъ такъ безпощадно, безсовѣстно оклеветалъ его въ глазахъ европейскаго артиста, такого человѣка, мнѣніемъ котораго онъ высоко дорожилъ! И, наконецъ, письмо было необъяснимо въ другомъ отношеніи: увѣдомляли, что Ефимовъ артистъ съ истиннымъ талантомъ, что онъ скрипачъ, но что не умѣли угадать его таланта и принуждали его заниматься другимъ инструментомъ. Все это такъ поразило помѣщика, что онъ немедленно собрался ѣхать въ городъ для свиданія съ французомъ, какъ вдругъ получилъ записку отъ графа, въ которой тотъ приглашалъ его немедленно къ себѣ и увѣдомлялъ, что ему извѣстно все дѣло, что заѣзжій виртуозъ теперь у него, вмѣстѣ съ Ефимовымъ, что онъ, будучи изумленъ дерзостью и клеветой послѣдняго,

приказаль задержать его, и что, наконецъ, присутствіе помѣщика необходимо и потому еще, что обвиненіе Ефимова касается даже самого графа; дѣло это очень важно, и нужно его разъяснить какъ можно скорѣе.

Помѣщикъ, немедленно отправившись къ графу, тотчасъ же познакомился съ французомъ и объяснилъ всю исторію моего отчима, прибавивъ, что онъ не подозрѣвалъ въ Ефимовѣ такого огромнаго таланта, что Ефимовъ былъ у него, напротивъ, очень плохимъ кларнетистомъ, и что онъ только въ первый разъ слышитъ, будто оставившій его музыкантъ — скрипачъ. Онъ прибавилъ еще, что Ефимовъ человекъ вольный, пользовался полною свободою, и всегда, во всякое время, могъ бы оставить его, если бѣ дѣйствительно былъ притѣсненъ. Французъ былъ въ удивленіи. Позвали Ефимова, и его едва можно было узнать: онъ велъ себя заносчиво, отвѣчалъ съ насмѣшкою и настаивалъ въ справедливости того, что успѣлъ наговорить французу. Все это до крайности раздражило графа, который прямо сказалъ моему отчиму, что онъ негодяй, клеветникъ и достоинъ самаго постыднаго наказанія.

— Не безпокойтесь, ваше сіятельство, я уже довольно съ вами знакомъ и знаю васъ хорошо, — отвѣчалъ мой отчимъ: — по вашей милости я едва ушелъ отъ уголовного наказанія. Знаю, по чьему наущенью Алексѣй Никифоровъ, вашъ бывшій музыкантъ, донесъ на меня.

Графъ былъ внѣ себя отъ гнѣва, услышавъ такое ужасное обвиненіе. Онъ едва могъ совладѣть съ собою; но случившійся въ залѣ чиновникъ, который заѣхалъ къ графу по дѣлу, объявилъ, что

онъ не можетъ оставить всего этого безъ послѣдствій, что обидная грубость Ефимова заключаетъ въ себѣ злое, несправедливое обвиненіе, клевету, и онъ покорнѣйше просить позволить арестовать его сейчасъ же, въ графскомъ домѣ. Французъ изъявилъ полное негодованіе и сказалъ, что не понимаетъ такой черной неблагодарности. Тогда мой отчимъ отвѣтилъ съ запальчивостью, что лучше наказаніе, судъ, и — хоть опять уголовное слѣдствіе, чѣмъ то житье, которое онъ испыталъ до сихъ поръ, состоя въ помѣщичьемъ оркестрѣ и не имѣя средствъ оставить его раньше, за своею крайнею бѣдностью, и съ этими словами вышелъ изъ залы вмѣстѣ съ арестовавшими его. Его заперли въ отдаленную комнату дома и пригрозили, что завтра же отправятъ его въ городъ.

Около полуночи отворилась дверь въ комнату арестанта. Вошелъ помѣщикъ. Онъ былъ въ халатѣ, въ туфляхъ, и держалъ въ рукахъ зажженный фонарь. Казалось, онъ не могъ заснуть, и мучительная забота заставила его въ такой часъ оставить постель. Ефимовъ не спалъ и съ изумленіемъ взглянулъ на вошедшаго. Тотъ поставилъ фонарь и въ глубокомъ волненіи сѣлъ противъ него на стуль.

— Егоръ, — сказалъ онъ ему: — за что ты такъ обидѣлъ меня?

Ефимовъ не отвѣчалъ. Помѣщикъ повторилъ свой вопросъ; какое-то глубокое чувство, какая-то странная тоска звучала въ словахъ его.

— А Богъ знаетъ, за что я такъ обидѣлъ васъ, сударь! — отвѣчалъ, наконецъ, мой отчимъ, махнувъ рукою: — знать, бѣсъ попуталъ меня! И самъ не знаю, кто меня на все это наталкиваетъ! Ну, не

житье мнѣ у васъ, не житье . . . Самъ дьяволъ привязался ко мнѣ!

— Егоръ! — началъ снова помѣщикъ: —воротись ко мнѣ; я все позабуду, все тебѣ прощу. Слушай: ты будешь первымъ изъ моихъ музыкантовъ; я положу тебѣ не въ примѣръ другимъ жалованье . . .

— Нѣтъ, сударь, нѣтъ, и не говорите: не жилецъ я у васъ! Я вамъ говорю, что дьяволъ ко мнѣ навязался. Я у васъ домъ зажгу, коли останусь; на меня находить, и такая тоска подчасъ, что лучше бы мнѣ на свѣтъ не родиться! Теперь я и за себя отвѣчать не могу: ужъ вы лучше, сударь, оставьте меня. Это все съ тѣхъ поръ, какъ тотъ дьяволъ побратался со мною . . .

— Кто? — спросилъ помѣщикъ.

— А вотъ, что издохъ, какъ собака, отъ которой свѣтъ отступился, итальянецъ.

— Это онъ тебя, Егорушка, играть выучилъ?

— Да! Многому онъ меня научилъ на мою гибель. Лучше бъ мнѣ никогда его не видать.

— Развѣ и онъ былъ мастеръ на скрипкѣ, Егорушка?

— Нѣтъ, онъ самъ мало зналъ, а училъ хорошо. Я самъ выучился; онъ только показывалъ, — и легче чтобъ у меня рука отсохла, чѣмъ эта наука. Я теперь самъ не знаю, чего хочу. Вотъ, спросите, сударь: «Егорка! Чего ты хочешь? Все могу тебѣ дать», — а я, сударь, вѣдь ни слова вамъ въ отвѣтъ не скажу, затѣмъ что самъ не знаю, чего хочу. Нѣтъ, ужъ вы лучше, сударь, оставьте меня, въ другой разъ говорю. Ужъ я что-нибудь такое надъ собой сдѣлаю, чтобъ меня куда-нибудь подальше спровадили, да и дѣло съ концомъ!

— Егоръ! — сказалъ помѣщикъ послѣ минутнаго молчанія: — я тебя такъ не оставлю. Коли не хочешь служить у меня, ступай; ты же человѣкъ вольный, держать тебя я не могу; но я теперь такъ не уйду отъ тебя. Сыграй мнѣ что-нибудь, Егоръ, на твоей скрипкѣ, сыграй! Ради Бога, сыграй! Я тебѣ не приказываю, пойми ты меня, я тебя не принуждаю; я тебя прошу слезно: сыграй мнѣ, Егорушка, ради Бога, то, что ты французу игралъ! Отведи душу! Ты упрямятъ, и я упрямятъ; знать, у меня тоже свой норовъ, Егорушка! Я тебя чувствую, почувствуй и ты, какъ я. Живъ не могу быть, пока мѣстъ ты мнѣ не сыграешь того, по своей доброй волѣ и охотѣ, что французу игралъ.

— Ну, быть такъ! — сказалъ Ефимовъ.—Даль я, сударь, зарокъ никогда передъ вами не играть, именно передъ вами, а теперь сердце мое разрѣшилось. Сыграю я вамъ, но только въ первый и послѣдній разъ, и больше, сударь, вамъ никогда и нигдѣ меня не услышать, хоть бы тысячу рублей мнѣ посулили.

Тутъ онъ взялъ скрипку и началъ играть свои варіаціи на русскія пѣсни. — Б. говорилъ, что эти варіаціи — его первая и лучшая пьеса на скрипкѣ, и что больше онъ никогда ничего не игралъ такъ хорошо и съ такимъ вдохновеніемъ. Помѣщикъ, который и безъ того не могъ равнодушно слышать музыку, плакалъ навзрѣдъ. Когда игра кончилась, онъ всталъ со стула, вынулъ триста рублей, подалъ ихъ моему отчиму и сказалъ:

— Теперь ступай, Егоръ. Я тебя выпущу отсюда и самъ все улажу съ графомъ, но слушай: больше ужъ ты со мной не встрѣчайся. Передъ тобой дорога широкая, и коль столкнемся на ней,

такъ и мнѣ и тебѣ будетъ обидно. Ну, прощай! . . Подожди! Еще одинъ мой совѣтъ тебѣ на дорогу, только одинъ: не пей и учись, все учись; не зазнавайся! Говорю тебѣ, какъ бы отецъ твой родной сказалъ тебѣ. Смотри же, еще разъ повторяю: учись и чарки не знай, а хлебнешь разъ съ горя (а горя-то много будетъ!) — пиши пропало, все къ бѣсу пойдетъ, и, можетъ, самъ гдѣ-нибудь, во рву, какъ твой итальянецъ, издохнешь. Ну, теперь прощай! . . Пстой, поцѣлуй меня!

Они поцѣловались, и вслѣдъ за тѣмъ мой отчимъ вышелъ на свободу.

Едва онъ очутился на свободѣ, какъ тотчасъ же началъ тѣмъ, что прокутилъ въ ближайшемъ уѣздномъ городѣ свои триста рублей, побратавшись въ то же время съ самой черной, грязной компаніей какихъ-то гулякъ, и кончилъ тѣмъ, что, оставшись одинъ въ нищетѣ и безъ всякой помощи, вынужденъ былъ вступить въ какой-то жалкій оркестръ бродячаго провинціального театра, въ качествѣ первой и, можетъбыть, единственной скрипки. Все это не совсѣмъ согласовалось съ его первоначальными намѣреніями, которыя состояли въ томъ, чтобъ какъ можно скорѣе идти въ Петербургъ учиться, достать себѣ хорошее мѣсто и вполне образовать изъ себя артиста. Но житье въ маленькомъ оркестрѣ не сладилось. Мой отчимъ скоро поссорился съ антрепренеромъ странствующаго театра и оставилъ его. Тогда онъ совершенно упалъ духомъ и даже рѣшился на отчаянную мѣру, глубоко язвившую его гордость. Онъ написалъ письмо къ извѣстному намъ помѣщику, изобразилъ ему свое положеніе и просилъ денегъ. Письмо было написано довольно независимо, но отвѣта на

него не послѣдовало. Тогда онъ написалъ другое, въ которомъ, въ самыхъ унизительныхъ выраженіяхъ, называя помѣщика своимъ благодѣтелемъ и величая его титуломъ настоящаго цѣнителя искусствъ, просилъ его опять о вспоможеніи. Наконецъ, отвѣтъ пришелъ. Помѣщикъ прислалъ сто рублей и нѣсколько строкъ, писанныхъ рукою его камердинера, въ которыхъ объявлялъ, чтобъ впредь избавить его отъ всякихъ просьбъ. Получивъ эти деньги, отчимъ тотчасъ же хотѣлъ отправиться въ Петербургъ, но, по расплатѣ долговъ, денегъ оказалось такъ мало, что о путешествіи нельзя было и думать. Онъ снова остался въ провинціи, опять поступилъ въ какой-то провинціальный оркестръ, потомъ опять не ужился въ немъ и, переходя, такимъ образомъ, съ одного мѣста на другое, съ вѣчной идеей попасть въ Петербургъ какъ-нибудь въ скоромъ времени, пробылъ въ провинціи цѣлыхъ шесть лѣтъ. Наконецъ, какой-то ужасъ напалъ на него. Съ отчаяніемъ замѣтилъ онъ, сколько потерпѣлъ его талантъ, непрерывно стѣсняемый безпорядочною, нищенскою жизнью, и въ одно утро онъ бросилъ своего антрепренера, взялъ свою скрипку и пришелъ въ Петербургъ, почти прося милостыню. Онъ поселился гдѣ-то на чердакѣ, и тутъ-то въ первый разъ сошелся съ Б., который только что пріѣхалъ изъ Германіи и тоже замышлялъ составить себѣ карьеру. Они скоро подружились, и Б. съ глубокимъ чувствомъ вспоминаетъ даже и теперь объ этомъ знакомствѣ. Оба были молоды, оба съ одинаковыми надеждами, и оба съ одною и тою же цѣлью. Но Б. еще былъ въ первой молодости; онъ перенесъ еще мало нищеты и горя; сверхъ того, онъ былъ прежде всего нѣмецъ и стре-

мился къ своей цѣли упрямо, систематически, съ совершеннымъ сознаниемъ силъ своихъ и почти разсчитавъ заранѣе, что изъ него выйдетъ, — тогда какъ товарищу его было уже тридцать лѣтъ, тогда какъ уже онъ усталъ, утомился, потерялъ всякое терпѣніе и выбился изъ первыхъ, здоровыхъ силъ своихъ, принужденный цѣлѣя семь лѣтъ изъ-за куска хлѣба бродяжничать по провинціальнымъ театрамъ и по оркестрамъ помѣщиковъ. Его поддерживала только одна вѣчная, неподвижная идея, выбиться, наконецъ, изъ сквернаго положенія, скопить денегъ и попасть въ Петербургъ. Но эта идея была темная, неясная; это былъ какой-то неотразимый внутренній призывъ, который, наконецъ, съ годами потерялъ свою первую ясность въ глазахъ самаго Ефимова, и когда онъ явился въ Петербургъ, то уже дѣйствовалъ почти безсознательно, по какой-то вѣчной старинной привычкѣ вѣчнаго желанія и обдумыванія этого путешествія, и почти уже самъ не зная, что придется ему дѣлать въ столицѣ. Энтузіазмъ его былъ какой-то судорожный, желчный, порывчатый, какъ будто онъ самъ хотѣлъ обмануть себя этимъ энтузіазмомъ и увѣриться черезъ него, что еще не изсякли въ немъ первая сила, первый жаръ, первое вдохновеніе. Этотъ непрерывный восторгъ поразилъ холоднаго, методическаго Б.; онъ былъ ослѣпленъ и привѣтствовалъ моего отчима какъ будущаго великаго музыкальнаго генія. Иначе онъ не могъ и представить себѣ будущую судьбу своего товарища. Но вскорѣ Б. открылъ глаза и разгадалъ его совершенно. Онъ ясно увидѣлъ, что вся эта порывчатость, горячка и нетерпѣніе — не что иное, какъ безсознательное отчаяніе при воспоминаніи о про-

павшемъ талантѣ; что даже, наконецъ, и самый талантъ, можетъ быть, и въ самомъ-то началѣ былъ вовсе не такъ великъ, что много было ослѣпленія, напрасной самоувѣренности, первоначальнаго самоудовлетворенія и непрерывной фантазіи, непрерывной мечты о собственномъ геніи. «Но, — рассказывалъ Б., — я не могъ не удивляться странной натурѣ моего товарища. Передо мной совершалась въявь отчаянная, лихорадочная борьба судорожно-напряженной воли и внутренняго безсилія. Несчастный цѣлая семь лѣтъ до того удовлетворялся однѣми мечтами о будущей славѣ своей, что даже не замѣтилъ, какъ потерялъ самое первоначальное въ нашемъ искусствѣ, какъ утратилъ даже самый первоначальный механизмъ дѣла. А между тѣмъ, въ его беспорядочномъ воображеніи поминутно создавались самые колоссальные планы для будущаго. Мало того, что онъ хотѣлъ быть первокласснымъ геніемъ, однимъ изъ первыхъ скрипачей въ мірѣ; мало того, что уже почиталъ себя такимъ геніемъ, — онъ, сверхъ того, думалъ еще сдѣлаться композиторомъ, не зная ничего о контрапунктѣ. Но всего болѣе изумляло меня, — прибавлялъ Б., — то, что въ этомъ человѣкѣ, при его полномъ безсиліи, при самыхъ ничтожныхъ познаніяхъ въ техникѣ искусства — было такое глубокое, такое ясное и, можно сказать, инстинктивное пониманіе искусства. Онъ до того сильно чувствовалъ его и понималъ про себя, что не диво, если заблудился въ собственномъ сознаніи о самомъ себѣ, и принялъ себя, вмѣсто глубокаго инстинктивнаго критика искусства, за жреца самага искусства, за генія. Порой ему удавалось на своемъ грубомъ, простомъ языкѣ, чуждомъ всякой науки, говорить

мнѣ такія глубокія истины, что я становился втупикъ и не могъ понять, какимъ образомъ онъ угадалъ это все, никогда ничего не читавъ, никогда ничему не учившись, и я много обязанъ ему, — прибавлялъ Б., — ему и его совѣтамъ въ собственномъ усовершенствованіи. Что же касается до меня, — продолжалъ Б., — то я былъ спокоенъ насчетъ себя самого. Я тоже страстно любилъ свое искусство, хотя зналъ при самомъ началѣ моего пути, что большаго мнѣ не надо, что я буду, въ собственномъ смыслѣ, чернорабочій въ искусствѣ; но зато я горжусь тѣмъ, что не зарылъ, какъ лѣнивый рабъ, того, что мнѣ дано было отъ природы, а, напротивъ, возрастилъ сторицею, и если хвалятъ мою отчетливость въ игрѣ, удивляются выработанности механизма, то всѣмъ этимъ я обязанъ непрерывному, неусыпному труду, ясному сознанию силъ своихъ, добровольному самоуничтоженію и вѣчной враждѣ къ заносчивости, къ раннему самоудовлетворенію, и къ лѣни, какъ естественному слѣдствію этого самоудовлетворенія».

Б., въ свою очередь, попробовалъ подѣлиться совѣтами со своимъ товарищемъ, которому такъ подчинился въ самомъ началѣ, но только напрасно сердилъ его. Между ними послѣдовало охлажденіе. Вскорѣ Б. замѣтилъ, что товарищемъ его все чаще и чаще начинаетъ овладѣвать апатія, тоска и скука, что порывы энтузіазма его становятся рѣже и рѣже, и что за всѣмъ этимъ послѣдовало какое-то мрачное, дикое уныніе. Наконецъ, Ефимовъ началъ оставлять свою скрипку и не притрогивался иногда къ ней по цѣлымъ недѣлямъ. До совершеннаго паденія было недалеко, и скорѣ несчастный впалъ во всѣ пороки. Отъ чего предостерегалъ

его помѣщикъ, то и случилось: онъ предался неумѣренному пьянству. Б. съ ужасомъ смотрѣлъ на него; совѣты его не подѣйствовали, да и кромѣ того, онъ боялся выговорить слово. Мало-по-малу Ефимовъ дошелъ до самаго крайняго цинизма: онъ нисколько не совѣстился жить на счетъ Б., и даже поступалъ такъ, какъ будто имѣлъ на то полное право. Между тѣмъ средства къ жизни истощались; Б. кое-какъ перебивался уроками или нанимался играть на вечеринкахъ у купцовъ, у нѣмцевъ, у бѣдныхъ чиновниковъ, которые хотя понемногу, но что-нибудь платили. Ефимовъ какъ будто не хотѣлъ и замѣтить нужды своего товарища: онъ обращался съ нимъ сурово, и по цѣлымъ недѣлямъ не удостоивалъ его ни однимъ словомъ. Однажды Б. замѣтилъ ему самымъ кроткимъ образомъ, что не худо бы ему было не слишкомъ пренебрегать своей скрипкой, чтобъ не отучить отъ себя совсѣмъ инструмента; тогда Ефимовъ совсѣмъ разсердился и объявилъ, что онъ нарочно не дотронется никогда до своей скрипки, какъ будто воображая, что кто-нибудь будетъ упрасивать его о томъ на колѣняхъ. Другой разъ Б. понадобился товарищъ, чтобъ играть на одной вечеринкѣ, и онъ пригласилъ Ефимова. Это приглашеніе привело Ефимова въ ярость. Онъ съ запальчивостью объявилъ, что онъ не уличный скрипачъ и не будетъ такъ подль, какъ Б., чтобъ унижать благородное искусство, играя передъ подлыми ремесленниками, которые ничего не поймутъ въ его игрѣ и талантѣ. Б. не отвѣтилъ на это ни слова, но Ефимовъ, надумавшись объ этомъ приглашеніи въ отсутствіи своего товарища, который ушелъ играть, вообразилъ, что все это было только намекомъ на то, что онъ

живетъ на счетъ Б., и желаніе дать знать, чтобъ онъ тоже попробовалъ зарабатывать деньги. Когда Б. воротился, Ефимовъ вдругъ сталъ укорять его за подлость его поступка и объявилъ, что не останется болѣе съ нимъ ни минуты. Онъ, дѣйствительно, исчезъ куда-то на два дня, но на третій явился опять, какъ ни въ чемъ не бывало, и снова началъ продолжать свою прежнюю жизнь.

Только прежняя свычка и дружба, да еще состраданіе, которое чувствовалъ Б. къ погибшему человѣку, удерживали его отъ намѣренія кончить такое безобразное житъе и разстаться навсегда со своимъ товарищемъ. Наконецъ, они разстались. Б. улыбнулось счастье: онъ приобрѣлъ чье-то сильное покровительство, и ему удалось дать блестящій концертъ. Въ это время онъ уже былъ превосходный артистъ, и скоро его быстро-возрастающая извѣстность доставила ему мѣсто въ оркестрѣ опернаго театра, гдѣ онъ такъ скоро составилъ себѣ вполнѣ заслуженный успѣхъ. Разставаясь, онъ далъ Ефимову денегъ и со слезами умолялъ его возвратиться на истинный путь. — Б. и теперь не можетъ вспомнить о немъ безъ особеннаго чувства. Знакомство съ Ефимовымъ было однимъ изъ самыхъ глубокихъ впечатлѣній его молодости. Вмѣстѣ они начали свое поприще, такъ горячо привязались другъ къ другу, и даже самая странность, самые грубые, рѣзкіе недостатки Ефимова привязывали къ нему Б. еще сильнѣе. — Б. понималъ его; онъ видѣлъ его насквозь и предузнавалъ, чѣмъ все это кончится. При разставаніи они обнялись, и оба заплакали. Тогда Ефимовъ, сквозь слезы и рыданія, проговорилъ, что онъ погибшій, несчаст-

нѣйшій человѣкъ, что онъ давно это зналъ, но что теперь только усмотрѣлъ ясно свою гибель.

— У меня нѣтъ таланта! — заключилъ онъ, поблѣднѣвъ какъ мертвый.

Б. былъ сильно тронуть.

— Послушай, Егоръ Петровичъ, — говорилъ онъ ему: — что ты надъ собою дѣлаешь? Ты вѣдь только губишь себя своимъ отчаяніемъ; у тебя нѣтъ ни терпѣнія, ни мужества. Теперь ты говоришь въ припадкѣ унынія, что у тебя нѣтъ таланта. Неправда! У тебя есть талантъ, я тебя въ томъ увѣряю. У тебя онъ есть. Я вижу это ужъ по одному тому, какъ ты чувствуешь и понимаешь искусство. Это я докажу тебѣ и всею твоею жизнью. Ты же рассказывалъ мнѣ о своемъ прежнемъ житьѣ. И тогда тебя посѣтило безсознательно тоже отчаяніе. Тогда твой первый учитель, этотъ странный человѣкъ, о которомъ ты мнѣ такъ много рассказывалъ, впервые пробудилъ въ тебѣ любовь къ искусству и угадалъ твой талантъ. Ты такъ же сильно и тяжело почувствовалъ это тогда, какъ и теперь чувствуешь. Но ты не зналъ самъ, что съ тобою дѣлается. Тебѣ не жилось въ домѣ помѣщика, и ты самъ не зналъ, чего тебѣ хотѣлось. Учитель твой умеръ слишкомъ рано. Онъ оставилъ тебя только съ одними неясными стремленіями и, главное, не объяснилъ тебѣ тебя же самого. Ты чувствовалъ, что тебѣ нужна другая дорога, болѣе широкая, что тебѣ суждены другія цѣли, но ты не понималъ, какъ это сдѣлается, и въ тоскѣ своей возненавидѣлъ все, что тебя окружало тогда. Твои шесть лѣтъ бѣдности и нищеты не погибли даромъ; ты учился, ты думалъ, ты сознавалъ себя и свои силы, ты понимаешь теперь искусство и свое на-

значеніе. Другъ мой, нужно терпѣніе и мужество. Тебя ждетъ жребій завиднѣе моего: ты во сто разъ болѣе художникъ, чѣмъ я; но дай Богъ тебѣ хоть десятую долю моего терпѣнія. Учись и не пей, какъ говорилъ тебѣ твой добрый помѣщикъ, а главное, — начинай сызнова, съ азбуки. Что тебя мучить? Бѣдность, нищета? Но бѣдность и нищета образуютъ художника. Онѣ неразлучны съ началомъ. Ты еще никому не нуженъ теперь, никто тебя и знать не хочетъ; такъ свѣтъ идетъ. Подожди, не то еще будетъ, когда узнаютъ, что въ тебѣ есть дарованіе. Зависть, мелочная подлость, а пуще всего глупость налягутъ на тебя сильнѣе нищеты. Таланту нужно сочувствіе, ему нужно, чтобъ его понимали, а ты увидишь, какія лица обступятъ тебя, когда ты хоть немного достигнешь цѣли. Они будутъ ставить ни во что и съ презрѣніемъ смотрѣть на то, что въ тебѣ выработалось тяжкимъ трудомъ, лишеніями, голодомъ, бессонными ночами. Они не ободрятъ, не утѣшатъ тебя, — твои будущіе товарищи; они не укажутъ тебѣ на то, что въ тебѣ хорошо и истинно, но съ злою радостью будутъ поднимать каждую ошибку твою, будутъ указывать тебѣ именно на то, что у тебя дурно, на то, въ чемъ ты ошибаешься, и подъ наружнымъ видомъ хладнокровія и презрѣнія къ тебѣ будутъ, какъ праздникъ, праздновать каждую твою ошибку (будто кто-нибудь былъ безъ ошибокъ!). Ты же заносчивъ, ты часто некстати гордъ и можешь оскорбить самолюбивую ничтожность, и тогда бѣда, — ты будешь одинъ, а ихъ много; они тебя истерзаютъ булавками. Даже я начинаю это испытывать. Ободрись же теперь! Ты еще совсѣмъ не такъ бѣденъ, ты можешь жить, не пренебрегай

черной работой, руби дрова, какъ я рубилъ ихъ на вечеринкахъ у бѣдныхъ ремесленниковъ. Но ты нетерпѣливъ, ты боленъ своимъ нетерпѣніемъ, у тебя мало простоты, ты слишкомъ хитришь, слишкомъ много думаешь, много даешь работы своей головѣ; ты дерзокъ на словахъ и трусишь, когда придется взять въ руки смычокъ. Ты самолюбивъ, и въ тебѣ мало смѣлости. Смѣлѣй же, подожди, поучись, и если не надѣешься на силы свои, такъ иди на авось; въ тебѣ есть жаръ, есть чувство. Авось дойдешь до цѣли, а если нѣтъ, все-таки иди на авось: не потеряешь ни въ какомъ случаѣ, потому что выигрышь слишкомъ великъ. Тутъ, братъ, наше авось — дѣло великое!

Ефимовъ слушалъ своего бывшего товарища съ глубокимъ чувствомъ. Но по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, блѣдность сходила съ щекъ его; онѣ оживились румянцемъ; глаза его сверкали непривычнымъ огнемъ смѣлости и надежды. Скоро эта благородная смѣлость перешла въ самоувѣренность, потомъ въ обычную дерзость и, наконецъ, когда Б. оканчивалъ свое увѣщаніе, Ефимовъ уже слушалъ его разсѣянно и съ нетерпѣніемъ. Однакожъ онъ горячо сжалъ ему руку, поблагодарилъ его и, скорый въ своихъ переходахъ отъ глубокаго самоуничтоженія и унынія до крайней надменности и дерзости, объявилъ самонадѣянно, чтобъ другъ его не безпокоился объ его участи, что онъ знаетъ, какъ устроить свою судьбу, что скоро и онъ надѣется достать себѣ покровительство, дастъ концертъ и тогда разомъ зазоветъ себѣ и славу и деньги. — Б. пожалъ плечами, но не противорѣчилъ своему бывшему товарищу, и они разстались, хотя, разумѣется, ненадолго. Ефимовъ тотчасъ же про-

жилъ данныя ему деньги и пришель за ними въ другой разъ, потомъ въ четвертый, потомъ въ десятый, наконецъ, Б. потерялъ терпѣніе и не сказывался дома. Съ тѣхъ поръ онъ потерялъ его совсѣмъ изъ виду.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Одинъ разъ Б., возвращаясь съ репетиціи домой, наткнулся въ одномъ переулкѣ, у входа въ грязный трактиръ, на человека дурно одѣтаго, хмельного, который назвалъ его по имени. Это былъ Ефимовъ. Онъ очень измѣнился, пожелтѣлъ, отекъ въ лицѣ; видно было, что безпутная жизнь положила на него свое клеймо неизгладимымъ образомъ. — Б. обрадовался чрезвычайно, и, не успѣвъ перемолвить съ нимъ двухъ словъ, пошелъ за нимъ въ трактиръ, куда тотъ потащилъ его. Тамъ, въ отдаленной, маленькой, закопченной комнатѣ, онъ разглядѣлъ поближе своего товарища. Тотъ былъ почти въ лохмотьяхъ, въ худыхъ сапогахъ; растрепанная манишка его была вся залита виномъ. Волосы на головѣ его начали сѣдѣть и вылѣзать.

— Что съ тобою? Гдѣ ты теперь? — спрашивалъ Б.

Ефимовъ сконфузился, даже сробѣлъ сначала, отвѣчалъ безсвязно и отрывисто, такъ что Б. подумалъ, что онъ видитъ предъ собою помѣшаннаго. Наконецъ, Ефимовъ признался, что не можетъ ничего говорить, если не дадутъ выпить водки, и что въ трактирѣ ему давно уже не вѣрятъ. Говоря это, онъ краснѣлъ, хотя и постарался ободрить себя какимъ-то бойкимъ жестомъ; но вышло что-то нахальное, выдѣланное, назойливое, такъ что все было очень жалко и возбудило состраданіе въ добромъ Б., который увидѣлъ, что опасеніе его сбы-

лось вполнѣ. Однакожь, онъ приказаль подать водки. Ефимовъ измѣнился въ лицѣ отъ благодарности и до того потерялся, что со слезами на глазахъ готовъ былъ цѣловать руки своего благодѣтеля. За обѣдомъ, Б. узналъ съ величайшимъ удивленіемъ, что несчастный женатъ. Но еще болѣе изумился онъ, когда тутъ же узналъ, что жена составила все его несчастье и горе, и что женитьба убила вполнѣ весь талантъ его.

— Какъ такъ? — спросилъ Б.

— Я, братъ, уже два года, какъ не беру въ руки скрипку, — отвѣчалъ Ефимовъ. — Баба, кухарка, необразованная, грубая женщина. Что бѣ ее!.. Только деремся, больше ничего не дѣлаемъ.

— Да зачѣмъ же ты женился, коли такъ?

— Ъсть было нечего. Я познакомился съ ней; у ней было рублей съ тысячу: я и женился, очертя голову. Она же влюбилась въ меня. Сама ко мнѣ повисла на шею. Кто ее наталкивалъ! Деньги прожиты, пропиты, братецъ, и — какой тутъ талантъ! Все пропало!

Б. увидѣль, что Ефимовъ какъ будто спѣшилъ въ чемъ-то передъ нимъ оправдаться.

— Все бросилъ, все бросилъ, — прибавилъ онъ. Тутъ онъ ему объявилъ, что въ послѣднее время почти достигъ совершенства на скрипкѣ, что, пожалуй, хотя Б. и изъ первыхъ скрипачей въ городѣ, а ему и въ подметки не станеть, если онъ захочеть того.

— Такъ за чѣмъ же дѣло стало? — сказалъ удивленный Б.: — ты бы искалъ себѣ мѣста?

— Не стоить! — сказалъ Ефимовъ, махнувъ рукою. — Кто изъ васъ тамъ хоть что-нибудь понимаетъ! Что вы знаете? Шишь, ничего, вотъ что

вы знаете! Плясовую какую-нибудь въ балетцѣ какомъ прогудѣть — ваше дѣло. Скрипачей-то вы хорошихъ и не видали, и не слышали. Чего васъ трогать; оставайтесь себѣ, какъ хотите!

Тутъ Ефимовъ снова махнулъ рукой и покачнулся на стулѣ, потому что порядочно охмелѣлъ. Затѣмъ онъ сталъ звать къ себѣ Б.; но тотъ отказался, взялъ его адресъ и увѣрилъ, что завтра же зайдетъ къ нему. Ефимовъ, который теперь уже былъ сытъ, насмѣшливо поглядывалъ на своего бывшего товарища и всячески старался чѣмъ-нибудь уколоть его. Когда они уходили, онъ схватилъ богатую шубу Б. и подаль ее, какъ низшій высшему. Проходя мимо первой комнаты, онъ остановился и отрекомендовалъ Б. трактирщикамъ и публикѣ, какъ первую и единственную скрипку въ цѣлой столицѣ. Однимъ словомъ, онъ былъ чрезвычайно грязень въ эту минуту.

Б., однакожь, отыскалъ его на другое утро, на чердакѣ, гдѣ всѣ мы жили тогда въ крайней бѣдности, въ одной комнатѣ. Мнѣ было тогда четыре года, и уже два года тому какъ матушка моя вышла за Ефимова. Это была несчастная женщина. Прежде она была гувернантка, была прекрасно образована, хороша собой, и, по бѣдности, вышла замужъ за старика-чиновника, моего отца. Она жила съ нимъ только годъ. Когда же отецъ мой умеръ скоропостижно, и скудное наслѣдство было раздѣлено между его наслѣдниками, матушка осталась одна со мною, съ ничтожною суммою денегъ, которая досталась на ея долю. Идти въ гувернантки опять, съ малолѣтнимъ ребенкомъ на рукахъ, было трудно. Въ это время, какимъ-то случайнымъ образомъ, она встрѣтилась съ Ефимовымъ, и дѣй-

ствительно влюбилась въ него. Она была энтузіастка, мечтательница, видѣла въ Ефимовѣ какого-то генія, повѣрила его заносчивымъ словамъ о блестящей будущности; воображенію ея льстила славная участь быть опорой, руководительницей геніальнаго человѣка, и она вышла за него замужъ. Въ первый же мѣсяцъ исчезли всѣ ея мечты и надежды, и передъ ней осталась жалкая дѣйствительность. Ефимовъ, который дѣйствительно женился, можетъ быть, изъ-за того, что у матушки моей была какая-нибудь тысяча рублей денегъ, какъ только онѣ были прожиты, сложилъ руки и, какъ будто радуясь предлогу, немедленно объявилъ всѣмъ и каждому, что женитьба сгубила его талантъ, что ему нельзя было работать въ душной комнатѣ, глазъ на глазъ съ голоднымъ семействомъ, что тутъ не пойдутъ на умъ пѣсни да музыка; и что, наконецъ, видно, ему на роду написано было такое несчастье. Кажется, онъ и самъ потомъ увѣрился въ справедливости своихъ жалобъ и, казалось, обрадсвался новой отговоркѣ. Казалось, этотъ несчастный, погибшій талантъ самъ искалъ внѣшняго случая, на который бы можно свалить всѣ неудачи, всѣ бѣдствія. Увѣриться же въ ужасной мысли, что онъ уже давно и навсегда погибъ для искусства, онъ не могъ. Онъ судорожно боролся, какъ съ болѣзненнымъ кошмаромъ, съ этимъ ужаснымъ убѣжденіемъ и, наконецъ, когда дѣйствительность одолѣвала его, когда минутами открывались его глаза, онъ чувствовалъ, что готовъ былъ сойти съ ума отъ ужаса. Онъ не могъ такъ легко разувѣриться въ томъ, что такъ долго составляло всю жизнь его, и до послѣдней минуты своей думалъ, что минута еще не ушла. Въ часы сомнѣнія, онъ предавался пьян-

ству, которое, своимъ безобразнымъ чадомъ, прогоняло тоску его. Наконецъ, онъ, можетъ быть, самъ не зная, какъ необходима была ему жена въ это время. Это была живая отговорка, и, дѣйствительно, мой отчимъ чуть не помѣшался на той идеѣ, что когда онъ схоронитъ жену, *которая погубила его*, все пойдетъ своимъ чередомъ. Бѣдная матушка не понимала его. Какъ настоящая мечтательница, она не вынесла и перваго шага въ враждебной дѣйствительности: она сдѣлалась вспыльчива, желчна, бранчлива, поминутно ссорилась съ мужемъ, который находилъ какое-то наслажденіе мучить ее, и безпрестанно гнала его за работу. Но ослѣпленіе, неподвижная идея моего отчима, его сумасбродство сдѣлали его почти безчеловѣчнымъ и безчувственнымъ. Онъ только смѣялся, и поклялся не брать въ руки скрипки до самой смерти жены, что и объявилъ ей съ жестокой откровенностью. Матушка, которая до самой смерти своей страстно любила его, несмотря ни на что, не могла выносить такой жизни. Она сдѣлалась вѣчно-больною, вѣчно-страждущею, жила въ непрерывныхъ терзаніяхъ, и, кромѣ всего этого горя, на нее одну пала забота о пропитаніи семейства. Она начала готовить кушанье и сначала открыла у себя столъ для приходящихъ. Но мужъ таскалъ у нее потихоньку всѣ деньги, и она принуждена была часто отсылать, вмѣсто обѣда, пустую посуду тѣмъ, для которыхъ работала. Когда Б. посѣтилъ насъ, она занималась мытьемъ бѣлья и перекрашиваніемъ стараго платья. Такимъ образомъ мы всѣ кое-какъ перебивались на нашемъ чердакѣ.

Нищета нашего семейства поразила Б. — Послушай, вздоръ ты все говоришь, — сказалъ онъ

отчиму: — гдѣ тутъ убитый талантъ? Она же тебя кормить, а ты что тутъ дѣлаешь?

— А ничего! — отвѣчалъ отчимъ.

Но Б. еще не зналъ всѣхъ бѣдствій матушки. Мужъ часто заводилъ къ себѣ въ домъ цѣлыя ватаги разныхъ сорванцовъ и буяновъ, и тогда чего не было!

Б. долго убѣждалъ своего прежняго товарища; наконецъ, объявилъ ему, что если онъ не захочетъ исправиться, то ни въ чемъ ему не поможетъ; сказалъ безъ околичностей, что денегъ ему не дастъ, потому что онъ ихъ пропьетъ, и попросилъ, наконецъ, сыграть ему что-нибудь на скрипкѣ, чтобъ посмотрѣть, что можно будетъ для него сдѣлать. Когда же отчимъ пошелъ за скрипкой, Б. потихоньку сталъ давать денегъ моей матери, но та не брала. Въ первый разъ ей приходилось принимать подаяніе! Тогда Б. отдалъ ихъ мнѣ, и бѣдная женщина залилась слезами. Отчимъ принесъ скрипку, но сначала попросилъ водки, сказавъ, что безъ этого не можетъ играть. Послали за водкой. Онъ выпилъ и расходился. — Я сыграю тебѣ что-нибудь изъ моего собственнаго, по дружбѣ, — сказалъ онъ Б., и вытащилъ толстую, запыленную тетрадь изъ-подъ комода.

— Все это я самъ написалъ, — сказалъ онъ, указывая на тетрадь. — Вотъ, ты увидишь! Это, братъ, не ваши балетцы!

Б. молча просмотрѣлъ нѣсколько страницъ; потомъ развернулъ ноты, которыя были при немъ, и попросилъ отчима, оставивъ въ сторонѣ собственное сочиненіе, разыграть что-нибудь изъ того, что онъ самъ принесъ.

Отчимъ немного обидѣлся, однакожъ, боясь по-

терять новое покровительство, исполнилъ приказаніе Б. — Тутъ Б. увидѣлъ, что прежній товарищъ его дѣйствительно много занимался и пріобрѣлъ во время ихъ разлуки, хотя хвалился, что уже съ самой женитьбы не беретъ въ руки инструмента. Надо было видѣть радость моей бѣдной матери. Она глядѣла на мужа и снова гордилась имъ. Искренно обрадовавшись, добрый Б. рѣшился пристроить отчима. Онъ уже тогда имѣлъ большія связи и немедленно сталъ просить и рекомендовать своего бѣднаго товарища, взявъ съ него предварительное слово, что онъ будетъ вести себя хорошо. А покамѣстъ онъ одѣлъ его получше, на свой счетъ, и повелъ къ нѣкоторымъ извѣстнымъ лицамъ, отъ которыхъ зависѣло то мѣсто, которое онъ хотѣлъ достать для него. Дѣло въ томъ, что Ефимовъ чванился только на словахъ, но, кажется, съ величайшею радостью принялъ предложеніе своего стараго друга. — Б. рассказывалъ, что ему становилось стыдно за всю лесть и за все униженное поклоненіе, которыми отчимъ старался его задобрить, боясь какъ-нибудь потерять его благорасположеніе. Онъ понималъ, что его ставятъ на хорошую дорогу, и даже пересталъ пить. Наконецъ, ему пріискали мѣсто въ оркестрѣ театра. Онъ выдержалъ испытаніе хорошо, потому что въ одинъ мѣсяцъ прилежанія и труда воротилъ все, что потерялъ въ полтора года бездѣйствія, обѣщаль и впредь заниматься и быть исправнымъ и точнымъ въ своихъ новыхъ обязанностяхъ. Но положеніе нашего семейства совсѣмъ не улучшилось. Отчимъ не давалъ матушкѣ ни копейки изъ жалованья, все проживалъ самъ, пропивалъ и проѣдалъ съ новыми пріятелями, которыхъ тотчасъ же завелъ цѣлый

кружокъ. Онъ водился преимущественно съ театральными служителями, хористами, фигурантами, однимъ словомъ съ такимъ народомъ, между которымъ могъ первенствовать, и избѣгалъ людей истинно талантливыхъ. Онъ успѣлъ имъ внушить къ себѣ какое-то особенное уваженіе, тотчасъ же натолковалъ имъ, что онъ непризнанный человѣкъ, что онъ съ великимъ талантомъ, что его сгубила жена, и что, наконецъ, ихъ капельмейстеръ ничего не смыслить въ музыкѣ. Онъ смѣялся надъ всѣми артистами оркестра, надъ выборомъ пьесъ, которыя ставятъ на сцену, и, наконецъ, надъ самыми авторами игравшихся оперъ. Наконецъ, онъ началъ толковать какую-то новую теорію музыки, словомъ, надоѣлъ всему оркестру, перессорился съ товарищами, съ капельмейстеромъ, грубилъ начальству, приобрѣлъ репутацію самага безпокойнаго, самага вздорнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самага ничтожнаго человѣка, и довелъ до того, что сталь для всѣхъ невыносимымъ.

И дѣйствительно, было чрезвычайно странно видѣть, что такой незначительный человѣкъ, такой дурной, бесполезный исполнитель и нерадивый музыкантъ, въ то же время съ такими огромными претензіями, съ такою хвастливостью, чванствомъ, съ такимъ рѣзкимъ тономъ.

Кончилось тѣмъ, что отчимъ поссорился съ Б., выдумалъ самую скверную сплетню, самую гадкую клевету и пустилъ ее въ ходъ за очевидную истину. Его выжили изъ оркестра послѣ полугодовой безпорядочной службы, за нерадивость въ исполненіи обязанности и нетрезвое поведеніе. Но онъ не покинулъ такъ скоро своего мѣста. Скоро его увидѣли въ прежнихъ лохмотьяхъ, потому что поря-

дочное платье все было снова продано и заложено. Онъ сталъ приходить къ прежнимъ сослуживцамъ, рады или не рады были они такому гостю, разносилъ сплетни, болталъ вздоръ, плакался на свое житье-бытье, и звалъ всѣхъ къ себѣ глядѣть злодѣйку-жену его. Конечно, нашлись слушатели, нашлись такіе люди, которые находили удовольствіе, напоивъ выгнаннаго товарища, заставлятъ его болтать всякій вздоръ. Къ тому же, онъ говорилъ всегда остро и умно и пересыпалъ свою рѣчь ѣдкою желчью и разными циническими выходками, которыя нравились извѣстнаго рода слушателямъ. Его принимали за какого-то сумасброднаго шута, котораго иногда пріятно заставить болтать отъ бездѣлья. Любили дразнить его, говоря при немъ о какомъ-нибудь новомъ заѣзжемъ скрипачѣ. Слыша это, Ефимовъ мѣнялся въ лицѣ, робѣлъ, разузнавалъ, кто пріѣхалъ, и кто такой новый талантъ, и тотчасъ же начиналъ ревновать къ его славѣ. Кажется, только съ этихъ поръ началось его настоящее систематическое помѣшательство, — его неподвижная идея о томъ, что онъ первѣйшій скрипачъ, по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ, но что онъ гонимъ судьбою, обиженъ, по разнымъ интригамъ не понять и находится въ неизвѣстности. Последнее даже льстило ему, потому что есть такіе характеры, которые очень любятъ считать себя обиженными и угнетенными, жаловаться на это вслухъ, или утѣшать себя втихомолку, поклоняясь своему непризанному величію. Всѣхъ петербургскихъ скрипачей онъ зналъ наперечетъ и, по своимъ понятіямъ, ни въ комъ изъ нихъ не находилъ себѣ соперника. Знатоки и дилетанты, которые знали несчастнаго сумасброда, любили заговорить при

немъ о какомъ-нибудь извѣстномъ, талантливомъ скрипачѣ, чтобъ заставить его говорить въ свою очередь. Они любили его злость, его ѣдкія замѣчанія, любили дѣльныя и умныя вещи, которыя онъ говорилъ, критикуя игру своихъ мнимыхъ соперниковъ. Часто не понимали его, но зато были увѣрены, что никто на свѣтѣ не умѣетъ такъ ловко и въ такой бойкой карриатурѣ изобразить современныя музыкальныя знаменитости. Даже эти самые артисты, надъ которыми онъ такъ насмѣхался, немного боялись его, потому что знали его ѣдкость, сознавались въ дѣльности нападокъ его и въ справедливости его сужденія въ томъ случаѣ, когда нужно было хулить. Его какъ-то привыкли видѣть въ коридорахъ театра и за кулисами. Служители пропускали его безпрепятственно, какъ необходимое лицо, и онъ сдѣлался какимъ-то домашнимъ Оерситомъ. Такое житье продолжалось года два или три; но, наконецъ, онъ наскучилъ всѣмъ даже и въ этой послѣдней роли. Послѣдовало формальное изгнаніе, и, въ послѣдніе два года своей жизни, отчимъ какъ будто въ воду канулъ, и его уже нигдѣ не видали. Впрочемъ, Б. встрѣтилъ его два раза, но въ такомъ жалкомъ видѣ, что состраданіе еще разъ взяло въ немъ верхъ надъ отвращеніемъ. Онъ позвалъ его, но отчимъ обидѣлся, сдѣлалъ видъ, будто ничего не слыхалъ, нахлобучилъ на глаза свою старую исковерканную шляпу и прошелъ мимо. Наконецъ, въ какой-то большой праздникъ, Б. доложили поутру, что пришелъ его поздравить прежній товарищъ его, Ефимовъ. Б. вышелъ къ нему. Ефимовъ стоялъ хмельной, началъ кланяться чрезвычайно низко, чуть не въ ноги, что-то шевелилъ губами и упорно не хотѣлъ

идти въ комнаты. Смысль его поступка былъ тотъ, что гдѣ, дескать, намъ, безталаннымъ людямъ, водиться съ такою знатью, какъ вы; что для насъ, маленькихъ людей, довольно и лакейскаго мѣста, чтобъ съ праздникомъ поздравить: поклонимся и уйдемъ отсюда. Однимъ словомъ, все было сально, глупо и отвратительно гадко. Съ этихъ поръ, Б. очень долго не видалъ его, ровно до самой катастрофы, которою разрѣшилась вся эта печальная, болѣзненная и чадная жизнь. Она разрѣшилась страшнымъ образомъ. Эта катастрофа тѣсно связана не только съ первыми впечатлѣніями моего дѣтства, но даже и со всею моею жизнью. Вотъ какимъ образомъ случилась она... Но прежде я должна объяснить, что такое было мое дѣтство и что такое былъ для меня этотъ человѣкъ, который такъ мучительно отразился въ первыхъ моихъ впечатлѣніяхъ, и который былъ причиною смерти моей бѣдной матушки.

II.

Я начала себя помнить очень поздно, только съ девятаго года. Не знаю, какимъ образомъ все, что было со мною до этого года возраста, не оставило во мнѣ никакого яснаго впечатлѣнія, о которомъ бы я могла теперь вспомнить. Но съ половины девятаго года я помню все отчетливо, день за днемъ, непрерывно, какъ будто все, что ни было потомъ, случилось не далѣе какъ вчера. Правда, я могу какъ будто во снѣ припомнить что-то и раньше: всегда затепленную лампаду въ темномъ углу, у стариннаго образа; потомъ, какъ меня однажды сшибла на улицѣ лошадь, отчего, какъ мнѣ послѣ рассказывали, я пролежала больная три мѣсяца;

еще, какъ во время этой болѣзни, ночью, проснулась я подлѣ матушки, съ которою лежала вмѣстѣ, какъ я вдругъ испугалась моихъ болѣзненныхъ сновидѣній, ночной тишины и скребшихся въ углу мышей, и дрожала отъ страха всю ночь, забываясь подъ одѣяло, но не смѣя будить матушку, изъ чего и заключаю, что я ее боялась больше всякаго страха. Но съ той минуты, когда я вдругъ начала сознавать себя, я развилась быстро, неожиданно, и много совершенно недѣтскихъ впечатлѣній стали для меня какъ-то страшно доступны. Все прояснилось передо мной, все чрезвычайно скоро становилось понятнымъ. Время, съ котораго я начинаю себя хорошо помнить, оставило во мнѣ рѣзкое и грустное впечатлѣніе; это впечатлѣніе повторялось потомъ каждый день и росло съ каждымъ днемъ; оно набросило темный и странный колоритъ на все время житія моего у родителей, а вмѣстѣ съ тѣмъ — и на все мое дѣтство.

Теперь мнѣ кажется, что я очнулась вдругъ, какъ будто отъ глубокаго сна (хотя тогда это, разумѣется, не было для меня такъ поразительно). Я очутилась въ большой комнатѣ съ низкимъ потолкомъ, душной и нечистой. Стѣны были окрашены грязновато-сѣрою краскою; въ углу стояла огромная русская печь; окна выходили на улицу, или, лучше сказать, на кровлю противоположнаго дома, и были низенькія, широкія, словно щели. Подоконники приходились такъ высоко отъ полу, что я помню, какъ мнѣ нужно было подставлять стулъ, скамейку и потомъ уже кое-какъ добираться до окна, на которомъ я любила сидѣть, когда никого не было дома. Изъ нашей квартиры было видно полгорода; мы жили подъ самой кровлей, въ шести-

этажномъ, огромнѣйшемъ домѣ. Вся наша мебель состояла изъ какого-то остатка клеенчатого дивана, всего въ пыли и въ мочалахъ, простого бѣлаго стола, двухъ стульевъ, матушкиной постели, шкафика съ чѣмъ-то въ углу, комода, который всегда стоялъ покачнувшись на-бокъ, и разодранныхъ бумажныхъ ширмъ.

Помню, что были сумерки; все было въ безпорядкѣ и разбросано: щетки, какія-то тряпки, наша деревянная посуда, разбитая бутылка, и не знаю, что-то такое еще. Помню, что матушка была чрезвычайно взволнована и отчего-то плакала. Отчимъ сидѣлъ въ углу, въ своемъ всегдашнемъ изодранномъ сюртукѣ. Онъ отвѣчалъ ей что-то съ усмѣшкой, что разсердило ее еще болѣе, и тогда опять полетѣли на полъ щетки и посуда. Я заплакала, закричала и бросилась къ нимъ обоимъ. Я была въ ужасномъ испугѣ и крѣпко обняла батюшку, чтобъ заслонить его собою. Богъ знаетъ, отчего показалось мнѣ, что матушка на него напрасно сердится, что онъ не виноватъ; мнѣ хотѣлось просить за него прощенія, вынести за него какое угодно наказаніе. Я ужасно боялась матушки и предполагала, что и всѣ такъ же боятся ее. Матушка сначала изумилась, потомъ схватила меня за руку и оттащила за ширмы. Я ушибла о кровать руку довольно больно; но испугъ былъ сильнѣе боли, и я даже не поморщилась. Помню еще, что матушка начала что-то горько и горячо говорить отцу, указывая на меня (я буду и впередъ въ этомъ разсказѣ называть его отцомъ, потому что уже гораздо послѣ узнала, что онъ мнѣ не родной). Вся эта сцена продолжалась часа два, и я, дрожа отъ ожиданія, старалась всѣми силами угадать, чѣмъ все это кон-

чится. Наконецъ, ссора утихла, и матушка куда-то ушла. Тутъ батюшка позвалъ меня, поцѣловалъ, погладилъ по головѣ, посадилъ на колѣни, и я крѣпко, сладко прижалась къ груди его. Это была, можетъ быть, первая ласка родительская, можетъ быть, оттого и я начала все такъ отчетливо помнить съ того времени. Я замѣтила тоже, что заступилась, и тутъ, кажется, въ первый разъ, меня поразила идея, что онъ много терпитъ и выносить горя отъ матушки. Съ тѣхъ поръ, эта идея осталась при мнѣ навсегда и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе возмущала меня.

Съ этой минуты началась во мнѣ какая-то безграничная любовь къ отцу, но чудная любовь, какъ будто вовсе не дѣтская. Я бы сказала, что это было скорѣе какое-то сострадательное, *материнское* чувство, если бъ такое опредѣленіе любви моей не было немного смѣшно для дитяти. Отецъ казался мнѣ всегда до того жалкимъ, до того терпящимъ гоненія, до того задавленнымъ, до того страдальцемъ, что для меня было страшнымъ, неестественнымъ дѣломъ не любить его безъ памяти, не утѣшать его, не ласкаться къ нему, не стараться о немъ всѣми силами. Но до сихъ поръ не понимаю, почему именно могло войти мнѣ въ голову, что отецъ мой такой страдалецъ, такой несчастный человѣкъ въ мірѣ! Кто мнѣ внушилъ это? Какимъ образомъ я, ребенокъ, могла хоть что-нибудь понять въ его личныхъ неудачахъ? А я ихъ понимала, хотя перетолковавъ, передѣлавъ все въ моемъ воображеніи по-своему; но до сихъ поръ не могу представить себѣ, какимъ образомъ составилось во мнѣ такое впечатлѣніе. Можетъ быть, матушка

была слишкомъ строга ко мнѣ, и я привязалась къ отцу, какъ къ существу, которое, по моему мнѣнію, страдаетъ вмѣстѣ со мною, заодно.

Я уже рассказала первое пробужденіе мое отъ младенческаго сна, первое движеніе мое въ жизни. Сердце мое было уязвлено съ перваго мгновенія, и съ непостижимою, утомляющею быстротой началось мое развитіе. Я уже не могла довольствоваться одними внѣшними впечатлѣніями. Я начала думать, разсуждать, наблюдать; но это наблюденіе произошло такъ неестественно рано, что воображеніе мое не могло не передѣлывать всего по-своему, и я вдругъ очутилась въ какомъ-то особенномъ мірѣ. Все вокругъ меня стало походить на ту волшебную сказку, которую часто разсказывалъ мнѣ отецъ и которую я не могла не принять, въ то время, за чистую истину. Родились странныя понятія. Я очень хорошо узнала, — но не знаю, какъ это сдѣлалось, — что живу въ странномъ семействѣ, и что родители мои какъ-то вовсе не похожи на тѣхъ людей, которыхъ мнѣ случалось встрѣчать въ это время. Отчего, думала я: — отчего я вижу другихъ людей, какъ-то и съ виду не похожихъ на моихъ родителей? Отчего я замѣчала смѣхъ на другихъ лицахъ и отчего меня тутъ же поражало то, что въ нашемъ углу никогда не смѣются, никогда не радуются? Какая сила, какая причина заставила меня, девятилѣтняго ребенка, такъ прилежно осматриваться и вслушиваться въ каждое слово тѣхъ людей, которыхъ мнѣ случалось встрѣчать или на нашей лѣстницѣ, или на улицѣ, когда я по вечеру, прикрывъ свои лохмотья старой матушкиной куцавейкой, шла въ лавочку съ мѣдными деньгами купить на нѣсколько гро-

шей сахару, чаю или хлѣба. Я поняла, и ужъ не помню какъ, что въ нашемъ углу — какое-то вѣчное, нестерпимое горе. Я ломала голову, стараясь угадать, почему это такъ, и не знаю, кто мнѣ помогъ разгадать все это по-своему: я обвинила матушку, признала ее за злодѣйку моего отца, и опять говорю: не понимаю, какъ такое чудовищное понятіе могло составиться въ моемъ воображеніи. И на сколько я привязалась къ отцу, на столько возненавидѣла мою бѣдную мать. До сихъ поръ воспоминаніе обо всемъ этомъ глубоко и горько терзаетъ меня. Но вотъ другой случай, который еще болѣе, чѣмъ первый, способствовалъ моему странному сближенію съ отцомъ. Разъ, въ десятомъ часу вечера, матушка послала меня въ лавочку за дрожжами, а батюшки не было дома. Возвращаясь, я упала на улицѣ и пролила всю чашку. Первая моя мысль была о томъ, какъ разсердится матушка. Между тѣмъ я чувствовала ужасную боль въ лѣвой рукѣ и не могла встать. Кругомъ меня остановились прохожіе; какая-то старушка начала меня поднимать, а какой-то мальчикъ, пробѣжавшій мимо, ударилъ меня ключемъ въ голову. Наконецъ, меня поставили на ноги, я подобрала черепки разбитой чашки и пошла, шатаясь, едва передвигая ноги. Вдругъ я увидѣла батюшку. Онъ стоялъ въ толпѣ, передъ богатымъ домомъ, который былъ противъ нашего. Этотъ домъ принадлежалъ какимъ-то знатнымъ людямъ и былъ великолѣпно освѣщенъ; у крыльца съѣхалось множество каретъ, и звуки музыки долетали изъ оконъ на улицу. Я схватила батюшку за полу сюртука, показала ему разбитую чашку и, заплакавъ, начала говорить, что боюсь идти къ матушкѣ. Я

какъ-то была увѣрена, что онъ заступится за меня. Но почему я была увѣрена, кто подсказалъ мнѣ, кто научилъ меня, что онъ меня любитъ болѣе, чѣмъ матушка? Отчего къ нему я подошла безъ страха? Онъ взялъ меня за руку, началъ утѣшать, потомъ сказалъ, что хочетъ мнѣ что-то показать, и приподнялъ меня на рукахъ. Я ничего не могла видѣть, потому что онъ схватилъ меня за ушибленную руку, и мнѣ стало ужасно больно; но я не закричала, боясь огорчить его. Онъ все спрашивалъ, вижу ли я что-нибудь? Я всѣми силами старалась отвѣчать въ угоду ему, и отвѣчала, что вижу красные занавѣсы. Когда же онъ хотѣлъ перенести меня на другую сторону улицы, ближе къ дому, то, не знаю отчего, вдругъ начала я плакать, обнимать его и проситься скорѣе навверхъ къ матушкѣ. Я помню, что мнѣ тяжелѣе были тогда ласки батюшки, и я не могла вынести того, что одинъ изъ тѣхъ, кого я такъ хотѣла любить, — ласкаетъ и любитъ меня, и что къ другой я не смѣла и боялась идти. Но матушка почти совсѣмъ не сердилась и отослала меня спать. Я помню, что боль въ рукѣ, усиливаясь все болѣе и болѣе, нагнала на меня лихорадку. Однакожъ, я была какъ-то особенно счастлива тѣмъ, что все такъ благополучно кончилось, и всю эту ночь мнѣ снился сосѣдній домъ, съ красными занавѣсами.

И вотъ, когда я проснулась на другой день, первою мыслью, первою заботою моею былъ домъ съ красными занавѣсами. Только что матушка вышла со двора, я вскарабкалась на окошко и начала смотрѣть на него. Уже давно этотъ домъ поразилъ мое дѣтское любопытство. Особенно я любила смотрѣть на него ввечеру, когда на улицѣ зажигались

огни и когда начинали блестять какимъ-то кровавымъ, особеннымъ блескомъ красныя какъ пурпуръ гардины за цѣльными стеклами ярко освѣщеннаго дома. Къ крыльцу почти всегда подъѣзжали богатые экипажи, на прекрасныхъ, гордыхъ лошадяхъ, и все завлекало мое любопытство: и крикъ, и суматоха у подъѣзда, и разноцвѣтные фонари каретъ, и разряженныя женщины, которыя пріѣзжали въ нихъ. Все это въ моемъ дѣтскомъ воображеніи принимало видъ чего-то царственно-пышнаго и сказочно-волшебнаго. Теперь же, послѣ встрѣчи съ отцомъ у богатаго дома, домъ сдѣлался для меня вдвое чудеснѣе и любопытнѣе. Теперь въ моемъ пораженномъ воображеніи начали рождаться какія-то чудныя понятія и предположенія. И я не удивляюсь, что среди такихъ странныхъ людей, какъ отецъ и мать, — я сама сдѣлалась такимъ страннымъ, фантастическимъ ребенкомъ. Меня какъ-то особенно поражалъ контрастъ ихъ характеровъ. Меня поражало, напримѣръ, то, что матушка вѣчно заботилась и хлопотала о нашемъ бѣдномъ хозяйствѣ, вѣчно попрекала отца, что она одна за всѣхъ труженица, и я невольно задавала себѣ вопросъ: почему же бабушка совсѣмъ не помогаетъ ей, почему же онъ какъ будто чужой живетъ въ нашемъ домѣ? Нѣсколько матушкиныхъ словъ дали мнѣ объ этомъ понятіе, и я съ какимъ-то удивленіемъ узнала, что бабушка артистъ (это слово я удержала въ памяти), что бабушка человекъ съ талантомъ; въ моемъ воображеніи тотчасъ же сложилось понятіе, что артистъ — какой-то особенный человекъ, непохожій на другихъ людей. Можетъ быть, самое поведение отца навело меня на эту мысль; можетъ быть, я слышала что-

нибудь, что теперь вышло изъ моей памяти; но какъ-то странно понятень былъ для меня смыслъ словъ отца, когда онъ сказалъ ихъ одинъ разъ при мнѣ съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ. Эти слова были, что «придетъ время, когда и онъ не будетъ въ нищетѣ, когда онъ самъ будетъ баринъ и богатый человекъ, и что, наконецъ, онъ воскреснетъ снова, когда умретъ матушка». Помню, я сначала испугалась этихъ словъ до крайности. Я не могла оставаться въ комнатѣ, выбѣжала въ наши холодныя сѣни, и тамъ, облокотясь на окно и закрывъ руками лицо, зарыдала. Но потомъ, когда я поминутно раздумывала объ этомъ, когда я свыклась съ этимъ ужаснымъ желаніемъ отца, — фантазія вдругъ пришла мнѣ на помощь. Да я и сама не могла долго мучиться неизвѣстностью и должна была непременно остановиться на какомъ-нибудь предположеніи. И вотъ, — не знаю, какъ началось это все сначала, — но подъ конецъ остановилась на томъ, что когда умретъ матушка, батюшка оставитъ эту скучную квартиру и уйдетъ куда-то вмѣстѣ со мною. Но куда? Я до самаго послѣдняго времени не могла себѣ ясно представить. Помню только, что все, чѣмъ могла я украсить то мѣсто, куда мы пойдѣмъ съ нимъ (а я непременно рѣшила, что мы пойдѣмъ вмѣстѣ), все, что только могло создаться блестящаго, пышнаго и великолѣпнаго въ моей фантазіи, все было приведено въ дѣйствиіе въ этихъ мечтаніяхъ. Мнѣ казалось, что мы тотчасъ же станемъ богаты; я не буду ходить на посылкахъ въ лавочку, что было очень тяжело для меня, потому что меня всегда обижали дѣти сосѣдняго дома, когда я выходила изъ дому, и этого я ужасно боялась, особенно,

когда несла молоко или масло, зная, что если пролью, то съ меня строго взыщется; потомъ я порѣшила, мечтая, что бабушка тотчасъ сошьетъ себѣ хорошее платье, что мы поселимся въ блестящемъ домѣ, и вотъ теперь — этотъ богатый домъ съ красными занавѣсами и встрѣча возлѣ него съ бабушкою, который хотѣлъ мнѣ что-то показать въ немъ, — пришли на помощь моему воображенію. И тотчасъ же сложилось въ моихъ догадкахъ, что мы переселимся именно въ этотъ домъ и будемъ въ немъ жить въ какомъ-то вѣчномъ праздникѣ и вѣчномъ блаженствѣ. Съ этихъ поръ, по вечерамъ, я съ напряженнымъ любопытствомъ смотрѣла изъ окна на этотъ волшебный для меня домъ, припоминала съѣздъ, припоминала гостей такихъ нарядныхъ, какихъ я никогда еще не видала; мнѣ чудились эти звуки сладкой музыки, вылетавшіе изъ оконъ; я всматривалась въ тѣни людей, мелькавшія на занавѣсахъ оконъ, и все старалась угадать, что такое тамъ дѣлается, — и все казалось мнѣ, что тамъ рай и всегдашній праздникъ. Я возненавидѣла наше бѣдное жилище, лохмотья, въ которыхъ сама ходила, и когда, однажды, матушка закричала на меня и приказала сойти съ окна, на которое я забралась по обыкновенію, то мнѣ тотчасъ же пришло на умъ, что она хочетъ, чтобъ я не смотрѣла именно на этотъ домъ, чтобъ я не думала о немъ, что ей неприятно наше счастье, что она хочетъ помѣшать ему въ этотъ разъ... Цѣлый вечеръ я внимательно и подозрительно смотрѣла на матушку.

И какъ могла родиться во мнѣ такая ожесточенность къ такому вѣчно страдавшему существу, какъ матушка? Только теперь понимаю я

ея страдальческую жизнь и безъ боли въ сердцѣ не могу вспомнить объ этой мученицѣ. Даже и тогда, въ темную эпоху моего чуднаго дѣтства, въ эпоху такого неестественнаго развитія моей первой жизни, часто сжималось мое сердце отъ боли и жалости, — и тревога, смущеніе и сомнѣніе западали въ мою душу. Уже и тогда совѣсть возставала во мнѣ, и часто, съ мученіемъ и страданіемъ, я чувствовала несправедливость свою къ матушкѣ. Но мы какъ-то чуждались другъ друга, и не помню, чтобъ я хоть разъ приласкалась къ ней. Теперь часто самыя ничтожныя воспоминанія язвятъ и потрясаютъ мою душу. Разъ, помню (конечно, что я расскажу теперь, — ничтожно, мелочно, грубо, но именно такія воспоминанія какъ-то особенно терзаютъ меня и мучительнѣе всего напечатлѣлись въ моей памяти), — разъ, въ одинъ вечеръ, когда отца не было дома, матушка стала посылать меня въ лавочку купить ей чаю и сахару. Но она все раздумывала и все не рѣшалась, и вслухъ считала мѣдныя деньги, — жалкую сумму, которою могла располагать. Она считала, я думаю, съ полчаса, и все не могла окончить расчетовъ. Къ тому же, въ иныя минуты, вѣроятно отъ горя, она впадала въ какое-то безсмысліе. Какъ теперь помню, она все что-то приговаривала, считая тихо, размѣренно, какъ будто роняя слова ненарочно; губы и щеки ея были блѣдны, руки всегда дрожали, и она всегда качала головою, когда разсуждала наединѣ. — «Нѣтъ, не нужно», сказала она, поглядѣвъ на меня: «я лучше спать лягу. А? Хочешь ты спать, Нечочка?» Я молчала; тутъ она приподняла мою голову и посмотрѣла на меня такъ тихо, такъ ласково, лицо ея прояснѣло и озарилось такою

материнскою улыбкой, что все сердце заняло во мнѣ и крѣпко забилося. Къ тому же, она меня назвала Нечочкой, что значило, что въ эту минуту она особенно любить меня. Это названіе она изобрѣла сама, любовно передѣлавъ мое имя, Анна, въ уменьшительное Нечочка, и когда она называла меня такъ, то значило, что ей хотѣлось приласкать меня. Я была тронута; мнѣ хотѣлось обнять ее, прижаться къ ней и заплакать съ нею вмѣстѣ. Она, бѣдная, долго гладила меня потомъ по головѣ, — можетъ быть, уже машинально и позабывъ, что ласкаетъ меня, и все приговаривала: «дитя мое, Аннета, Нечочка!» Слезы рвались изъ глазъ моихъ, но я крѣпилась и удерживалась. Я какъ-то упорствовала, не выказывая передъ ней моего чувства, хотя сама мучилась. Да, это не могло быть естественнымъ ожесточеніемъ во мнѣ. Она не могла такъ возбудить меня противъ себя единственно только строгостью своею со мною. Нѣтъ! Меня испортила фантастическая, исключительная любовь моя къ отцу. Иногда я просыпалась по ночамъ, въ углу, на своей коротенькой подстилкѣ, подъ холоднымъ одѣяломъ, и внѣ всегда становилось чего-то страшно. Вопросонкахъ я вспоминала о томъ, какъ еще недавно, когда я была поменьше, спала вмѣстѣ съ матушкой и меньше боялась проснуться ночью; стоило только прижаться къ ней, зажмурить глаза и крѣпче обнять ее, — и тотчасъ, бывало, заснешь. Я все еще чувствовала, что какъ-то не могла не любить ее потихоньку. Я замѣтила потомъ, что и многія дѣти часто бываютъ уродливо безчувственны, и если полюбятъ кого, то любятъ исключительно. Такъ было и со мною.

Иногда въ нашемъ углу наступала мертвая тишина на цѣлыя недѣли. Отецъ и мать уставали ссориться, и я жила между ними попрежнему, все молча, все думая, все тоскуя и все чего-то добиваясь въ мечтахъ моихъ. Приглядываясь къ нимъ обоямъ, я поняла вполне ихъ взаимныя отношенія другъ къ другу: я поняла эту глухую, вѣчную вражду ихъ, поняла все это горе и весь этотъ чадъ беспорядочной жизни, которая угнѣздилась въ нашемъ углу, — конечно, поняла безъ причинъ и слѣдствій, поняла настолько, насколько понять могла. Бывало, въ длинные зимніе вечера, забившись куда-нибудь въ уголокъ, я по цѣлымъ часамъ жадно слѣдила за ними, вматривалась въ лицо отца и все старалась догадаться, о чемъ онъ думаетъ, что такъ занимаетъ его. Потомъ меня поражала и пугала матушка. Она все ходила, не уставая, взадъ и впередъ по комнатѣ, по цѣлымъ часамъ, часто даже и ночью, во время безсонницы, которою мучилась, ходила что-то шепча про себя, какъ будто была одна въ комнатѣ, то разводя руками, то скрестивъ ихъ у себя на груди, то ломая ихъ въ какой-то страшной, неистоцимой тоскѣ. Иногда слезы струились у ней по лицу, слезы, которыхъ она часто и сама, можетъ быть, не понимала, потому что по временамъ впадала въ забытѣе. У ней была какая-то очень трудная болѣзнь, которою она совершенно пренебрегала.

Я помню, что мнѣ все тягостнѣе и тягостнѣе становилось мое одиночество и молчаніе, котораго я не смѣла прервать. Уже цѣлый годъ жила я сознательною жизнью, все думая, мечтая и мучаясь потихоньку невѣдомыми, неясными стремленіями, которыя зарождались вмигъ. Я дичала, какъ буд-

то въ лѣсу. Наконецъ, батюшка первый замѣтилъ меня, подозвалъ къ себѣ и спросилъ, зачѣмъ я такъ пристально гляжу на него. Не помню, что и ему отвѣчала: помню, что онъ о чемъ-то задумался и, наконецъ, сказалъ, поглядѣвъ на меня, что завтра же принесетъ азбуку и начнетъ учить меня читать. Я съ нетерпѣніемъ ожидала этой азбуки и промечтала всю ночь, неясно понимая, что такое эта азбука. Наконецъ, на другой день, отецъ дѣйствительно началъ учить меня. Понявъ съ двухъ словъ, чего отъ меня требовали, я выучила скоро и быстро, ибо знала, что этимъ угожу ему. Это было самое счастливое время моей тогдашней жизни. Когда онъ хвалилъ меня за понятливость, гладилъ по головѣ и цѣловалъ, я тотчасъ же начинала плакать отъ восторга. Мало-по-малу, отецъ полюбилъ меня; я уже осмѣливалась заговаривать съ нимъ, и часто мы говорили съ нимъ цѣлые часы, не уставая, хотя я иногда не понимала ни слова изъ того, что онъ мнѣ говорилъ. Но я какъ-то боялась его, боялась, чтобъ онъ не подумалъ, что мнѣ съ нимъ скучно, и потому всѣми силами старалась показать ему, что все понимаю. Сидѣть со мною по вечерамъ обратилось у него, наконецъ, въ привычку. Какъ только начинало смеркаться, и онъ возвращался домой, я тотчасъ же подходила къ нему съ азбукой. Онъ сажалъ меня противъ себя на скамейку и послѣ урока начиналъ читать какую-то книжку. Я ничего не понимала, но хохотала безъ умолку, думая доставить ему этимъ большое удовольствіе. Дѣйствительно, я занимала его, и ему было весело смотрѣть на мой смѣхъ. Въ это же время, онъ однажды, послѣ урока, началъ мнѣ рассказывать сказку. Это была

тервая сказка, которую мнѣ пришлось слышать. Я сидѣла какъ зачарованная, горѣла въ нетерпѣннѣи, слѣдя за разказомъ, переносилась въ какой-то край, слушая его, и къ концу разказа была въ полномъ восторгѣ. Не то чтобъ такъ дѣйствовала на меня сказка, — нѣтъ, но я все брала за истину, тутъ же давала волю своей богатой фантазіи и тотчасъ же смѣшивала съ вымысломъ дѣйствительность. Тотчасъ являлся въ воображеніи моемъ и домъ съ красными занавѣсами; тутъ же, неизвѣстно какимъ образомъ, являлся, какъ дѣйствующее лицо, и отецъ, который самъ же мнѣ разказывалъ эту сказку, и матушка, мѣшавшая намъ обоимъ идти неизвѣстно куда, — наконецъ, или, лучше сказать, прежде всего, я, съ своими чудными мечтами, съ своей фантастической головой, полной дикими, невозможными призраками: все это до того перемѣшивалось въ умѣ моемъ, что вскорѣ составило самый безобразный хаосъ, и я нѣкоторое время потеряла всякій тактъ, всякое чувство настоящаго, дѣйствительнаго, и жила Богъ знаетъ гдѣ. Въ это время я умирала отъ нетерпѣннѣи заговорить съ отцомъ о томъ, что ожидаетъ насъ впереди, чего такого онъ самъ ожидаетъ и куда поведетъ меня вмѣстѣ съ собою, когда мы оставимъ, наконецъ нашъ чердакъ. Я была увѣрена, съ своей стороны, что все это какъ-то скоро совершится, но какъ и въ какомъ видѣ все это будетъ, — не знала и только мучила себя, ломая надъ этимъ голову. Порой, — и случалось это особенно по вечерамъ, — мнѣ казалось, что батюшка вотъ-вотъ тотчасъ мигнетъ мнѣ украдкой, вызоветъ меня въ сѣни; я, мимоходомъ, потихоньку отъ матушки, захвачу свою азбуку и еще нашу

картину, какую-то дрянную литографию, которая съ незапамятныхъ временъ висѣла безъ рамки на стѣнѣ и которую я рѣшила непременно взять съ собою, и мы куда-нибудь убѣжимъ потихоньку, такъ что ужъ никогда болѣе не воротимся домой къ матушкѣ. Однажды, когда матушки не было дома, я выбрала минуту, когда отецъ былъ особенно веселъ, — а это случилось съ нимъ, когда онъ чуть-чуть выпьетъ вина, — подошла къ нему и заговорила о чемъ-то, въ намѣреніи тотчасъ свернуть разговоръ на мою завѣтную тему. Наконецъ, я добилась, что онъ засмѣялся, и я, крѣпко обнявъ его, съ трепещущимъ сердцемъ, совсѣмъ испугавшись, какъ будто приготовлялась говорить о чемъ-то таинственномъ и страшномъ, начала, безсвязно и путаясь на каждомъ шагу, спрашивать его: куда мы пойдѣмъ, скоро ли, что возьмемъ съ собою, какъ будемъ жить, и, наконецъ, пойдѣмъ ли мы въ домъ съ красными занавѣсами?

— Домъ? Красные занавѣсы? Что такое? О чемъ ты бредишь, глупая?

Тогда я, испугавшись больше прежняго, начала ему объяснять, что когда умретъ матушка, то мы уже не будемъ больше жить на чердакѣ, что онъ куда-то поведетъ меня, что мы оба будемъ богаты и счастливы, и увѣряла его, наконецъ, что онъ самъ мнѣ обѣщалъ все это. Увѣряя его, я была совершенно увѣрена, что дѣйствительно отецъ мой говорилъ объ этомъ прежде, по крайней мѣрѣ мнѣ это такъ казалось.

— Мать? Умерла? Когда умретъ мать? — повторялъ онъ, смотря на меня въ изумленіи, нахмуря свои густыя съ просѣдью брови и немного измѣ-

нившись въ лицѣ. — Что ты это говоришь, бѣдная, глупая...

Тутъ онъ началъ бранить меня и долго говорилъ мнѣ, что я глупый ребенокъ, что я ничего не понимаю... и не помню, что еще, но только онъ былъ очень огорченъ.

Я не поняла ни слова изъ его упрековъ, не поняла, какъ больно было ему, что я вслушалась въ его слова, сказанныя матушкѣ въ гнѣвѣ и глубокой тоскѣ, заучила ихъ и уже много думала о нихъ про себя. Каковъ онъ ни былъ тогда, какъ ни было сильно его собственное сумасбродство, но все это, естественно, должно было поразить его. Однакожъ, хоть я совсѣмъ не понимала, за что онъ сердить, мнѣ стало ужасно горько и грустно; я заплакала; мнѣ показалось, что все, насъ ожидавшее, было такъ важно, что я, глупый ребенокъ, не смѣла ни говорить, ни думать объ этомъ. Кромѣ того, хоть я и не поняла его съ перваго слова, однако почувствовала, хотя и темнымъ образомъ, что я обидѣла матушку. На меня напалъ страхъ и ужась, и сомнѣнія закралась въ душу. Тогда онъ, видя, что я плачу и мучаюсь, началъ утѣшать меня, отеръ мнѣ рукавомъ слезы и велѣлъ не плакать. Однако, мы оба просидѣли нѣсколько времени молча; онъ нахмурился и, казалось, о чемъ-то раздумывалъ; потомъ снова началъ мнѣ говорить; но какъ я ни напрягала вниманіе, — все, что онъ ни говорилъ, казалось мнѣ чрезвычайно неяснымъ. По нѣкоторымъ словамъ этого разговора, которыя я до сихъ поръ упомянула, заключаю, что онъ объяснялъ мнѣ, кто онъ такой, какой онъ великій артистъ, какъ его никто не понимаетъ, и что онъ человекъ съ большимъ талантомъ. По-

мню еще, что, спросивъ, поняла ли я, и, разу-мѣется, получивъ отвѣтъ удовлетворительный, онъ заставилъ меня повторить: съ талантомъ ли онъ? Я отвѣчала: «съ талантомъ», на что онъ слегка усмѣхнулся, потому что можетъ быть къ концу ему самому стало смѣшно, что онъ заговорилъ о такомъ серьезномъ для него предметѣ со мною. Разговоръ нашъ прервалъ своимъ приходомъ Карлъ Ѳедорычъ, и я засмѣялась и развеселилась совсѣмъ, когда батюшка, указавъ на него, сказалъ мнѣ:

— А вотъ такъ у Карла Ѳедорыча нѣтъ ни на копейку таланта.

Этотъ Карлъ Ѳедоровичъ былъ презанимательное лицо. Я такъ мало видѣла людей въ ту пору моей жизни, что никакъ не могла позабыть его. Какъ теперь представляю его себѣ: онъ былъ нѣмецъ, по фамиліи Мейеръ, родомъ изъ Германіи, и пріѣхалъ въ Россію съ чрезвычайнымъ желаніемъ поступить въ петербургскую балетную труппу. Но танцоръ онъ былъ очень плохой, такъ что его даже не могли принять въ фигуранты и употребляли въ театрѣ для выходовъ. Онъ игралъ разныя безмолвныя роли въ свитѣ Фортинбраса, или былъ одинъ изъ тѣхъ рыцарей Вероны, которые всѣ разомъ, въ числѣ двадцати человѣкъ, поднимаютъ кверху картонные кинжалы и кричатъ: «умру за короля!» Но ужъ вѣрно не было ни одного актера на свѣтѣ, такъ страстно преданнаго своимъ ролямъ, какъ этотъ Карлъ Ѳедорычъ. Самымъ же страшнымъ несчастьемъ и горемъ всей его жизни было то, что онъ не попалъ въ балетъ. Балетное искусство онъ ставилъ выше всякаго искусства на свѣтѣ и въ своемъ родѣ былъ столько же привязанъ къ нему, какъ батюшка къ скрипкѣ. Они сошлись

съ батюшкой, когда еще служили въ театрѣ, и съ тѣхъ поръ отставной фигурантъ не оставлялъ его. Оба видѣлись очень часто, и оба оплакивали свой пагубный жребій и то, что они не узнаны людьми. Нѣмецъ былъ самый чувствительный, самый нѣжный человѣкъ въ мірѣ и питалъ къ моему отчиму самую пламенную, безкорыстную дружбу; но батюшка, кажется, не имѣлъ къ нему никакой особенной привязанности, и только терпѣлъ его въ числѣ знакомыхъ, за неимѣніемъ кого другого. Сверхъ того, батюшка никакъ не могъ понять въ своей исключительности, что балетное искусство — тоже искусство, чѣмъ обижалъ бѣднаго нѣмца до слезъ. Зная его слабую струнку, онъ всегда задѣвалъ ее и смѣялся надъ несчастнымъ Карломъ Федоровичемъ, когда тотъ горячился и выходилъ изъ себя, доказывая противное. Много я слышала потомъ объ этомъ Карлѣ Федоровичѣ отъ Б., который называлъ его нюрнбергскимъ шелкуномъ. Б. рассказывалъ очень многое о дружбѣ его съ отцомъ; между прочимъ, они не разъ сходились вмѣстѣ и, выпивъ немного, начинали вмѣстѣ плакать о своей судьбѣ, о томъ, что они не узнаны. Я помню эти сходки, помню тоже, что и я, смотря на обоихъ чудаковъ, тоже, бывало, расхныкаюсь, сама не зная о чемъ. Это случалось всегда, когда матушки не бывало дома: нѣмецъ ужасно боялся ее и всегда, бывало, постоитъ напередъ въ сѣняхъ, дождется, покамѣстъ кто-нибудь выйдетъ, а если узнаетъ, что матушка дома, тотчасъ же побѣжитъ внизъ по лѣстницѣ. Онъ всегда приносилъ съ собой какіе-то нѣмецкіе стихи, воспламенялся, читая ихъ вслухъ намъ обоимъ, и потомъ декламировалъ ихъ, переводя ломанымъ языкомъ по-русски, для нашего уразумѣнія.

Это очень веселило батюшку, а я, бывало, хохотала до слезъ. Но разъ они оба достали какое-то русское сочиненіе, которое чрезвычайно воспламенило ихъ обоихъ, такъ что потомъ они уже почти всегда, сходясь вмѣстѣ, читали его. Помню, что это была драма въ стихахъ, какого-то знаменитаго русскаго сочинителя. Я такъ хорошо затвердила первыя строки этой книги, что потомъ, уже черезъ нѣсколько лѣтъ, когда она случайно попала въ руки, узнала ее безъ труда. Въ этой драмѣ толковалось о несчастьяхъ одного великаго художника, какого-то Дженаро или Джакобо, который на одной страницѣ кричалъ: «я не признанъ!», а на другой: «я признанъ!», или: «я безталантенъ!», и потомъ, черезъ нѣсколько строкъ: «я съ талантомъ!» Все оканчивалось очень плачевно. Эта драма была, конечно, чрезвычайно пошлое сочиненіе; но, вотъ чудо, — она самымъ наивнымъ и трагическимъ образомъ дѣйствовала на обоихъ читателей, которые находили въ главномъ героѣ много сходства съ собою. Помню, что Карль Федоровичъ иногда до того воспламенялся, что вскакивалъ съ мѣста, отбѣгалъ въ противоположный уголь комнаты и просилъ батюшку и меня, которую называлъ «мадмуазель», неотступно, убѣдительно, со слезами на глазахъ, тутъ же на мѣстѣ разсудить его съ судьбой и съ публикой. Тутъ онъ немедленно принимался танцовать и, выдѣлывая разныя па, кричалъ намъ, чтобъ мы ему немедленно сказали, что онъ такое — артистъ или нѣтъ, и что можно ли сказать противное, то есть, что онъ безъ таланта? Батюшка тотчасъ же развеселялся, мигалъ мнѣ исподтишка, какъ будто предупреждая, что вотъ онъ сейчасъ презабавно посмѣется надъ нѣм-

цемъ. Мнѣ становилось ужасно смѣшно, но батюшка грозилъ рукою, и я крѣпилась, задыхаясь отъ смѣха. Я даже и теперь, при одномъ воспоминаніи, не могу не смѣяться. Какъ теперь вижу этого бѣднаго Карла Федоровича. Онъ былъ премаленькаго роста, чрезвычайно тоненькій, уже сѣдой, съ горбатымъ краснымъ носомъ, запачканнымъ табакомъ, и съ преуродливыми кривыми ногами; но, несмотря на то, онъ какъ будто хвалился устройствомъ ихъ и носилъ панталоны въ обтяжку. Когда онъ останавливался, съ послѣднимъ прыжкомъ, въ позицію, простирая къ намъ руки и улыбаясь намъ, какъ улыбаются на сценѣ танцовщики по окончаніи па, батюшка нѣсколько мгновеній хранилъ молчаніе, какъ бы не рѣшаясь произнести сужденіе, и нарочно оставлялъ непризнаннаго танцовщика въ позиціи, такъ что тотъ колыхался изъ стороны въ сторону на одной ногѣ, всѣми силами стараясь сохранить равновѣсіе. Наконецъ, батюшка съ пресерьезною миною взглядывалъ на меня, какъ бы приглашая быть безпристрастною свидѣтельницей сужденія, а вмѣстѣ съ тѣмъ устремлялись на меня и робкіе, молящіе взгляды танцовщика.

— Нѣтъ, Карлъ Федоровичъ, никакъ не потрафишь! — говорилъ, наконецъ, батюшка, притворяясь, что ему самому непріятно высказывать горькую истину. Тогда изъ груди Карла Федоровича вырывалось настоящее стенаніе; но въ мигъ онъ ободрялся, ускоренными жестами снова просилъ вниманія, увѣрялъ, что танцевалъ не по той системѣ, и умолялъ насъ разсудить еще разъ. Потомъ онъ снова отбѣгалъ въ другой уголъ и иногда прыгалъ такъ усердно, что головой касался потолка и больно ушибался, но, какъ спартанецъ, геройски

выдерживалъ боль, снова останавливался въ позитурѣ, снова съ улыбкой простиралъ къ намъ дрожащія руки и снова просилъ рѣшенія судьбы своей. Но батюшка былъ неумолимъ и попрежнему угрюмо отвѣчалъ:

— Нѣтъ, Карлъ Федорычъ, видно — судьба твоя: никакъ не потрафилъ!

Тутъ ужъ я болѣе не выдерживала и покатывалась со смѣху, а за мною батюшка. Карлъ Федорычъ замѣчалъ, наконецъ, насмѣшку, краснѣлъ отъ негодованія и, со слезами на глазахъ, съ глубокимъ, хотя и комическимъ чувствомъ, но которое заставляло меня потомъ мучиться за него, несчастнаго, говорилъ батюшкѣ:

— Ты виролѣмный друкъ!

Потомъ онъ схватывалъ шляпу и выбѣгалъ отъ насъ, клянясь всѣмъ на свѣтѣ не приходитъ никогда. Но ссоры эти были непродолжительны; черезъ нѣсколько дней онъ снова являлся у насъ, снова начиналось чтеніе знаменитой драмы, снова проливались слезы, и потомъ снова наивный Карлъ Федоровичъ просилъ насъ разсудить его съ людьми и съ судьбою, только умоляя на этотъ разъ уже судить серьезно, какъ слѣдуетъ истиннымъ друзьямъ, а не смѣяться надъ нимъ.

Разъ матушка послала меня въ лавочку за какой-то покупкой, и я возвращалась, бережно неся мелкую серебряную монету, которую мнѣ сдали. Входя на лѣстницу, я повстрѣчалась съ отцомъ, который выходилъ со двора. Я засмѣялась ему, потому что не могла удержать своего чувства, когда его видѣла, и онъ, нагибаясь поцѣловать меня, замѣтилъ въ моей рукѣ серебряную монету... Я позабыла сказать, что я такъ пріучилась къ выра-

женію лица его, что тотчасъ же, съ перваго взгляда, узнавала почти всякое его желаніе. Когда онъ былъ грустенъ, я разрывалась отъ тоски. Всего же чаще и сильнѣе скучалъ онъ, когда у него совершенно не было денегъ, и когда онъ не могъ по-этому выпить ни капли вина, къ которому сдѣлалъ привычку. Но въ эту минуту, когда я съ нимъ повстрѣчалась на лѣстницѣ, мнѣ показалось, что въ немъ происходитъ что-то особенное. Помутившіеся глаза его блуждали; съ перваго раза онъ не замѣтилъ меня; но когда онъ увидѣлъ въ моихъ рукахъ блеснувшую монету, то вдругъ покраснѣлъ, потомъ поблѣднѣлъ, протянулъ было руку, чтобъ взять у меня деньги, и тотчасъ же отдернулъ ее назадъ. Очевидно, въ немъ происходила борьба. Наконецъ, онъ какъ будто осилилъ себя, приказалъ мнѣ идти наверхъ, сошелъ нѣсколько ступеней внизъ, но вдругъ остановился и торопливо кликнулъ меня.

Онъ былъ очень смущенъ. — Послушай, Неточка, — сказалъ онъ: — дай мнѣ эти деньги, я тебѣ ихъ назадъ принесу. А? Ты вѣдь добренькая, Неточка?

Я какъ будто предчувствовала это. Но въ первое мгновеніе мысль о томъ, какъ разсердится матушка, — робость, и болѣе всего инстинктивный стыдъ за себя и за отца, удерживали меня отдать деньги. Онъ мигомъ замѣтилъ это и поспѣшно сказалъ:

— Ну, не нужно, не нужно!..

— Нѣтъ, нѣтъ, папа, возьми; я скажу, что потеряла, что у меня отняли сосѣдскія дѣти.

— Ну, хорошо, хорошо; вѣдь я зналъ, что ты умная дѣвочка, — сказалъ онъ, улыбаясь дрожащими губами и не скрывая болѣе своего восторга,

когда почувствовалъ деньги въ рукахъ. — Ты добрая дѣвочка, ты ангельчикъ мой! Вотъ дай тебѣ я ручку поцѣлую!

Тутъ онъ схватилъ мою руку и хотѣлъ поцѣловать, но я быстро отдернула ее. Какая-то жалость овладѣла мною, и стыдъ все больше начиналъ меня мучить. Я побѣжала навверхъ въ какомъ-то испугѣ, бросивъ отца и не простившись съ нимъ. Когда я вошла въ комнату, щеки мои разгорѣлись и сердце билось отъ какого-то томительнаго и мнѣ невѣдомаго доселѣ ощущенія. Однако, я смѣло сказала матушкѣ, что уронила деньги въ снѣгъ и не могла ихъ сыскать. Я ожидала, по крайней мѣрѣ, побоевъ, но этого не случилось. Матушка дѣйствительно была сначала внѣ себя отъ огорченія, потому что мы были ужасно бѣдны. Она закричала на меня, но тотчасъ же какъ будто одумалась и перестала бранить меня, замѣтивъ только, что я неловкая, нерадивая дѣвочка, и что я, видно, мало люблю ее, когда такъ худо смотрю за ея добромъ. Это замѣчаніе огорчило меня болѣе, нежели когда бы я вынесла побои. Но матушка уже знала меня. Она уже замѣтила мою чувствительность, доходившую часто до болѣзненной раздражительности, и горькими упреками въ нелюбви думала сильнѣе поразить меня и заставить быть осторожнѣе на будущее время.

Въ сумерки, когда должно было воротиться бабтюшкѣ, я, по обыкновенію, дожидалась его въ сѣняхъ. Въ этотъ разъ я была въ большемъ смущеніи. Чувства мои были возмущены чѣмъ-то болѣзненно-терзавшимъ совѣсть мою. Наконецъ, отецъ воротился, и я очень обрадовалась его приходу, какъ будто думала, что отъ этого мнѣ ста-

нетъ легче. Онъ былъ уже на-веселѣ, но, увидѣвъ меня, тотчасъ же принялъ таинственный, смущенный видъ и, отведя меня въ уголъ, робко взглядывая на нашу дверь, вынулъ изъ кармана купленный имъ пряникъ и началъ шепотомъ наказывать мнѣ, чтобъ я болѣе никогда не смѣла брать денегъ и таить ихъ отъ матушки, что это дурно и стыдно, и очень нехорошо; теперь это сдѣлалось потому, что деньги очень понадобились папѣ, но онъ отдастъ, и я могу сказать потомъ, что нашла деньги, а у мамы брать стыдно, и чтобъ я впередъ отнюдь и не думала, а онъ мнѣ за это, если я впередъ буду слушаться, еще пряниковъ купить; наконецъ, онъ даже прибавилъ, чтобъ я пожалѣла маму, что мама такая больная, бѣдная, что она одна на насъ всѣхъ работаетъ. Я слушала въ страхѣ, дрожа всѣмъ тѣломъ, и слезы тѣснились изъ глазъ моихъ. Я была такъ поражена, что не могла слова сказать, не могла двинуться съ мѣста. Наконецъ, онъ вошелъ въ комнату, приказалъ мнѣ не плакать и не рассказывать ничего объ этомъ матушкѣ. Я замѣтила, что онъ и самъ былъ ужасно смущенъ. Весь вечеръ я была въ какомъ-то ужасѣ и первый разъ не смѣла глядѣть и не подходила къ нему. Онъ тоже видимо избѣгалъ моихъ взглядовъ. Матушка ходила взадъ и впередъ по комнатѣ и говорила что-то про себя, какъ бы въ забытїи, по своему обыкновенїю. Въ этотъ день ей было хуже, и съ ней сдѣлался какой-то припадокъ. Наконецъ, отъ внутренняго страданїя у меня началась лихорадка. Когда настала ночь, я не могла заснуть. Болѣзненные сновидѣнїя мучили меня. Наконецъ, я не могла вынести и начала горько плакать. Рыданїя мои разбудили матушку; она окликнула меня и

спросила, что со мною. Я не отвѣчала, но еще горьче заплакала. Тогда она засвѣтила свѣчку, подошла ко мнѣ и начала меня успокаивать, думая, что я испугалась чего-нибудь во снѣ. — «Эхъ, ты, глупенькая дѣвушка! — сказала она: — до сихъ поръ еще плачешь, когда тебѣ что-нибудь при-снится. Ну, полно же!» И тутъ она поцѣловала меня, сказавъ, чтобъ я шла спать къ ней. Но я не хотѣла, я не смѣла обнять ее и идти къ ней. Я терзалась въ невообразимыхъ мученіяхъ. Мнѣ хотѣлось ей все рассказать. Я уже было начала, но мысль о батюшкѣ и о его запретѣ остановила меня. «Экая ты бѣдненькая, Нечочка! — сказала матушка, укладывая меня въ постель и укутывая своимъ старымъ салопомъ, ибо замѣтила, что я вся дрожу въ лихорадочномъ ознобѣ: — ты вѣрно будешь такая же больная, какъ я!» Тутъ она такъ грустно посмотрѣла на меня, что я не могла вынести ея взгляда, зажмурилась и отворотилась. Не помню, какъ я заснула, но еще въ просонкахъ долго слышала, какъ бѣдная матушка уговаривала меня на грядущій сонъ. Никогда еще я не выносила болѣе тяжелой муки. Сердце у меня стѣнялось до боли. На другой день, поутру, мнѣ стало легче. Я заговорила съ батюшкой, не поминая о вчерашнемъ, ибо догадывалась заранѣе, что это будетъ ему очень пріятно. Онъ тотчасъ же развеселился, потому что и самъ все хмурился, когда глядѣлъ на меня. Теперь же какая-то радость, какое-то почти дѣтское довольство овладѣло имъ при моемъ веселомъ видѣ. Скоро матушка пошла со двора, и онъ уже болѣе не удерживался. Онъ началъ меня цѣловать такъ, что я была въ какомъ-то истерическомъ восторгѣ, смѣялась и плакала вмѣстѣ. Наконецъ, онъ

сказаль, что хочеть показать мнѣ что-то очень хорошее, и что я буду очень рада видѣть, за то, что я такая умненькая и добренькая дѣвочка. Тутъ онъ растегнулъ жилетку и вынулъ ключъ, который у него висѣлъ на шеѣ, на черномъ снуркѣ. Потомъ, таинственно взглядывая на меня, какъ будто желая прочитатъ въ глазахъ моихъ все удовольствіе, которое я, по его мнѣнію, должна была ощущать, отворилъ сундукъ и бережно вынулъ изъ него странной формы черный ящикъ, котораго я до сихъ поръ никогда у него не видала. Онъ взялъ этотъ ящикъ съ какою-то робостью и весь измѣнился; смѣхъ исчезъ съ лица его, которое вдругъ приняло какое-то торжественное выраженіе. Наконецъ, онъ отворилъ таинственный ящикъ ключикомъ и вынулъ изъ него какую-то вещь, которой я до тѣхъ поръ никогда не видывала, — вещь, на взглядъ очень странной формы. Онъ бережно и съ благоговѣніемъ взялъ ее въ руки и сказалъ, что это его скрипка, его инструментъ. Тутъ онъ началъ мнѣ что-то много говорить тихимъ, торжественнымъ голосомъ; но я не понимала его, и только удержала въ памяти уже извѣстное мнѣ выраженіе, — что онъ артистъ, что онъ съ талантомъ, — что потомъ онъ когда-нибудь будетъ играть на скрипкѣ, и что, наконецъ, мы всѣ будемъ богаты и добьемся какого-то большого счастья. Слезы навернулись на глазахъ его и потекли по щекамъ. Я была очень растрогана. Наконецъ, онъ поцѣловалъ скрипку и далъ ее поцѣловать мнѣ. Видя, что мнѣ хочется осмотрѣть ее ближе, онъ повелъ меня къ матушкиной постели и далъ мнѣ скрипку въ руки; но я видѣла, какъ онъ весь дрожаль отъ страха, чтобъ я какъ-нибудь не разбила

ея. Я взяла скрипку въ руки и дотронулась до струнъ, которыя издали слабый звукъ. — «Это музыка!» — сказала я, поглядѣвъ на батюшку.

— «Да, да, музыка», — повторилъ онъ, радостно потирая руки: — «ты умное дитя, ты доброе дитя!» Но, несмотря на похвалы и восторгъ его, я видѣла, что онъ боялся за свою скрипку, и меня тоже взялъ страхъ, — я поскорѣй отдала ее. Скрипка съ тѣми же предосторожностями была уложена въ ящикъ, ящикъ былъ запертъ и положенъ въ сундукъ; батюшка же, погладивъ меня снова по головѣ, обѣщалъ мнѣ всякій разъ показывать скрипку, когда я буду, какъ и теперь, умна, добра и послушна. Такимъ образомъ, скрипка разогнала наше общее горе. Только вечеромъ, батюшка, уходя со двора, шепнулъ мнѣ, чтобъ я помнила, что онъ мнѣ вчера говорилъ.

Такимъ образомъ я росла въ нашемъ углу, и мало-по-малу любовь моя, — нѣтъ, лучше я скажу страсть, потому что не знаю такого сильнаго слова, которое могло бы передать вполнѣ мое неудержимое, мучительное для меня самой чувство къ отцу, — дошла даже до какой-то болѣзненной раздражительности. У меня было только одно наслажденіе — думать и мечтать о немъ; только одна воля — дѣлать все, что могло доставить ему хоть малѣйшее удовольствіе. Сколько разъ, бывало, я дожидалась его прихода на лѣстницѣ, часто дрожа и посинѣвъ отъ холода, только для того, чтобъ хоть однимъ мгновеніемъ раньше узнать о его прибытіи и поскорѣе взглянуть на него. Я была какъ безумная отъ радости, когда онъ, бывало, хоть немножко приласкаетъ меня. А между тѣмъ, часто, мнѣ было до боли мучительно, что я такъ упорно

холодна съ бѣдной матушкой; были минуты, когда я надрывалась отъ тоски и жалости, глядя на нее. Въ ихъ вѣчной враждѣ я не могла быть равнодушной и должна была выбирать между ними, должна была взять чью-нибудь сторону, и взяла сторону этого полусумасшедшаго человѣка, единственно оттого, что онъ былъ такъ жалокъ, униженъ въ глазахъ моихъ и въ самомъ началѣ такъ непостижимо поразилъ мою фантазію. Но кто разсудить? — Можетъ быть, я привязалась къ нему именно оттого, что онъ былъ очень страненъ, даже съ виду, и не такъ серьезенъ и угрюмъ, какъ матушка, что онъ былъ почти сумасшедшій, что часто въ немъ проявлялось какое-то фиглярство, какія-то дѣтскія замашки, и что, наконецъ, я меньше боялась его и даже меньше уважала его, чѣмъ матушку. Онъ какъ-то былъ мнѣ болѣе ровня. Мало-помалу, я чувствовала, что даже верхъ на моей сторонѣ, что я понемногу подчиняла его себѣ, что я уже была необходима ему. Я внутренно гордилась этимъ, внутренно торжествовала и, понимая свою необходимость для него, даже иногда съ нимъ кокетничала. Дѣйствительно, эта чудная привязанность моя походила нѣсколько на романъ... Но этому роману суждено было продолжаться не долго: я вскорѣ лишилась отца и матери. Ихъ жизнь разрѣшилась страшной катастрофой, которая тяжело и мучительно запечатлѣлась въ моемъ воспоминаніи. Вотъ какъ это случилось.

III.

Въ это время весь Петербургъ былъ взволнованъ чрезвычайною новостью. Разнесся слухъ о про-

ѣздѣ знаменитаго С—ца. Все, что было музыкальнаго въ Петербургѣ, зашевелилось. Пѣвцы, артисты, поэты, художники, меломаны и даже тѣ, которые никогда не были меломанами и съ скромною гордостью увѣряли, что ни одной ноты не смыслятъ въ музыкѣ, бросились съ жаднымъ увлеченіемъ за билетами. Зала не могла вмѣстить и десятой доли энтузіастовъ, имѣвшихъ возможность дать двадцать пять рублей за входъ; но европейское имя С—ца, его увѣнчанная лаврами старость, неувядаемая свѣжесть таланта, слухи, что въ послѣднее время онъ уже рѣдко бралъ въ руки смычекъ въ угоду публикѣ, увѣреніе, что онъ уже въ послѣдній разъ объѣзжаетъ Европу и потомъ совсѣмъ перестанетъ играть, произвели свой эффектъ. Однимъ словомъ, впечатлѣніе было полное и глубокое.

Я уже говорила, что пріѣздъ каждаго новаго скрипача, каждой хоть сколько-нибудь прославленной знаменитости, производилъ на моего отчима самое непріятное дѣйствіе. Онъ всегда изъ первыхъ спѣшилъ услышать пріѣзжаго артиста, чтобъ поскорѣе узнать всю степень его искусства. Часто онъ бывалъ даже боленъ отъ похвалъ, которыя раздавались кругомъ его новоприбывшему, и только тогда успокаивался, когда могъ отыскать недостатки въ игрѣ новаго скрипача и съ ѣдкостью распространить свое мнѣніе всюду, гдѣ могъ. Бѣдный, помѣшанный человѣкъ считалъ во всемъ мірѣ только одинъ талантъ, только одного артиста, и этотъ артистъ былъ, конечно, онъ самъ. Но молва о пріѣздѣ С—ца, генія музыкальнаго, произвела на него какое-то потрясающее дѣйствіе. Нужно замѣтить, что въ послѣднія десять лѣтъ Петербургъ не слыхалъ ни одного знаменитаго дарованія, хотя

бы даже и неравносильнаго съ С—цомъ; слѣдственно, отецъ мой и не имѣлъ понятія объ игрѣ перво-классныхъ артистовъ въ Европѣ.

Мнѣ рассказывали, что при первыхъ слухахъ о прїѣздѣ С—ца отца моего тотчасъ же увидѣли снова за кулисами театра. Говорили, что онъ явился чрезвычайно взволнованный и съ безпокойствомъ освѣдомлялся о С—цѣ и предстоящемъ концертѣ. Его долго уже не видали за кулисами, и появленіе произвело даже эффектъ. Кто-то захотѣлъ поддразнить его и съ вызывающимъ видомъ сказалъ: «теперь вы, батюшка, Егоръ Петровичъ, услышите не балетную музыку, а такую, отъ которой вамъ ужъ вѣрно житья не будетъ на свѣтѣ!» Говорятъ, что онъ поблѣднѣлъ, услышавъ эту насмѣшку, однако, отвѣчалъ, истерически улыбаясь: «посмотримъ; славны бубны за горами; вѣдь С—ць только развѣ въ Парижѣ былъ, такъ это французы про него накричали, а ужъ извѣстно, что такое французы!» и т. д. Кругомъ раздался хохотъ; бѣднякъ обидѣлся, но, сдержавъ себя, прибавилъ, что, впрочемъ, онъ не говоритъ ничего, а что вотъ увидимъ, посмотримъ, что до послѣзавтра не долго, и что скоро всѣ чудеса разрѣшатся.

Б. рассказываетъ, что въ этотъ же вечеръ, передъ сумерками, онъ встрѣтился съ княземъ Х—мъ, извѣстнымъ дилетантомъ, человѣкомъ глубоко понимавшимъ и любившимъ искусство. Они шли вмѣстѣ, толкуя о новоприбывшемъ артистѣ, какъ вдругъ, на поворотѣ одной улицы, Б. увидѣлъ моего отца, который стоялъ передъ окномъ магазина и пристально всматривался въ афишку, на которой крупными литерами объявлено было о концертѣ С—ца, и которая лежала на окнѣ магазина.

— Видите ли вы этого челоуѣка? — сказалъ Б., указывая на моего отца.

— Кто такой? — спросилъ князь.

— Вы о немъ уже слышали. Это тотъ самый Ефимовъ, о которомъ я съ вами не разъ говорилъ, и которому вы даже оказали когда-то покровительство.

— Ахъ, это любопытно! — сказалъ князь: — вы о немъ много наговорили. Сказываютъ, онъ очень занимателенъ. Я бы желалъ его слышать.

— Это не стоитъ, — отвѣчалъ Б.: — да и тяжело. Я не знаю, какъ вамъ, а мнѣ онъ всегда надрываетъ сердце. Его жизнь — страшная, безобразная трагедія. Я его глубоко чувствую, и какъ ни грязенъ онъ, но во мнѣ все-таки не заглохла къ нему симпатія. Вы говорите, князь, что онъ долженъ быть любопытенъ. Это правда, но онъ производитъ слишкомъ тяжелое впечатлѣніе. Во-первыхъ, онъ сумасшедшій; во-вторыхъ, на этомъ сумасшедшемъ три преступленія, потому что, кромѣ себя, онъ загубилъ еще два существованія: своей жены и дочери. Я его знаю: онъ умеръ бы на мѣстѣ, если бъ увѣрился въ своемъ преступленіи. Но весь ужасъ въ томъ, что вотъ уже восемь лѣтъ какъ онъ почти въ немъ и восемь лѣтъ борется со своею совѣстью, чтобъ сознаться въ томъ не почти, а вполне.

— Вы говорили, онъ бѣденъ? — сказалъ князь.

— Да; но бѣдность теперь для него почти счастье, потому что она его отговорка. Онъ можетъ теперь увѣрять всѣхъ, что ему мѣшаетъ только бѣдность, и что, будь онъ богатъ, у него было бы время, не было бы заботы, и тотчасъ увидѣли бы, какой онъ артистъ. Онъ женился въ странной на-

деждѣ, что тысяча рублей, которые были у его жены, помогутъ ему стать на ноги. Онъ поступилъ, какъ фантазеръ, какъ поэтъ, да такъ онъ и всегда поступалъ въ жизни. Знаете ли, что онъ говорить цѣлыя восемь лѣтъ безъ умолку? Онъ утверждаетъ, что виновница его бѣдствій — жена, что она мѣшаетъ ему. Онъ сложилъ руки и не хочетъ работать. А отнимите у него эту жену, — и онъ будетъ самое несчастное существо въ мірѣ. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ онъ не бралъ въ руки скрипки, — знаете ли почему? Потому что каждый разъ, какъ онъ беретъ въ руки смычекъ, онъ самъ внутренно принужденъ убѣдиться, что онъ ничто, нуль, а не артистъ. Теперь же, когда смычекъ лежитъ въ сторонѣ, у него есть хотя отдаленная надежда, что это неправда. Онъ мечтатель; онъ думаетъ, что вдругъ, какимъ-то чудомъ, за одинъ разъ, станетъ знаменитѣйшимъ человекомъ въ мірѣ. Его девизъ: *aut Caesar, aut nihil*, какъ будто Цезаремъ можно сдѣлаться такъ, вдругъ, въ одинъ мигъ. Его жажда — слава. А если такое чувство сдѣлается главнымъ и единственнымъ двигателемъ артиста, то этотъ артистъ ужъ не артистъ, потому что онъ уже потерялъ главный художественный инстинктъ, то есть любовь къ искусству, единственно потому, что оно искусство, а не что другое, не слава. Но С—ць напротивъ: когда онъ беретъ смычекъ, для него не существуетъ ничего въ мірѣ, кромѣ его музыки. Послѣ смычка, первое дѣло у него деньги, а ужъ третье, кажется, слава. Но онъ о ней мало заботился... Знаете ли, что теперь занимаетъ этого несчастнаго? — прибавилъ Б., указывая на Ефимова. — Его занимаетъ самая глупая, самая ничтожнѣйшая,

самая жалкая и самая смѣшная забота въ мірѣ, то есть: выше ли онъ С—ца, или С—ць выше его, — больше ничего, потому что онъ все-таки увѣренъ, что онъ первый музыкантъ во всемъ мірѣ. Увѣрьте, что онъ не артистъ, и я вамъ говорю, что онъ умретъ на мѣстѣ, какъ пораженный громомъ, потому что страшно разставаться съ неподвижной идеей, которой отдалъ на жертву всю жизнь и которой основаніе все-таки глубоко и серьезно, ибо призваніе его, вначалѣ, было истинное.

— А любопытно, что будетъ съ нимъ, когда онъ услышитъ С—ца, — замѣтилъ князь.

— Да, — сказала Б. задумчиво. — Но нѣтъ: онъ очнется тотчасъ же; его сумасшествіе сильнѣе истины, и онъ тутъ же выдумаетъ какую-нибудь отговорку.

— Вы думаете? — замѣтилъ князь.

Въ это время они поровнялись съ отцомъ. Онъ было хотѣлъ пройти незамѣченнымъ, но Б. остановилъ его и заговорилъ съ нимъ. Б. спросилъ, будетъ ли онъ у С—ца. Отецъ отвѣчалъ равнодушно, что не знаетъ, что у него есть одно дѣло поважнѣе концертовъ и всѣхъ заѣзжихъ виртуозовъ, но, впрочемъ, посмотреть, увидить, и если выдастся свободный часокъ — отчего же нѣтъ? когда-нибудь сходить. Тутъ онъ быстро и безпокойно посмотрѣлъ на Б. и на князя, и недовѣрчиво улыбнулся, потомъ схватился за шляпу, кивнулъ головой и прошелъ мимо, отговорившись, что некогда.

Но я уже за день знала о заботѣ отца. Я не знала, что именно его мучить, но видѣла, что онъ былъ въ страшномъ безпокойствѣ; даже матушка это замѣтила. Она была въ это время какъ-то

очень больна и едва передвигала ноги. Отецъ по-минутно что входилъ домой, то выходилъ изъ дома. Утромъ пришли къ нему трое или четверо гостей, старыхъ его товарищей, чему я очень изумилась, потому что, кромѣ Карла Ѳедорыча, постороннихъ людей у насъ почти никогда не видала, и съ нами всѣ раззнакомились съ тѣхъ поръ, какъ батюшка совсѣмъ оставилъ театръ. Наконецъ, прибѣжалъ, запыхавшись, Карлъ Ѳедорычъ и принесъ афишку. Я внимательно прислушивалась и приглядывалась, и все это меня безпокоило такъ, какъ будто я одна была виновата во всей этой тревогѣ и въ безпокойствѣ, которое читала на лицѣ батюшки. Мнѣ очень хотѣлось понять то, о чемъ они говорятъ, и я въ первый разъ услышала имя С—ца. Потомъ я поняла, что нужно, по крайней мѣрѣ, пятнадцать рублей, чтобъ увидѣть этого С—ца. Помню тоже, что батюшка какъ-то не удержался и, махнувъ рукою, сказалъ, что знаетъ онъ этичуда заморскія, таланты неслыханные, знаетъ и С—ца, что это все жида, за русскими деньгами лѣзутъ, потому что русскіе спроста всякому вздору вѣрять, а ужъ и подавно тому, о чемъ французъ прокричалъ. Я уже понимала, что значить слово: *нѣтъ таланта*. Гости стали смѣяться и вскорѣ ушли всѣ, оставя батюшку совершенно не въ духѣ. Я поняла, что онъ за что-то сердитъ на этого С—ца, и, чтобъ подслужиться къ нему и разсѣять тоску его, подошла къ столу, взяла афишку, начала разбирать ее и вслухъ прочла имя С—ца. Потомъ, засмѣявшись и посмотрѣвъ на батюшку, который задумчиво сидѣлъ на стулѣ, сказала: «это вѣрно такой же, какъ и Карлъ Ѳедорычъ: онъ вѣрно тоже никакъ не потрафить». Батюшка

вздрогнуль, какъ будто испугавшись, вырвалъ изъ рукъ моихъ афишку, закричалъ и затопалъ ногами, схватилъ шляпу и вышелъ было изъ комнаты, но тотчасъ же воротился, вызвалъ меня въ сѣни, поцѣловалъ и съ какимъ-то безпокойствомъ, съ какимъ-то затаеннымъ страхомъ началъ мнѣ говорить, что я умное, что я доброе дитя, что я вѣрно не захочу огорчить его, что онъ ждетъ отъ меня какой-то большой услуги, но чего именно, онъ не сказалъ. Къ тому же, мнѣ было тяжело его слушать; я видѣла, что слова его и ласки были неискренни, и все это какъ-то потрясло меня. Я мучительно начала за него безпокоиться.

На другой день, за обѣдомъ — что было уже наканунѣ концерта — батюшка былъ совсѣмъ какъ убитый. Онъ ужасно перемѣнился и безпрепрерывно взглядывалъ на матушку. Наконецъ, я изумилась, когда онъ даже заговорилъ о чемъ-то съ матушкой, — я изумилась, потому что онъ съ ней почти никогда не говорилъ. Послѣ обѣда онъ сталъ что-то особенно за мной ухаживать; поминутно, подъ разными предлогами, вызывалъ меня въ сѣни и, оглядываясь кругомъ, какъ будто боясь, чтобъ его не застали, все гладилъ онъ меня по головѣ, все цѣловалъ меня, все говорилъ мнѣ, что я доброе дитя, что я послушное дитя, что вѣрно я люблю своего папу, и что вѣрно сдѣлаю то, о чемъ онъ меня попроситъ. Все это довело меня до невыносимой тоски. Наконецъ, когда онъ въ десятый разъ вызвалъ меня на лѣстницу, дѣло объяснилось. Съ тоскливымъ, измученнымъ видомъ, безпокойно оглядываясь по сторонамъ, онъ спросилъ меня: знаю ли я, гдѣ лежатъ у матушки тѣ двадцать пять рублей, которые она вчера поутру при-

несла? Я обмерла отъ испуга, услышавъ такой вопросъ. Но въ эту минуту кто-то зашумѣлъ на лѣстницѣ, и батюшка, испугавшись, бросилъ меня и побѣжалъ со двора. Онъ воротился уже къ вечеру, смущенный, грустный, озабоченный, сѣлъ молчаливо на стуль и началъ съ какою-то робостью на меня поглядывать. На меня напалъ какой-то страхъ, и я намѣренно избѣгала его взглядовъ. Наконецъ, матушка, которая весь день пролежала въ постели, подозвала меня, дала мнѣ мѣдныхъ денегъ и послала въ лавочку купить ей чаю и сахару. Чай пили у насъ очень рѣдко: матушка позволяла себѣ эту, по нашимъ средствамъ, прихоть только тогда, когда чувствовала себя нездоровой и въ лихорадкѣ. Я взяла деньги и, вышедъ въ сѣни, тотчасъ же пустилась бѣжать, какъ будто боясь, чтобъ меня не догнали. Но то, что я предчувствовала, случилось: батюшка догналъ меня уже на улицѣ и воротилъ назадъ на лѣстницу.

— Неточка! — началъ онъ дрожащимъ голосомъ: — голубчикъ мой! Послушай: дай-ка мнѣ эти деньги, а я завтра же...

— Папочка! Папочка! — закричала я, бросаюсь на колѣни и умоляя его: — папочка! Не могу! Нельзя! Мамѣ нужно чай кушать... Нельзя у мамы брать, никакъ нельзя! Я другой разъ унесу...

— Такъ ты не хочешь? Ты не хочешь? — шепталъ онъ въ какомъ-то изступленіи: — такъ ты, стало быть, не хочешь любить меня? Ну, хорошо же! Теперь я тебя брошу. Оставайся съ мамой, а я отъ васъ уйду и тебя съ собой не возьму. Слышишь ли ты, злая дѣвченка? Слышишь ли ты?

— Папочка! — закричала я въ полномъ ужасѣ: — возьми деньги, на! Что мнѣ дѣлать теперь?—

говорила я, ломая руки и ухватившись за полы его сюртука: — мамочка опять бранить меня будетъ!

Онъ, кажется, не ожидалъ такого сопротивленія, но деньги взялъ; наконецъ, не будучи въ силахъ вынести мои жалобы и рыданія, оставилъ меня на лѣстницѣ и сбѣжалъ внизъ. Я пошла наверхъ, но силы оставили меня у дверей нашей квартиры; я не смѣла войти, не могла войти; все, на сколько было во мнѣ сердца, было возмущено и потрясено. Я закрыла лицо руками и бросилась на окно, какъ тогда, когда въ первый разъ услышала отъ отца его желаніе смерти матушки. Я была въ какомъ-то забытїи, въ оцѣпенѣнїи и вздрагивала, прислушиваясь къ малѣйшему шороху на лѣстницѣ. Наконецъ, я услышала, что кто-то поспѣшно всходилъ наверхъ. Это былъ онъ; я отличила его походку.

— Ты здѣсь? — сказалъ онъ шепотомъ.

Я бросилась къ нему.

— На! — закричалъ онъ, всовывая мнѣ въ руки деньги: — на! Возьми ихъ назадъ! Я тебѣ теперь не отецъ, слышишь ли ты? Я не хочу быть теперь твоимъ папой! Ты любишь маму больше меня! Такъ и ступай къ мамѣ! А я тебя знать не хочу! — Сказавъ это, онъ оттолкнулъ меня и опять побѣжалъ по лѣстницѣ. Я, плача, бросилась догонять его.

— Папочка! Добренькій папочка! Я буду слушаться! — кричала я: — я тебя люблю больше мамы! Возьми деньги назадъ, возьми!

Но онъ уже не слыхалъ меня; онъ исчезъ. Весь этотъ вечеръ я была какъ убитая и дрожала въ лихорадочномъ ознобѣ. Помню, что матушка что-то мнѣ говорила, подзывала меня къ себѣ; я была какъ безъ памяти, ничего не слыхала и не

видала. Наконецъ, все разрѣшилось припадкомъ: я начала плакать, кричать; матушка испугалась и не знала что дѣлать. Она взяла меня къ себѣ на постель, и я не помнила, какъ заснула, обхвативъ ея шею, вздрагивая и пугаясь чего-то каждую минуту. Такъ прошла цѣлая ночь. На утро я проснулась очень поздно, когда матушки уже не было дома. Она въ то время всегда уходила за своими дѣлами. У батюшки кто-то былъ посторонній, и они о чемъ-то громко разговаривали. Я насилу дождалсь, пока ушелъ гость, и когда мы остались одни, бросилась къ отцу и, рыдая, стала просить, чтобъ онъ простилъ меня за вчерашнее.

— А будешь ли ты умнымъ дитятей, какъ прежде? — сурово спросилъ онъ меня.

— Буду, папочка, буду! — отвѣчала я. — Я скажу тебѣ, гдѣ у мамы деньги лежатъ. Онѣ у ней, въ этомъ ящикѣ, въ шкатулкѣ вчера лежали!

— Лежали? Гдѣ? — закричалъ онъ, вострепнувшись, и всталъ со стула: — гдѣ онѣ лежали?

— Онѣ заперты, папаша! — говорила я. — Подожди: вечеромъ, когда мама пошлетъ мѣнять, потому что мѣдныя деньги, я видѣла, всѣ вышли.

— Мнѣ нужно пятнадцать рублей, Неточка! Слышишь ли? Только пятнадцать рублей! Достань мнѣ сегодня; я тебѣ завтра же все принесу. А я тебѣ сейчасъ пойду леденцовъ куплю, орѣховъ куплю... куклу тоже тебѣ куплю... и завтра тоже... и каждый день гостинцевъ буду приносить, если будешь умная дѣвочка!

— Не нужно, папа, не нужно! Я не хочу гостинцевъ; я не буду ихъ ѣсть; я тебѣ ихъ назадъ отдамъ! — закричала я, разрываясь отъ слезъ, потому что все сердце изныло у меня въ одно мгно-

веніе. Я почувствовала въ эту минуту, что ему не жалко меня, и что онъ не любитъ меня, потому что не видитъ, какъ я его люблю, и думаетъ, что я за гостинцы готова служить ему. Въ эту минуту я, ребенокъ, понимала его насквозь и уже чувствовала, что меня навсегда уязвило это сознание, что я уже не могла любить его, что я потеряла моего прежняго папочку. Онъ же былъ въ какомъ-то восторгѣ отъ моихъ обѣщаній; онъ видѣлъ, что я готова была рѣшиться на все для него, что я все для него сдѣлаю, и, Богъ видитъ, какъ много было это «все» для меня тогда. Я понимала, что значили эти деньги для бѣдной матушки; знала, что она могла заболѣть отъ огорченія, потерявъ ихъ, и во мнѣ мучительно кричало раскаяніе. Но онъ ничего не видалъ; онъ меня считалъ трехлѣтнимъ ребенкомъ, тогда какъ я все понимала. Восторгъ его не зналъ предѣловъ; онъ все цѣловалъ меня, уговаривалъ, чтобъ я не плакала, сулилъ мнѣ, что сегодня же мы уйдемъ куда-то отъ матушки, — вѣроятно, лъстя моей всегдашней фантазіи, и, наконецъ, вынувъ изъ кармана афишу, началъ увѣрять меня, что этотъ человекъ, къ которому онъ идетъ сегодня, ему врагъ, смертельный врагъ его, но что врагамъ его не удастся. Онъ рѣшительно самъ походилъ на ребенка, заговоривъ со мною о врагахъ своихъ. Замѣтивъ же, что я не улыбаюсь, какъ бывало, когда онъ говорилъ со мной, и слушаю его молча, взялъ шляпу и вышелъ изъ комнаты, потому что куда-то спѣшилъ; но, уходя, еще разъ поцѣловалъ меня и кивнулъ мнѣ головою съ усмѣшкою, словно неувѣренный во мнѣ и какъ будто стараясь, чтобъ я не раздумала.

Я уже сказала, что онъ былъ какъ помѣшан-

ный; но еще и наканунѣ было это видно. Деньги ему нужны были для билета въ концертъ, который для него долженъ былъ рѣшить все. Онъ какъ будто заранѣе предчувствовалъ, что этотъ концертъ долженъ былъ разрѣшить всю судьбу его, но онъ такъ потерялся, что наканунѣ хотѣлъ отнять у меня мѣдныя деньги, какъ будто могъ за нихъ достать себѣ билетъ. Странности его еще сильнѣе обнаруживались за обѣдомъ. Онъ рѣшительно не могъ усидѣть на мѣстѣ и не притрогивался ни къ какому кушанью, поминутно вставалъ съ мѣста и опять садился, словно одумавшись: то хватался за шляпу, какъ будто собираясь куда-то идти, то вдругъ дѣлался какъ-то странно-разсѣяннымъ, все что-то шепталъ про себя, потомъ вдругъ взглядывалъ на меня, мигалъ мнѣ глазами, дѣлалъ мнѣ какіе-то знаки, какъ будто въ нетерпѣннѣй поскорѣй добиться денегъ и какъ будто сердясь, что я до сихъ поръ не взяла ихъ у матушки. Даже матушка замѣтила всѣ эти странности и глядѣла на него съ изумленіемъ. Я же была точно приговоренная къ смерти. Кончился обѣдъ; я забилась въ уголь и, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, считала каждую минуту до того времени, когда матушка обыкновенно посылала меня за покупками. Въ жизнь свою я не проводила болѣе мучительныхъ часовъ; они навѣки останутся въ моемъ воспоминаніи. Чего я не перечувствовала въ эти мгновенія! Есть минуты, въ которыя переживаешь сознаниемъ гораздо болѣе, чѣмъ въ цѣлыя годы. Я чувствовала, что дѣлаю дурной поступокъ: онъ же самъ помогъ моимъ добрымъ инстинктамъ, когда въ первый разъ малодушно натолкнулъ меня на зло и, испугавшись его, объяснилъ мнѣ, что я поступила

очень дурно. Неужели же онъ не могъ понять, какъ трудно обмануть натуру, жадную къ сознанию впечатлѣній и уже прочувствовавшую, осмыслившую много злого и добраго? Я вѣдь понимала, что ужасная крайность заставила его рѣшиться другой разъ натолкнуть меня на порокъ и пожертвовать такимъ образомъ моимъ бѣднымъ беззащитнымъ дѣтствомъ, рискнуть еще разъ колебать мою не устоявшую совѣсть. И теперь, забившись въ уголь, я раздумывала про себя: зачѣмъ же онъ обѣщаль награду за то, что уже я рѣшилась сдѣлать своей собственной волей? Новыя ощущенія, новыя стремленія, доселѣ невѣдомыя, новые вопросы толпою возставали во мнѣ, и я мучилась этими вопросами. Потомъ я вдругъ начинала думать о матушкѣ; я представляла себѣ горесть ея при потерѣ послѣдняго трудового. Наконецъ, матушка положила работу, которую дѣлала черезъ силу, и подозвала меня. Я задрожала и пошла къ ней. Она вынула изъ комода деньги и, давая мнѣ, сказала: «ступай, Неточка; только, ради Бога, чтобъ тебя не обсчитали, какъ наемни, да не потеряй какъ-нибудь». Я съ умоляющимъ видомъ взглянула на отца, но онъ киваль головою, ободрительно улыбался мнѣ и потираль руки отъ нетерпѣнія. Часы пробили шесть, а концертъ назначенъ въ семь часовъ. Онъ тоже многое вынесъ въ этомъ ожиданіи.

Я остановилась на лѣстницѣ, поджидая его. Онъ былъ такъ взволнованъ и нетерпѣливъ, что безъ всякой предосторожности тотчасъ же выбѣжалъ вслѣдъ за мной. Я отдала ему деньги: на лѣстницѣ было темно, и я не могла видѣть лица его; но я чувствовала, что онъ весь дрожалъ, принимая

деньги. Я стояла, какъ будто остолбенѣвъ и не двигаясь съ мѣста; наконецъ, очнулась, когда онъ сталъ посылать меня наверхъ, вынести ему его шляпу. Онъ не хотѣлъ и входить.

— Папа! Развѣ... ты не пойдешь вмѣстѣ со мною? — спросила я прерывающимся голосомъ, думая о послѣдней надеждѣ моей, — его заступничество.

— Нѣтъ... ты уже поди одна... а? Подожди, подожди! — закричалъ онъ, спохватившись: — подожди, вотъ я тебѣ гостинцу сейчасъ принесу; а ты только сходи сперва да принеси сюда мою шляпу.

Какъ будто ледяная рука сжала вдругъ мое сердце. Я вскрикнула, оттолкнула его и бросилась наверхъ. Когда я вошла въ комнату, на мнѣ лица не было, и если бъ теперь я захотѣла сказать, что у меня отняли деньги, то матушка повѣрила бы мнѣ. Но я ничего не могла говорить въ эту минуту. Въ припадкѣ судорожнаго отчаянія, бросилась я поперекъ матушкиной постели и закрыла лицо руками. Черезъ минуту дверь робко скрипнула, и вошелъ батюшка. Онъ пришелъ за своей шляпой.

— Гдѣ деньги? — закричала вдругъ матушка, разомъ догадавшись, что произошло что-нибудь необыкновенное; — гдѣ деньги? Говори! Говори! — тутъ она схватила меня съ постели и поставила среди комнаты.

Я молчала, опустя глаза въ землю; я едва понимала, что со мною дѣлается и что со мной дѣлаютъ.

— Гдѣ деньги? — закричала она опять, бросая меня и вдругъ повернувшись къ батюшкѣ, который хватался за шляпу. — Гдѣ деньги? — повторяла

она. — А! Она тебѣ отдала ихъ? Безбожникъ! Губитель мой! Злодѣй мой! Такъ ты ее тоже губишь! Ребенка! Ее, ее?! Нѣтъ же! Ты такъ не уйдешь!

И въ одинъ мигъ она бросилась къ дверямъ, заперла ихъ изнутри и взяла ключъ къ себѣ.

— Говори! Признавайся! — начала она мнѣ голосомъ, едва слышнымъ отъ волненія: — признавайся во всемъ! Говори же, говори! Или... я не знаю, что я съ тобой сдѣлаю.

Она схватила мои руки и ломала ихъ, допрашивая меня. Она была въ изступленіи. Въ это мгновеніе я поклялась молчать и не сказать ни слова про батюшку, но робко подняла на него въ послѣдній разъ глаза... Одинъ его взглядъ, одно его слово, что-нибудь такое, чего я ожидала и о чемъ молила про себя, — и я была бы счастлива, несмотря ни на какія мученія, ни на какую пытку... Но, Боже мой! Безчувственнымъ, угрожающимъ жестомъ онъ приказывалъ мнѣ молчать, будто я могла бояться чьей-нибудь другой угрозы въ эту минуту. Мнѣ сдавило горло, захватило духъ, подкосило ноги, и я упала безъ чувствъ на полъ... Со мной повторился вчерашній нервный припадокъ.

Я очнулась, когда вдругъ раздался стукъ въ дверь нашей квартиры. Матушка отперла, и я увидѣла челоуѣка въ ливреѣ, который, войдя въ комнату и съ удивленіемъ озираясь кругомъ на всѣхъ насъ, спросилъ музыканта Ефимова. Отчимъ назвался. Тогда лакей подаль записку и увѣдомилъ, что онъ отъ Б.; который въ эту минуту находился у князя. Въ пакетѣ лежалъ пригласительный билетъ къ С—цу.

Появленіе лакея въ богатой ливреѣ, назвавшего

имя князя, своего господина, который посылалъ нарочно къ бѣдному музыканту Ефимову, — все это произвело на мигъ сильное впечатлѣніе на матушку. Я сказала въ самомъ началѣ разсказа о ея характерѣ, что бѣдная женщина все еще любила отца. И теперь, несмотря на цѣлыя восемь лѣтъ непрерывной тоски и страданій, ея сердце все еще не измѣнилось: она все еще могла любить его! Богъ знаетъ, можетъ быть, она вдругъ увидѣла теперь перемѣну въ судьбѣ его. На нее даже и тѣнь какой-нибудь надежды имѣла вліяніе. Почему знать, — можетъ быть, она тоже была нѣсколько заражена непоколебимою самоувѣренностью своего сумасброднаго мужа! Да и невозможно, чтобъ эта самоувѣренность на нее, слабую женщину, не имѣла хоть какого-нибудь вліянія, и на вниманіи князя она въ мигъ могла построить для него тысячу плановъ. Въ одинъ мигъ она готова была опять обратиться къ нему, она могла простить ему за всю жизнь свою, даже взвѣсивъ его послѣднее преступленіе — пожертвованіе ея единственнымъ дитятей, и въ порывѣ заживо-вспыхнувшаго энтузіазма, въ порывѣ новой надежды, низвести это преступленіе до простого проступка, до малодушія, вынужденнаго нищенствомъ, грязною жизнью, отчаяннымъ положеніемъ. Въ ней все было увлеченіе, и въ этотъ мигъ у ней уже были снова готовы прощеніе и состраданіе безъ конца для своего погибшаго мужа.

Отецъ засуетился; его тоже поразила внимательность князя и Б. Онъ прямо обратился къ матушкѣ, что-то шепнулъ ей, и она вышла изъ комнаты. Она воротилась черезъ двѣ минуты, принесла размѣненныя деньги, и батюшка тотчасъ же далъ рубль серебромъ посланному, который ушелъ

съ вѣжливымъ поклономъ. Между тѣмъ, матушка, выходявшая на минуту, принесла утюгъ, достала лучшую мужнину манишку и начала ее гладить. Она сама повязала ему на шею бѣлый батистовый галстукъ, сохранившійся на всякій случай, съ незапамятныхъ поръ, въ его гардеробѣ, вмѣстѣ съ чернымъ, хотя уже и очень поношеннымъ фраккомъ, который былъ сшитъ еще при поступленіи его въ должность при театрѣ. Кончивъ туалетъ, отецъ взялъ шляпу, но, выходя, попросилъ стаканъ воды; онъ былъ блѣденъ и въ изнеможеніи присѣлъ на стулъ. Воду подала уже я; можетъ быть, непріязненное чувство снова прокралось въ сердце матушки и охладило ее первое увлеченіе.

Батюшка вышелъ; мы остались однѣ. Я забилась въ уголь, и долго, молча, смотрѣла на матушку. Я никогда не видала ее въ такомъ волненіи: губы ее дрожали, блѣдныя щеки вдругъ разгорѣлись, и она, по временамъ, вздрагивала всѣми членами. Наконецъ, тоска ее начала изливаться въ жалобахъ, въ глухихъ рыданіяхъ и сѣтованіяхъ.

— Это я, это все я виновата, несчастная! — говорила она сама съ собою. — Что жъ съ нею будетъ? Что жъ съ нею будетъ, когда я умру? — продолжала она, остановясь посреди комнаты, словно пораженная молніею отъ одной этой мысли. — Нѣточка! Дитя мое! Бѣдная ты моя! Несчастливая! — сказала она, взявъ меня за руки и судорожно обнимая меня. — На кого ты останешься, когда и при жизни-то я не могу воспитать тебя, ходить и глядѣть за тобою? Охъ, ты не понимаешь меня! Понимаешь ли? Запомнишь ли, что я теперь говорила, Нѣточка? Будешь ли помнить впередъ?

— Буду, буду, маменька! — говорила я, складывая руки и умоляя ее.

Она долго, крѣпко держала меня въ объятіяхъ, какъ будто трепеща одной мысли, что разлучится со мною. Сердце мое разрывалось.

— Мапочка! Мама! — сказала я, всхлипывая: — за что ты . . . За что ты не любишь папу? — И рыданія не дали мнѣ досказать.

Стенаніе вырвалось изъ груди ея. Потомъ, въ новой, ужасной тоскѣ, она стала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Бѣдная, бѣдная моя! А я и не замѣтила, какъ она выросла; она знаетъ, все знаетъ! Боже мой! Какое впечатлѣніе, какой примѣръ! — И она опять ломала руки въ отчаяніи.

Потомъ она подходила ко мнѣ и съ безумною любовью цѣловала меня, цѣловала мои руки, обливала ихъ слезами, умоляла о прощеніи . . . Я никогда не видывала такихъ страданій . . . Наконецъ, она какъ будто измучилась и впала въ забытье. Такъ прошелъ цѣлый часъ. Потомъ она встала, утомленная и усталая, и сказала мнѣ, чтобъ я легла спать. Я ушла въ свой уголь, завернулась въ одѣяло, но заснуть не могла. Меня мучила она, мучиль и батюшка. Я съ нетерпѣніемъ ждала его возвращенія. Какой-то ужасъ овладѣвалъ мною при мысли о немъ. Черезъ полчаса матушка взяла свѣчку и подошла ко мнѣ посмотрѣть, заснула ли я. Чобъ успокоить ее, я зажмурила глаза и притворилась, что сплю. Оглядѣвъ меня, она тихонько подошла къ шкафу, отворила его и налила себѣ стаканъ вина. Она выпила его и легла спать, оставивъ зажженную свѣчку на столѣ и дверь отпертою, какъ всегда дѣлалось на случай поздняго прихода батюшки.

Я лежала какъ будто въ забытїи, но сонъ не смыкалъ глазъ моихъ. Едва я заводила ихъ, какъ тотчасъ же просыпалась и вздрагивала отъ какихъ-то ужасныхъ видѣній. Тоска моя возрастала все болѣе и болѣе. Мнѣ хотѣлось кричать, но крикъ замиралъ въ груди моей. Наконецъ, уже поздно ночью, я услышала, какъ отворилась наша дверь. Не помню, сколько прошло времени, но когда я вдругъ совсѣмъ открыла глаза, я увидѣла батюшку. Мнѣ показалось, что онъ былъ страшно блѣденъ. Онъ сидѣлъ на стулѣ возлѣ самой двери и какъ будто о чемъ-то задумался. Въ комнатѣ была мертвая тишина. Оплывшая сальная свѣчка грустно освѣщала наше жилище.

Я долго смотрѣла, но батюшка все еще не двигался съ мѣста; онъ сидѣлъ неподвижно, но все въ томъ же положенїи, опутивъ голову и судорожно опершись руками о колѣни. Я нѣсколько разъ пыталась окликнуть его, но не могла. Оцѣпенѣнїе мое продолжалось. Наконецъ, онъ вдругъ очнулся, поднялъ голову и всталъ со стула. Онъ стоялъ нѣсколько минутъ посреди комнаты, какъ будто рѣшаясь на что-нибудь; потомъ вдругъ подошелъ къ постели матушки, прислушался и, увѣрившись, что она спитъ, отправился къ сундуку, въ которомъ лежала его скрипка. Онъ отперъ сундукъ, вынулъ черный футляръ и поставилъ на столъ; потомъ снова оглядѣлся кругомъ; взгляды его были мутный и бѣглый, — такой, какого я у него никогда еще не замѣчала.

Онъ было взялся за скрипку, но, тотчасъ же оставивъ ее, воротился и заперъ двери. Потомъ, замѣтивъ отворенный шкафъ, тихонько подошелъ къ нему, увидѣлъ стаканъ и вино, налилъ и выпилъ.

Тутъ онъ въ третій разъ взялся за скрипку, но въ третій разъ оставилъ ее и подошелъ къ постели матушки. Цѣпенѣя отъ страха, я ждала, что будетъ.

Онъ что-то очень долго прислушивался, потомъ вдругъ откинулъ одѣяло съ лица и началъ ощупывать его рукою. Я вздрогнула. Онъ нагнулся еще разъ и почти приложилъ къ ней голову, но когда онъ приподнялся въ послѣдній разъ, то какъ будто улыбка мелькнула на его страшно поблѣднѣвшемъ лицѣ. Онъ тихо и бережно накрылъ одѣяломъ спящую, закрылъ ей голову, ноги... и я начала дрожать отъ невѣдомаго страха: мнѣ стало страшно за матушку, мнѣ стало страшно за ея глубокий сонъ, и съ безпокойствомъ вглядывалась я въ эту неподвижную линію, которая угловато обрисовала на одѣялѣ члены ея тѣла... Какъ молнія пробѣжала страшная мысль въ умѣ моемъ.

Кончивъ всѣ приготовленія, онъ снова подошелъ къ шкафу и выпилъ остатки вина. Онъ весь дрожалъ, подходя къ столу. Его узнать нельзя было, — такъ онъ былъ блѣденъ. Тутъ онъ опять взялъ скрипку. Я видѣла эту скрипку и знала, что она такое, но теперь ожидала чего-то ужаснаго, страшнаго, чудеснаго... и вздрогнула отъ первыхъ ея звуковъ. Батюшка началъ играть. Но звуки шли какъ-то прерывисто; онъ поминутно останавливался, какъ будто припоминалъ что-то; наконецъ, съ растерзаннымъ, мучительнымъ видомъ положилъ свой смычекъ и какъ-то странно поглядѣлъ на постель. Тамъ его что-то все безпокоило. Онъ опять пошелъ къ постели... Я не пропускала ни одного движенія его и, замирая отъ ужаснаго чувства, слѣдила за нимъ.

Вдругъ онъ поспѣшно началъ чего-то искать подъ руками, — и опять та же страшная мысль, какъ молнія, обожгла меня. Мнѣ пришло въ голову: отчего же такъ крѣпко спитъ матушка? Отчего же она не проснулась, когда онъ рукою ошупывалъ ея лицо? Наконецъ, я увидѣла, что онъ стаскивалъ все, что могъ найти изъ нашего платья, взялъ салопъ матушкинъ, свой старый сюртукъ, халатъ, даже мое платье, которое я скинула, такъ что закрылъ матушку совершенно и спряталъ подъ набросанной грудой; она лежала все неподвижно, не шевелясь ни однимъ членомъ.

Она спала глубокимъ сномъ!

Онъ какъ будто вздохнулъ свободнѣе, когда кончилъ свою работу. Въ этотъ разъ уже ничто не мѣшало ему, но все еще что-то его беспокоило. Онъ переставилъ свѣчу и сталъ лицомъ къ дверямъ, чтобъ даже и не глядѣть на постель. Наконецъ, онъ взялъ скрипку и съ какимъ-то отчаяннымъ жестомъ ударилъ смычкомъ... Музыка началась.

Но это была не музыка... Я помню все отчетливо, до послѣдняго мгновенія; помню все, что поразило тогда мое вниманіе. Нѣтъ, это была не такая музыка, которую мнѣ потомъ удавалось слышать! Это были не звуки скрипки, а какъ будто чей-то ужасный голосъ загремѣлъ въ первый разъ въ нашемъ темномъ жилищѣ. Или неправильны, болѣзненны были мои впечатлѣнія, или чувства мои были потрясены всѣмъ, чему я была свидѣтельницей, подготовлены были на впечатлѣнія страшныя, неисходимо мучительныя, — но я твердо увѣрена, что слышала стоны, крикъ человѣческой, плачь; цѣлое отчаяніе выливалось въ этихъ звукахъ, и, на-

конецъ, когда загремѣлъ ужасный финальный аккордъ, въ которомъ было все, что есть ужаснаго въ плачѣ, мучительнаго въ мукахъ и тоскливаго въ безнадежной тоскѣ, — все это какъ будто соединилось разомъ . . . Я не могла выдержать, — я задрожала, слезы брызнули изъ глазъ моихъ и, съ страшнымъ, отчаяннымъ крикомъ бросившись къ батюшкѣ, я обхватила его руками. Онъ вскрикнулъ и опустилъ свою скрипку.

Съ минуту стоялъ онъ какъ потерянный. Наконецъ, глаза его запрыгали и забѣгали по сторонамъ; онъ какъ будто искалъ чего-то, вдругъ схватилъ скрипку, взмахнулъ ею надо мною . . . еще минута, и онъ, можетъ быть, убилъ бы меня на мѣстѣ.

— Папочка! — закричала я ему: — папочка!

Онъ задрожалъ какъ листъ, когда услышалъ мой голосъ, и отступилъ на два шага.

— Ахъ! Такъ еще ты осталась! Такъ еще не все кончилось! Такъ еще ты осталась со мной! — закричалъ онъ, поднявъ меня за плечи на воздухъ.

— Папочка! — закричала я снова: — не пугай меня, ради Бога! Мнѣ страшно! Ай!

Мой плачъ поразилъ его. Онъ тихо опустилъ меня на полъ и съ минуту безмолвно смотрѣлъ на меня, какъ будто узнавая и припоминая что-то. Наконецъ, вдругъ, какъ будто что-нибудь перевернуло его, какъ будто его поразила какая-то ужасная мысль, — изъ помутившихся глазъ его брызнули слезы; онъ нагнулся ко мнѣ и началъ пристально смотрѣть мнѣ въ лицо.

— Папочка! — говорила я ему, терзаясь отъ страха: — не смотри такъ, папочка! Уйдемъ отсюда! Уйдемъ скорѣе! Уйдемъ, убѣжимъ!

— Да, убѣжимъ, убѣжимъ! Пора! Пойдемъ, НѢточка! Скорѣе, скорѣе! — И онъ засуетился, какъ будто только теперь догадался, что ему дѣлать. Торопливо озирался онъ кругомъ и, увидя на полу матушкинъ платокъ, поднялъ его и положилъ въ карманъ, потомъ увидѣлъ чепчикъ, — и его тоже поднялъ и спряталъ на себѣ, какъ будто снаряжаясь въ дальнюю дорогу и захватывая все, что было ему нужно.

Я мигомъ надѣла свое платье и, тоже торопясь, начала захватывать все, что мнѣ казалось нужнымъ для дороги.

— Все ли, все ли? — спрашивалъ отецъ: — все ли готово? Скорѣй! Скорѣй!

Я наскоро навязала узелъ, накинула на голову платокъ, и уже мы оба стали было выходить, когда мнѣ вдругъ пришло въ голову, что надо взять и картинку, которая висѣла на стѣнѣ. Батюшка тотчасъ же согласился съ этимъ. Теперь онъ былъ тихъ, говорилъ шепотомъ и только торопилъ меня поскорѣе идти. Картина висѣла очень высоко, мы вдвоемъ принесли стулъ, потомъ приладили на него скамейку и, взгромоздившись на нее, наконецъ, послѣ долгихъ трудовъ, сняли. Тогда все было готово къ нашему путешествію. Онъ взялъ меня за руку, и мы было уже пошли, но вдругъ батюшка остановилъ меня. Онъ долго теръ себѣ лобъ, какъ будто вспоминая что-то, что еще не было сдѣлано. Наконецъ, онъ какъ будто нашель, что ему было надо, отыскалъ ключи, которые лежали у матушки подъ подушкой, и торопливо началъ искать чего-то въ комодѣ. Наконецъ, онъ воротился ко мнѣ и принесъ нѣсколько денегъ, отысканныхъ въ ящикѣ.

— Вотъ, на, возьми это, береги, — прошепталь онъ мнѣ: — не теряй же, помни, помни!

Онъ мнѣ положилъ сначала деньги въ руку, потомъ взялъ ихъ опять и сунулъ мнѣ за пазуху. Помню, что я вздрогнула, когда къ моему тѣлу прикоснулось это серебро, и я какъ будто только теперь поняла, что такое деньги. Теперь мы опять были готовы, но онъ вдругъ опять остановилъ меня.

— Нѣточка! — сказалъ онъ мнѣ, какъ будто размышляя съ усиленіемъ: — дѣточка моя, я позабылъ... Что такое?.. Что это надо?.. Я не помню... Да, да, нашель, вспомнилъ!.. Поди сюда, Нѣточка!

Онъ подвелъ меня къ углу, гдѣ былъ образъ, и сказалъ, чтобъ я стала на колѣни.

— Молись, дитя мое, помолись! Тебѣ лучше будетъ!.. Да, право, будетъ лучше, — шепталь онъ мнѣ, указывая на образъ и какъ-то странно смотря на меня. — Помолись, помолись! — говорилъ онъ какимъ-то просящимъ, умоляющимъ голосомъ.

Я бросилась на колѣни, сложила руки и, полная ужаса, отчаянія, которое уже совсѣмъ овладѣло мною, упала на полъ и пролежала нѣсколько минутъ какъ бездыханная. Я напрягала всѣ свои мысли, всѣ свои чувства въ молитвѣ, но страхъ преодолѣвалъ меня. Я приподнялась, измученная тоскою. Я уже не хотѣла идти съ нимъ, боялась его; мнѣ хотѣлось остаться. Наконецъ, то, что томило и мучило меня, вырвалось изъ груди моей.

— Папа, — сказала я, обливаясь слезами: — а мама?.. — Что съ мамой? Гдѣ она? Гдѣ моя мама?..

Я не могла продолжать и залилась слезами.

Онъ тоже со слезами смотрѣлъ на меня. Наконецъ, онъ взялъ меня за руку, подвелъ къ постели, разметалъ набросанную грудю платья и открылъ одѣяло. Боже мой! Она лежала мертвая, уже похолодѣвшая и посинѣвшая. Я, какъ безчувственная, бросилась на нее и обняла ея трупъ. Отецъ поставилъ меня на колѣни.

— Поклонись ей, дитя! — сказалъ онъ: — прости съ нею . . .

Я поклонилась. Отецъ поклонился вмѣстѣ со мною . . . Онъ былъ ужасно блѣдень; губы его двигались и что-то шептали.

— *Это не я, Неточка, не я,* — говорилъ онъ мнѣ, указывая дрожащею рукою на трупъ. — *Слышишь, не я; я не виноватъ въ этомъ.* Помни, Неточка!

— Папа, пойдѣмъ, — прошептала я въ страхъ. — Пора!

— Да, теперь пора, давно пора! — сказалъ онъ, схвативъ меня крѣпко за руку и торопясь выйти изъ комнаты. — Ну, теперь въ путь! Слава Богу, слава Богу, теперь все кончено!

Мы сошли съ лѣстницы; полусонный дворникъ отворилъ намъ ворота, подозрительно поглядывая на насъ, и батюшка, словно боясь его вопроса, выбѣжалъ изъ воротъ первый, такъ что я едва догнала его. Мы прошли нашу улицу и вышли на набережную канала. За ночь на камняхъ мостовой выпалъ снѣгъ и шелъ и теперь мелкими хлопьями. Было холодно; я дрогла до костей и бѣжала за батюшкой, судорожно уцѣпившись за полы его фрака. Скрипка была у него подмышкой, и онъ минутно останавливался, чтобъ придержать подмышкой футляръ.

Мы шли съ четверть часа; наконецъ, онъ повернулъ по скату тротуара на самую канаву и сѣлъ на послѣдней тумбѣ. Въ двухъ шагахъ отъ насъ была прорубь. Кругомъ не было ни души. Боже! Какъ теперь помню я то странное ощущеніе, которое вдругъ овладѣло мною! Наконецъ, совершилось все, о чемъ я мечтала уже цѣлый годъ. Мы ушли изъ нашего бѣднаго жилища... Но того ли я ожидала, о томъ ли я мечтала, то ли создалось въ моей дѣтской фантазіи, когда я загадывала о счастья того, котораго я такъ не-дѣтски любила? Всего болѣе мучила меня въ это мгновеніе матушка. Зачѣмъ мы ее оставили, — думала я: — одну? Покинули ее тѣло, какъ ненужную вещь? И помню, что это болѣе всего меня терзало и мучило.

— Папочка, — начала я, не въ силахъ будучи выдержать мучительной заботы своей: — папочка!

— Что такое? — сказалъ онъ сурово.

— Зачѣмъ мы, папочка, оставили тамъ маму? Зачѣмъ мы бросили ее? — спросила я, заплакавъ. — Папочка! Воротимся домой! Позовемъ къ ней кого-нибудь.

— Да, да! — закричалъ онъ вдругъ, вострепнувшись и приподымаясь съ тумбы, какъ будто что-то новое пришло ему въ голову, разрѣшавшее всѣ сомнѣнія его. — Да, Нѣточка, такъ нельзя; нужно пойти къ мамѣ; ей тамъ холодно! Поди къ ней, Нѣточка, поди; тамъ не темно, тамъ есть свѣчка; не бойся, позови къ ней кого-нибудь, и потомъ приходи ко мнѣ; поди одна, а я тебя здѣсь подожду... Я вѣдь никуда не уйду.

Я тотчасъ же пошла, но едва только взошла на тротуаръ, какъ вдругъ будто что-то кольнуло меня

въ сердце . . . Я обернулась и увидѣла, что онъ уже сбѣжалъ съ другой стороны и бѣжитъ отъ меня, оставивъ меня одну, покидая меня въ эту минуту! Я закричала сколько во мнѣ было силы и въ страшномъ испугѣ бросилась догонять его. Я задыхалась: онъ бѣжалъ все скорѣе и скорѣе . . . я его уже теряла изъ виду. На дорогѣ мнѣ попалась его шляпа, которую онъ потерялъ въ бѣгствѣ; я подняла ее и пустилась снова бѣжать. Духъ во мнѣ замиралъ и ноги подкашивались. Я чувствовала, какъ что-то безобразное совершалось со мною: мнѣ все казалось, что это сонъ, и порой во мнѣ рождалось такое ощущеніе, какъ и во снѣ, когда мнѣ снилось, что я бѣгу отъ кого-нибудь, но что ноги мои подкашиваются, погоня настигаетъ меня, и я падаю безъ чувствъ. Мучительное ощущеніе разрывало меня: мнѣ было жалко его, сердце мое ныло и болѣло, когда я представляла, какъ онъ бѣжитъ безъ шинели, безъ шляпы, отъ меня, отъ своего любимаго дитяти . . . Мнѣ хотѣлось догнать его только для того, чтобъ еще разъ крѣпко поцѣловать, сказать ему, чтобъ онъ меня не боялся, увѣрить, успокоить, что я не побѣгу за нимъ, коли онъ не хочетъ того, а ворочусь одна къ матушкѣ. Я разглядѣла, наконецъ, что онъ поворотилъ въ какую-то улицу. Добѣжавъ до нея и тоже повернувъ за нимъ, я еще различала его впереди себя . . . Тутъ силы меня оставили: я начала плакать, кричать. Помню, что на побѣгѣ я столкнулась съ двумя прохожими, которые остановились посреди тротуара и съ изумленіемъ смотрѣли на насъ обоихъ.

— Папочка! Папочка! — закричала я въ послѣдній разъ, но вдругъ поскользнулась на тротуарѣ и упала у воротъ дома. Я почувствовала, какъ

все лицо мое облилось кровью. Мгновеніе спустя, я лишилась чувствъ.

Очнулась я на теплой, мягкой постели и увидѣла возлѣ себя привѣтливыя, ласковыя лица, которыя съ радостью встрѣтили мое пробужденіе. Я разглядѣла старушку, съ очками на носу, высокаго господина, который смотрѣлъ на меня съ глубокимъ состраданіемъ; потомъ прекрасную молодую даму, и, наконецъ, сѣдого старика, который держалъ меня за руку и смотрѣлъ на часы. Я пробудилась для живой жизни. Одинъ изъ тѣхъ, которыхъ я встрѣтила во время бѣгства, былъ князь Х—ій, и я упала у воротъ его дома. Когда, послѣ долгихъ изысканій, узнали, кто я такова, князь, который послалъ моему отцу билетъ въ концертъ С—ца, пораженный странностью случая, рѣшился принять меня въ свой домъ и воспитать со своими дѣтьми. Стали отыскивать, что сдѣлалось съ батюшкой, и узнали, что онъ былъ задержанъ кѣмъ-то уже внѣ города, въ припадкѣ изступленнаго помѣшательства. Его свезли въ больницу, гдѣ онъ и умеръ черезъ два дня.

Онъ умеръ, потому что такая смерть его была необходимостью, естественнымъ слѣдствіемъ всей его жизни. Онъ долженъ былъ такъ умереть, когда все, поддерживающее его въ жизни, разомъ рухнуло, рассѣялось, какъ призракъ, какъ безплотная, пустая мечта. Онъ умеръ, когда исчезла послѣдняя надежда его, когда въ одно мгновеніе разрѣшилось передъ нимъ самимъ и вошло въ ясное сознаніе все, чѣмъ обманывалъ онъ себя и поддерживалъ всю свою жизнь. Истина ослѣпила его своимъ нестерпимымъ блескомъ, и что было ложь, стало ложью и для него самого. Въ послѣдній часъ свой,

онъ услышалъ чуднаго генія, который разсказаль ему его же самого и осудилъ его навсегда. Съ послѣднимъ звукомъ, слетѣвшимъ со струнъ скрипки геніальнаго С—ца, передъ нимъ разрѣшилась вся тайна искусства, и геній, вѣчно юный, могучій и истинный, раздавилъ его своей истинностью. Казалось, все, что только въ таинственныхъ, неосызаемыхъ мученіяхъ тяготило его во всю жизнь, все, что до сихъ поръ только грезилось ему и мучило его только въ сновидѣніяхъ неощутительно, неуловимо, что хотя сказывалось ему по временамъ, но отъ чего онъ съ ужасомъ бѣжалъ, заслонясь ложью всей своей жизни, все, что предчувствовалъ онъ, но чего боялся доселѣ, — все это вдругъ, разомъ засіяло передъ нимъ, открылось глазамъ его, которые упрямо не хотѣли признать до сихъ поръ свѣтъ за свѣтъ, тьму за тьму. Но истина была невыносима для глазъ его, прозрѣвшихъ въ первый разъ во все, что было, что есть, и въ то, что ожидаетъ его; она ослѣпила и сожгла его разумъ. Она ударила въ него вдругъ неизбѣжно, какъ молнія. Совершилось вдругъ то, что онъ ожидалъ всю жизнь съ замираніемъ и трепетомъ. Казалось, всю жизнь сѣкира висѣла надъ его головой, всю жизнь онъ ждалъ каждое мгновеніе въ невыразимыхъ мученіяхъ, что она ударитъ въ него, и — наконецъ, сѣкира ударила! Ударъ былъ смертеленъ. Онъ хотѣлъ бѣжать отъ суда надъ собою, но бѣжать было некуда: послѣдняя надежда исчезла, послѣдняя отговорка пропала. Та, которой жизнь тяготѣла надъ нимъ столько лѣтъ, которая не давала ему жить, та, со смертью которой, по своему ослѣпленному вѣрованію, онъ долженъ былъ вдругъ, разомъ воскреснуть, — умерла. Наконецъ, онъ былъ одинъ, его

не стѣсняло ничто: онъ былъ, наконецъ, свободенъ! Въ послѣдній разъ, въ судорожномъ отчаяніи, хотѣлъ онъ судить себя самъ, осудить неумолимо и строго, какъ безпристрастный, безкорыстный судья: но ослабѣвшій смычекъ его могъ только слабо повторить послѣднюю музыкальную фразу генія... Въ это мгновеніе, безуміе, сторожившее его уже десять лѣтъ, неизбѣжно поразило его.

IV.

Я выздоравливала медленно; но когда уже совсѣмъ встала съ постели, умъ мой все еще былъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи, и долгое время я не могла понять, что именно случилось со мною. Были мгновенія, когда мнѣ казалось, что я вижу сонъ, и, помню, мнѣ хотѣлось, чтобы все случившееся и впрямь обратилось въ сонъ! Засыпая на ночь, я надѣялась, что вдругъ какъ-нибудь проснусь опять въ нашей бѣдной комнатѣ и увижу отца и мать... Но, наконецъ, передо мной проясняло мое положеніе, и я мало-по-малу поняла, что осталась одна совершенно и живу у чужихъ людей. Тогда въ первый разъ почувствовала я, что я сирота.

Я начала жадно присматриваться ко всему новому, такъ внезапно меня окружившему. Сначала мнѣ все казалось страннымъ и чуднымъ, все меня смущало: и новыя лица, и новые обычаи, и комнаты стараго княжескаго дома; какъ теперь вижу, большія, высокія, богатые, но такія угрюмыя, мрачныя, что, помню, я серьезно боялась пуститься черезъ какую-нибудь длинную-длинную залу, въ которой, мнѣ казалось, совсѣмъ пропаду. Болѣзнь моя еще не прошла, и впечатлѣнія мои были мрачныя, тягостныя,

совершенно подь ладъ этого торжественно-угрюмаго жилища. Къ тому же, какая-то, еще неясная мнѣ самой, тоска все болѣе и болѣе нарастала въ моемъ маленькомъ сердцѣ. Съ недоумѣніемъ останавливалась я передъ какой-нибудь картиной, зеркаломъ, каминомъ затѣйливой работы, или статуей, которая какъ будто нарочно спряталась въ глубокую нишу, чтобъ оттуда лучше подсмотрѣть за мной и какъ-нибудь испугать меня, останавливалась и потомъ вдругъ забывала, зачѣмъ я остановилась, чего хочу, о чемъ начала думать, и только когда очнусь, бывало, страхъ и смятеніе нападали на меня, и крѣпко билось мое сердце.

Изъ тѣхъ, кто изрѣдка приходили навѣстить меня, когда я еще лежала больная, кромѣ старичка доктора, всего болѣе поразило меня лицо одного мужчины, уже довольно пожилого, такого серьезнаго, но такого добраго, смотрѣвшаго на меня съ такимъ глубокимъ состраданіемъ! Его лицо я любила болѣе всѣхъ другихъ. Мнѣ очень хотѣлось заговорить съ нимъ, но я боялась; онъ былъ съ виду всегда очень уныль, говорилъ отрывисто, мало, и никогда улыбка не являлась на губахъ его. Это былъ самъ князь Х—ій, нашедшій меня и призрѣвшій въ своемъ домѣ. Когда я стала выздоравливать, посѣщенія его становились рѣже и рѣже. Наконецъ, въ послѣдній разъ, онъ принесъ мнѣ конфетовъ, какую-то дѣтскую книжку съ картинками, поцѣловаль меня, перекрестилъ и просилъ, чтобъ я была веселѣе. Утѣшая меня, онъ прибавилъ, что скоро у меня будетъ подруга, такая же дѣвочка какъ и я, его дочь Катя, которая теперь въ Москвѣ. Потомъ, поговоривъ что-то съ пожилой француженкой, нянькой дѣтей его, и съ ухаживавшей за

мною дѣвушкой, онъ указалъ имъ на меня, вышелъ, и съ тѣхъ поръ я ровно три недѣли не видала его. Князь жилъ въ своемъ домѣ чрезвычайно уединенно. Большую половину дома занимала княгиня; она тоже не видалась съ княземъ иногда по цѣлымъ недѣлямъ. Впослѣдствіи я замѣтила, что даже всѣ домашніе мало говорили о немъ, какъ будто его и не было въ домѣ. Всѣ его уважали и даже, видно было, любили его, а между тѣмъ смотрѣли на него какъ на какого-то чудного и страннаго человѣка. Казалось, и онъ самъ понималъ, что онъ очень страненъ, какъ-то не похожъ на другихъ, и потому старался какъ можно рѣже казаться всѣмъ на глаза . . . Въ свое время мнѣ придется очень много и гораздо подробнѣе говорить о немъ.

Въ одно утро меня одѣли въ чистое, тонкое бѣлье, надѣли на меня черное шерстяное платье, съ бѣлыми плерезами, на которое я посмотрѣла съ какимъ-то унылымъ недоумѣніемъ, причесали мнѣ голову и повели съ верхнихъ комнатъ внизъ, въ комнаты княгини. Я остановилась какъ вкопанная, когда меня привели къ ней: никогда я еще не видала кругомъ себя такого богатства и великолѣпія. Но это впечатлѣніе было мгновенное, и я поблѣднѣла, когда услышала голосъ княгини, которая велѣла подвести меня ближе. Я и одѣваясь думала, что готовлюсь на какое-то мученіе, хотя Богъ знаетъ отчего вселилась въ меня подобная мысль. Вообще я вступила въ новую жизнь съ какою-то странною недовѣрчивостью ко всему меня окружавшему. Но княгиня была со мною очень привѣтлива и поцѣловала меня. Я взглянула на нее посмѣлѣе. Это была та самая прекрасная дама, которую я видѣла, когда

я очнулась послѣ своего безпамятства. Но я вся дрожала, когда цѣловала ея руку, и никакъ не могла собраться съ силами отвѣтить что-нибудь на ея вопросы. Она приказала мнѣ сѣсть возлѣ себя на низенькомъ табуретѣ. Кажется, это мѣсто уже предназначено было для меня заранѣе. Видно было, что княгиня и не желала болѣе, какъ привязаться ко мнѣ всею душою, обласкать меня и вполне замѣнить мнѣ мать. Но я никакъ не могла понять, что попала въ случай, и ничего не выиграла въ ея мнѣніи. Мнѣ дали прекрасную книжку съ картинками и приказали разсматривать. Сама княгиня писала къ кому-то письмо, изрѣдка оставляя перо и опять со мной заговаривая; но я сбивалась, путалась и ничего не сказала путнаго. Однимъ словомъ, хотя моя исторія была очень необыкновенная, и въ ней большую часть играла судьба, разные, положимъ, даже таинственные пути, и вообще было много интереснаго, неизъяснимаго, даже чего-то фантастическаго, но я сама выходила, какъ будто на зло всей этой мелодраматической обстановкѣ, самымъ обыкновеннымъ ребенкомъ, запуганнымъ, какъ будто забитымъ и даже глупенькимъ. Особенно послѣднее княгинѣ вовсе не нравилось, и я, кажется, довольно скоро ей совсѣмъ надоѣла, въ чемъ виню одну себя, разумѣется. Часу въ третѣемъ начались визиты, и княгиня стала ко мнѣ вдругъ внимательнѣе и ласковѣе. На разспросы пріѣзжавшихъ обо мнѣ, она отвѣчала, что это чрезвычайно интересная исторія, и потомъ начинала рассказывать по-французски. Во время ея рассказовъ на меня глядѣли, качали головами, восклицали. Одинъ молодой человѣкъ навелъ на меня лорнетъ, одинъ пахучій сѣдой старичекъ хотѣлъ было

поцѣловать меня, а я блѣднѣла, краснѣла и сидѣла потупивъ глаза, боясь шевельнуться, дрожа всѣми членами. Сердце ныло и болѣло во мнѣ. Я уноси-лась въ прошедшее, на нашъ чердакъ, вспомнила отца, наши длинные, молчаливые вечера, матушку, и когда вспомнила о матушкѣ — въ глазахъ моихъ накалились слезы, мнѣ сдавливало горло, и я такъ хотѣла убѣжать, исчезнуть, остаться одной... Потомъ, когда кончились визиты, лицо княгини стало примѣтно суровѣе. Она уже смотрѣла на меня угрюмѣе, говорила отрывистѣе, и въ особенности меня пугали ея пронзительные, черные глаза, иногда цѣлую четверть часа устремленные на меня, и крѣпко сжатые тонкія губы. Вечеромъ меня отвели наверхъ. Я заснула въ лихорадкѣ, просыпалась ночью, тоскуя и плача отъ болѣзненныхъ сновидѣній; а на утро началась та же исторія, и меня опять повели къ княгинѣ. Наконецъ, ей какъ будто самой наскучило рассказывать своимъ гостямъ мои приключенія, а гостямъ соболѣзновать обо мнѣ. Къ тому же я была такой обыкновенный ребенокъ, «безъ всякой наивности», какъ, помню, выразилась сама княгиня, говоря глазъ-на-глазъ съ одной пожилой дамой, которая спросила: «не-уже-ли ей не скучно со мной?», — и вотъ, въ одинъ вечеръ, меня увели совсѣмъ, съ тѣмъ, чтобъ не приводить ужъ болѣе. Такимъ образомъ кончилось мое фаворитство; впрочемъ, мнѣ позволено было ходить вездѣ и всюду, сколько мнѣ было угодно. Я же не могла сидѣть на одномъ мѣстѣ отъ глубокой, болѣзненной тоски своей, и рада-рада была, когда уйду, наконецъ, отъ всѣхъ внизъ, въ большія комнаты. Помню, что мнѣ очень хотѣлось разговориться съ домашними; но я такъ боялась разсердить ихъ, что

предпочитала оставаться одной. Моимъ любимымъ препровожденіемъ времени было забиться куда-нибудь въ уголь, гдѣ непримѣтнѣе, стать за какую-нибудь мебель и тамъ тотчасъ же начать припоминать и соображать обо всемъ, что случилось со мною. Но чудное дѣло! Я какъ будто забыла окончаніе того, что со мною случилось у родителей, и всю эту ужасную исторію. Передо мной мелькали однѣ картины, выставлялись факты. Я, правда, все помнила — и ночь, и скрипку, и батюшку, помнила, какъ доставала ему деньги; но осмыслить, выяснить себѣ всѣ эти происшествія какъ-то не могла . . . Только тяжелѣе мнѣ становилось на сердцѣ, и когда я доходила воспоминаніемъ до той минуты, когда молилась возлѣ мертвой матушки, то морозъ вдругъ пробѣгалъ по моимъ членамъ; я дрожала, слегка вскрикивала, и потомъ такъ тяжело становилось дышать, такъ ныла вся грудь моя, такъ колотилось сердце, что въ испугѣ выбѣгала я изъ угла. Впрочемъ, я неправду сказала, говоря, что меня оставляли одну: за мной неусыпно и усердно присматривали и съ точностью исполняли приказанія князя, который велѣлъ дать мнѣ полную свободу, не стѣснять ничѣмъ, но ни на минуту не терять меня изъ виду. Я замѣчала, что по временамъ кто-нибудь изъ домашнихъ и изъ прислуги заглядывалъ въ ту комнату, въ которой я находилась, и опять уходилъ, не сказавъ мнѣ ни слова. Меня очень удивляла и отчасти безпокоила такая внимательность. Я не могла понять, для чего это дѣлается. Мнѣ все казалось, что меня для чего-то берегутъ и что-нибудь хотятъ потомъ со мной сдѣлать. Помню, я все старалась зайти куда-нибудь подальше, чтобъ на случай нужды знать куда спрятаться.

Разъ я забрела на парадную лѣстницу. Она была вся изъ мрамора, широкая, усталая коврами, уставленная цвѣтами и прекрасными вазами. На каждой площадкѣ безмолвно сидѣло по два высокихъ человѣка, чрезвычайно пестро одѣтыхъ, въ перчаткахъ и въ самыхъ бѣлыхъ галстукахъ. Я посмотрѣла на нихъ въ недоумѣніи и никакъ не могла взять въ толкъ, зачѣмъ они тутъ сидятъ, молчатъ и только смотрятъ другъ на друга, а ничего не дѣлаютъ.

Эти уединенныя прогулки нравились мнѣ болѣе и болѣе. Къ тому же была другая причина, по которой я убѣгала сверху. Наверху жила старая тетка князя, почти безвыходно и безвыѣздно. Эта старушка рѣзко отразилась на моемъ воспоминаніи. Она была чуть ли не важнѣйшимъ лицомъ въ домѣ. Въ сношеніяхъ съ нею всѣ наблюдали какой-то торжественный этикетъ, и даже сама княгиня, которая смотрѣла такъ гордо и самовластно, ровно два раза въ недѣлю, по положеннымъ днямъ, должна была всходить наверхъ и дѣлать личный визитъ своей теткѣ. Она обыкновенно приходила утромъ; начинался сухой разговоръ, зачастую прерываемый торжественнымъ молчаніемъ, въ продолженіе котораго старушка или шептала молитвы, или перебирала четки. Визитъ кончался не прежде, какъ того хотѣла сама тетушка, которая вставала съ мѣста, цѣловала княгиню въ губы и тѣмъ давала знать, что свиданіе кончалось. Прежде княгиня должна была каждый день посѣщать свою родственницу; но въ послѣдствіи, по желанію старушки, послѣдовало облегченіе, и княгиня только обязана была въ остальные пять дней недѣли каждое утро присылать узнать о ея здоровьѣ. Вообще, житье пре-

старѣлой княжны было почти келейное. Она была дѣвушка, и когда ей минуло тридцать пять лѣтъ, заключилась въ монастырь, гдѣ и выжила лѣтъ семнадцать, но не постриглась, потомъ оставила монастырь и приѣхала въ Москву, чтобъ жить съ сестрою, вдовой графиней Л., здоровье которой становилось съ каждымъ годомъ хуже, и примириться со второй сестрой, тоже княжной Х—ю, съ которой слишкомъ двадцать лѣтъ была въ ссорѣ. Но старушки, говорятъ, ни одного дня не провели въ согласіи, тысячу разъ хотѣли разѣхаться и не могли этого сдѣлать, потому что, наконецъ, замѣтили, какъ каждая изъ нихъ необходима двумъ остальнымъ, для предохраненія отъ скуки и отъ припадковъ старости. Но, несмотря на непривлекательность ихъ житья-бытья и самую торжественную скуку, господствовавшую въ ихъ московскомъ теремѣ, весь городъ поставлялъ долгомъ не прерывать своихъ визитовъ тремъ затворницамъ. На нихъ смотрѣли какъ на хранительницъ всѣхъ аристократическихъ завѣтовъ и преданій, какъ на живую лѣтопись коренного боярства. Графиня оставила послѣ себя много прекрасныхъ воспоминаній и была превосходная женщина. Заѣзжіе изъ Петербурга дѣлали къ нимъ свои первые визиты. Кто принимался въ ихъ домѣ, того принимали вездѣ. Но графиня умерла, и сестры разѣхались; старшая, княжна Х—я, осталась въ Москвѣ, наслѣдовать свою часть послѣ графини, умершей бездѣтною, а младшая, монастырка, переселилась къ племяннику, князю Х—му, въ Петербургъ. Зато двое дѣтей князя: княжна Катя и Александръ, остались гостить въ Москвѣ у бабушки, для развлеченія и утѣшенія ея въ одиночествѣ. Княгиня, страстно лю-

бившая своихъ дѣтей, не смѣла слова пикнуть, разставаясь на все время положеннаго траура. Я забыла сказать, что трауръ еще продолжался во всемъ домѣ князя, когда я поселилась въ немъ; но срокъ истекалъ въ короткомъ времени.

Старушка-княжна одѣвалась вся въ черное, всегда въ платьѣ изъ простой шерстяной матеріи и носила накрахмаленные, собранные въ мелкія складки бѣлые воротнички, которые придавали ей видъ богадѣленки. Она не покидала четокъ, торжественно выѣзжала къ обѣднѣ, постилась по всѣмъ днямъ, принимала визиты разныхъ духовныхъ лицъ и степенныхъ людей, читала священныя книги и вообще вела жизнь самую монашескую. Тишина наверху была страшная; невозможно было скрипнуть дверью: старушка была чутка какъ пятнадцатилѣтняя дѣвушка и тотчасъ же посылала изслѣдовать причину стука или даже простого скрипа. Всѣ говорили шепотомъ, всѣ ходили на цыпочкахъ, и бѣдная французенка, тоже старушка, принуждена была, наконецъ, отказаться отъ любимой своей обуви, — башмаковъ съ каблуками. Каблуки были изгнаны. Двѣ недѣли спустя послѣ моего появленія, старушка-княжна прислала обо мнѣ спросить: кто я такая, что я, какъ попала въ домъ, и проч. Ее немедленно и почтительно удовлетворили. Тогда присланъ былъ второй нарочный, къ французенкѣ, съ запросомъ: отчего княжна до сихъ поръ не видала меня? Тотчасъ же поднялась суматоха: мнѣ начали чесать голову, умывать лицо, руки, которыя безъ того были чисты, учили меня подходить, кланяться, глядѣть веселѣе и привѣтливѣе, говорить, — однимъ словомъ, меня всю затормошили. Потомъ отправилась посланница уже съ нашей стороны, съ

предложеніемъ: не пожелаютъ ли видѣть сиротку? Послѣдовалъ отвѣтъ отрицательный, но назначенъ былъ срокъ на завтра послѣ обѣдни. Я не спала всю ночь, и рассказывали потомъ, что я всю ночь бредила, подходила къ княжнѣ и въ чемъ-то просила у нея прощенія. Наконецъ, послѣдовало мое представленіе. Я увидѣла маленькую, худощавую старушку, сидѣвшую въ огромныхъ креслахъ. Она закивала мнѣ головою и надѣла очки, чтобъ разглядѣть меня ближе. Помню, что я ей совсѣмъ не понравилась. Замѣчено было, что я совсѣмъ дикая, не умѣю ни присѣсть, ни поцѣловать руки. Начались разспросы, и я едва отвѣчала; но когда дошло дѣло до отца и матушки, я заплакала. Старушкѣ было очень непріятно, что я расчувствовалась; впрочемъ, она начала утѣшать меня и велѣла возложить мои надежды на Бога; потомъ спросила, когда я была въ послѣдній разъ въ церкви, и такъ какъ я едва поняла ея вопросъ, потому что моимъ воспитаніемъ очень negliжировали, то княжна пришла въ ужасъ. Послали за княгиней. Послѣдовалъ совѣтъ, и положено было отвезти меня въ церковь въ первое же воскресенье. До тѣхъ поръ княжна обѣщала молиться за меня, но приказала меня вывести, потому что я, по ея словамъ, оставила въ ней очень тягостное впечатлѣніе. Ничего мудренаго, такъ и должно было быть. Но ужъ видно было, что я совсѣмъ не понравилась; въ тотъ же день прислали сказать, что я слишкомъ рѣзвлюсь, и что меня слышно на весь домъ, тогда какъ я сидѣла весь день не шелохнувшись: ясно, что старушкѣ такъ показалось. Однако, и на завтра послѣдовало то же замѣчаніе. Случилось же, что я въ это время уронила чашку и разбила ее. Француженка и всѣ

дѣвушки пришли въ отчаяніе, и меня въ ту же минуту переселили въ самую отдаленную комнату, куда всѣ послѣдовали за мной въ припадкѣ глубокаго ужаса.

Но я ужъ не знаю, чѣмъ кончилось потомъ это дѣло. Вотъ почему я рада была уходить внизъ и бродить одна по большимъ комнатамъ, зная, что ужъ тамъ никого не обезпокою.

Помню, я разъ сидѣла въ одной залѣ внизу. Я закрыла руками лицо, наклонила голову и такъ просидѣла не помню сколько часовъ. Я все думала, думала; мой несозрѣвшій умъ не въ силахъ былъ разрѣшить всей тоски моей, и все тяжелѣе, тошнѣй становилось у меня въ душѣ. Вдругъ надо мной раздался чей-то тихій голосъ:

— Что съ тобой, моя бѣдная?

Я подняла голову; это былъ князь; его лицо выражало глубокое участіе и состраданіе, но я поглядѣла на него съ такимъ убитымъ, съ такимъ несчастнымъ видомъ, что слеза набѣжала въ большихъ голубыхъ глазахъ его.

— Бѣдная сиротка! — проговорилъ онъ, погладивъ меня по головѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не сиротка! Нѣтъ! — проговорила я, и стонъ вырвался изъ груди моей, и все поднялось и взволновалось во мнѣ. Я встала съ мѣста, схватила его руку и, цѣлуя ее, обливая слезами, повторяла умоляющимъ голосомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, не сиротка! Нѣтъ!

— Дитя мое, — что съ тобой, моя милая, бѣдная Нѣточка? Что съ тобой?

— Гдѣ моя мама? Гдѣ моя мама? — закричала я, громко рыдая, не въ силахъ болѣе скрывать тоску свою и въ безсиліи упавъ передъ нимъ на ко-

лѣни: — гдѣ моя мама? Голубчикъ мой, скажи, гдѣ моя мама?

— Прости меня, дитя мое!.. Ахъ, бѣдная моя, я напомнилъ ей... Чтò я надѣлалъ! Поди, пойдемъ со мной, Нѣточка, пойдѣмъ со мною.

Онъ схватилъ меня за руку и быстро повелъ за собою. Онъ былъ потрясенъ до глубины души. Наконецъ, мы пришли въ одну комнату, которой еще я не видала.

Это была образная. Были сумерки. Лампады ярко сверкали своими огнями на золотыхъ ризахъ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ образовъ. Изъ-подъ блестящихъ окладовъ тускло выглядывали лики святыхъ. Все здѣсь такъ не походило на другія комнаты, такъ было таинственно и угрюмо, что я была поражена, и какой-то испугъ овладѣлъ моимъ сердцемъ. Къ тому же я была такъ болѣзненно настроена! Князь торопливо поставилъ меня на колѣни передъ образомъ Божіей Матери и самъ сталъ возлѣ меня...

— Молись, дитя, помолись; будемъ оба молиться! — сказалъ онъ тихимъ, порывистымъ голосомъ.

Но молиться я не могла; я была поражена, даже испугана; я вспомнила слова отца, въ ту послѣднюю ночь, у тѣла моей матери, и со мной сдѣлался нервный припадокъ. Я слегла въ постель больная, и въ этотъ вторичный періодъ моей болѣзни едва не умерла; вотъ какъ былъ этотъ случай.

Въ одно утро чье-то знакомое имя раздавалось въ ушахъ моихъ. Я услышала имя С—ца. Кто-то изъ домашнихъ произнесъ его возлѣ моей постели. Я вздрогнула; воспоминанія нахлынули ко мнѣ, и, припоминая, мечтая и мучаясь, я пролежала ужъ не

помню сколько часовъ въ настоящемъ бреду. Проснулась я уже очень поздно; кругомъ меня было темно; ночникъ погасъ и дѣвушки, которая сидѣла въ моей комнатѣ, не было. Вдругъ я услышала звуки отдаленной музыки. Порой звуки затихали совершенно, порой раздавались слышнѣе и слышнѣе, какъ будто приближались. Не помню, какое чувство овладѣло мною, какое намѣреніе вдругъ родилось въ моей головѣ. Я встала съ постели и не знаю, гдѣ сыскала я силъ, наскоро одѣлась въ мой трауръ и пошла ощупью изъ комнаты. Ни въ другой, ни въ третьей комнатѣ я не встрѣтила ни души. Наконецъ, я пробралась въ коридоръ. Звуки становились все слышнѣе и слышнѣе. На серединѣ коридора была лѣстница внизъ; этимъ путемъ я всегда сходила въ большія комнаты. Лѣстница была ярко освѣщена; внизу ходили; я притаилась бѣ углу, чтобъ меня не видали, и, только что стало возможно, спустилась внизъ, во второй коридоръ. Музыка гремѣла изъ смежной залы; тамъ было шумно, говорливо, какъ будто собрались тысячи людей. Одна изъ дверей въ залу, прямо изъ коридора была завѣшена огромными двойными портьерами изъ пунцоваго бархата. Я подняла первую изъ нихъ и стала между обоими занавѣсами. Сердце мое билось такъ, что я едва могла стоять на ногахъ. Но черезъ нѣсколько минутъ, осиливъ свое волненіе, я смѣлилась, наконецъ, отвернуть немного съ края второй занавѣсъ... Боже мой! Эта огромная, мрачная зала, въ которую я такъ боялась входить, сверкала теперь тысячью огней. Какъ будто море свѣта хлынуло на меня, и глаза мои, привыкшіе къ темногѣ, были въ первое мгновеніе ослѣплены до боли. Ароматическій воздухъ, какъ горячій вѣ-

теръ, пахнулъ мнѣ въ лицо. Бездна людей ходили взадъ и впередъ; казалось, всѣ съ радостными, веселыми лицами. Женщины были въ такихъ богатыхъ, въ такихъ свѣтлыхъ платьяхъ; всюду я встрѣчала сверкающій отъ удовольствія взглядъ. Я стояла какъ зачарованная. Мнѣ казалось, что я все это видѣла когда-то, гдѣ-то во снѣ . . . Мнѣ припомнились сумерки, я припомнила нашъ чердакъ, высокое окошко, улицу глубоко внизу, съ сверкающими фонарями, окна противоположнаго дома съ красными гардинами, кареты, столпившіяся у подъѣзда, топотъ и храпъ гордыхъ коней, крики, шумъ, тѣни въ окнахъ и слабую, отдаленную музыку . . . Такъ вотъ, вотъ гдѣ былъ этотъ рай! пронеслось въ моей головѣ: вотъ куда я хотѣла идти съ бѣднымъ стцомъ . . . Стало быть, это была не мечта! . . . Да, я видѣла все такъ и прежде въ моихъ мечтахъ, въ сновидѣніяхъ! Разгоряченная болѣзнью, фантазія вспыхнула въ моей головѣ, и слезы какого-то несбъяснимаго восторга хлынули изъ глазъ моихъ. Я искала глазами отца: «онъ долженъ быть здѣсь, онъ здѣсь», думала я, и сердце мое билось отъ ожиданія . . . духъ во мнѣ занимался. Но музыка умолкла, раздался гулъ, и по всей залѣ пронесся какой-то шепотъ. Я жадно всматривалась въ мелькавшія передо мной лица, старалась узнать кого-то. Вдругъ какое-то необыкновенное волненіе обнаружилось въ залѣ. Я увидѣла на возвышеніи високаго, худощаваго старика. Его блѣдное лицо улыбалось, онъ угловато сгибался и кланялся на всѣ стороны; въ рукахъ его была скрипка. Наступило глубокое молчаніе, какъ будто всѣ эти люди затаили духъ. Всѣ лица были устремлены на старика, все ожидало. Онъ взялъ скрипку и дотронулся смычкомъ до

струнь. Началась музыка, и я чувствовала, какъ что-то вдругъ сдавило мнѣ сердце. Въ неистощимой тоскѣ, затаивъ дыханіе, я вслушивалась въ эти звуки; что-то знакомое раздавалось въ ушахъ моихъ, какъ будто я гдѣ-то слышала это; какое-то предчувствіе чего-то ужаснаго, страшнаго, что разрѣшалось и въ моемъ сердцѣ. Наконецъ, скрипка зазвенѣла сильнѣе; быстрѣе и пронзительнѣе раздавались звуки. Вотъ послышался какъ будто чей-то отчаянный вопль, жалобный плачь, какъ будто чья-то мольба вотще раздалась во всей этой толпѣ и заняла, замолкла въ отчаяніи. Все знакомѣе и знакомѣе сказывалось что-то моему сердцу. Но сердце отказывалось вѣрить. Я стиснула зубы, чтобъ не застонать отъ боли, я уцѣпилась за занавѣсы, чтобъ не упасть... Порой я закрывала глаза и вдругъ открывала ихъ, ожидая, что это сонъ, что я проснусь въ какую-то страшную, мнѣ знакомую минуту, и мнѣ снилась та послѣдняя ночь, я слышала тѣ же звуки. Открывъ глаза, я хотѣла увѣриться, жадно смотрѣла въ толпу, — нѣтъ, это были другіе люди, другія лица... Мнѣ показалось, что всѣ, какъ и я, ожидали чего-то, всѣ, какъ и я, мучились глубокой тоской; казалось, что они всѣ хотѣли крикнуть этимъ страшнымъ стомамъ и воплямъ, чтобъ они замолчали, не терзали ихъ душъ, но вопли и стоны лились все тоскливѣе, жалобнѣе, продолжительнѣе. Вдругъ раздался послѣдній, страшный, долгій крикъ, и все во мнѣ потряслось... Сомнѣнья нѣтъ! Это тотъ самый, тотъ крикъ! Я узнала его, я уже слышала его, онъ такъ же, какъ и тогда, въ ту ночь, пронзилъ мнѣ душу. «Отецъ! Отецъ!» пронеслось какъ молнія въ головѣ моей: «онъ здѣсь, это онъ, онъ зоветъ меня, это

его скрипка!» Какъ будто стонъ вырвался изъ всей этой толпы, и страшныя рукоплесканія потрясли залу. Отчаянный, пронзительный плачь вырвался изъ груди моей. Я не вытерпѣла болѣе, откинула занавѣсъ и бросилась въ залу.

— Папа, папа! Это ты! Гдѣ ты? — закричала я, почти не помня себя.

Не знаю, какъ добѣжала я до высокаго старика: мнѣ давали дорогу, разступались передо мной. Я бросилась къ нему съ мучительнымъ крикомъ; я думала, что обнимаю отца... Вдругъ увидѣла, что меня схватываютъ чьи-то длинныя, костлявыя руки и поднимаютъ на воздухъ. Чьи-то черныя глаза устремились на меня и, казалось, хотѣли сжечь меня своимъ огнемъ. Я смотрѣла на старика: «нѣтъ! Это былъ не отецъ; это его убійца!» мелькнуло въ умѣ моемъ. Какое-то изступленіе овладѣло мной, и вдругъ мнѣ показалось, что надо мной раздался хохотъ, что этотъ хохотъ отдался въ залѣ дружнымъ, всеобщимъ крикомъ; я лишилась чувствъ.

V.

Это былъ второй и послѣдній періодъ моей болѣзни.

Вновь открывъ глаза, я увидѣла склонившееся надо мною лицо ребенка, дѣвочки однихъ лѣтъ со мною, и первымъ движеніемъ моимъ было протянуть къ ней руки. Съ перваго взгляда на нее, — какимъ-то счастьемъ, будто сладкимъ предчувствіемъ наполнилась вся душа моя. Представьте себѣ идеально прелестное личико, поражающую, сверкающую красоту, одну изъ такихъ, передъ которыми вдругъ останавливаешься какъ пронзенный въ

сладостномъ смущеніи, вздрогнувъ отъ восторга, и который благодаренъ за то, что она есть, за то, что на нее упалъ вашъ взглядъ, за то, что она прошла возлѣ васъ. Это была дочь князя, Катя, которая только что воротилась изъ Москвы. Она улыбнулась моему движенію, и слабые нервы мои заняли отъ сладостнаго восторга.

Княжна позвала отца, который былъ въ двухъ шагахъ и говорилъ съ докторомъ.

— Ну, слава Богу! Слава Богу! — сказалъ князь, взявъ меня за руку, и лицо его засіяло неподдѣльнымъ чувствомъ. — Радъ, радъ, очень радъ, — продолжалъ онъ скороговоркой, по всегдашней привычкѣ. — А вотъ, Катя, моя дѣвочка: познакомьтесь, — вотъ тебѣ и подруга. Выздоровливай скорѣе, Нѣточка. Злая этакая, какъ она меня напугала! . .

Выздоровленіе мое пошло очень скоро. Черезъ нѣсколько дней я уже ходила. Каждое утро Катя подходила къ моей постели, всегда съ улыбкой, со смѣхомъ, которыя не сходили съ ея губъ. Ея появленія ждала я какъ счастья; мнѣ такъ хотѣлось поцѣловать ее! Но шаловливая дѣвочка приходила едва на нѣсколько минутъ; посидѣть смирно она не могла. Вѣчно двигаться, бѣгать, скакать, шумѣть и гремѣть на весь домъ — было въ ней непремѣнной потребностью. И потому она же съ перваго раза объявила мнѣ, что ей ужасно скучно сидѣть у меня, и что потому она будетъ приходить очень рѣдко, да и то затѣмъ, что ей жалко меня, — такъ ужъ нечего дѣлать, нельзя не придти; а что вотъ, когда я выздоровлю, такъ у насъ пойдетъ лучше. И каждое утро первымъ словомъ ея было:

— Ну, выздоровѣла?

И такъ какъ я все еще была худа и блѣдна, и улыбка какъ-то боязливо проглядывала на моемъ грустномъ лицѣ, то княжна тотчасъ же хмурила брови, качала головой и въ досадѣ топала ножкой.

— А вѣдь я жъ тебѣ сказала вчера, чтобъ ты была лучше! Что? Тебѣ вѣрно ѣсть не даютъ?

— Да, мало, — отвѣтила я робко, потому что уже робѣла передъ ней. Мнѣ изъ всѣхъ силъ хотѣлось ей какъ можно понравиться, а потому я боялась за каждое свое слово, за каждое движеніе. Появленіе ея всегда болѣе и болѣе приводило меня въ восторгъ. Я не спускала съ нея глазъ, и когда она уйдетъ, бывало, я все еще смотрю, какъ зачарованная, въ ту сторону, гдѣ она стояла. Она мнѣ стала сниться во снѣ. А наяву, когда ея не было, я сочиняла цѣлые разговоры съ ней, была ея другомъ, шалила, проказила, плакала вмѣстѣ съ ней, когда насъ журили за что-нибудь, однимъ словомъ, мечтала о ней какъ влюбленная. Мнѣ ужасно хотѣлось выздоровѣть и поскорѣй пополнѣть, какъ она мнѣ совѣтовала.

Когда, бывало, Катя вбѣжитъ ко мнѣ утромъ и съ перваго слова крикнетъ: «Не выздоровѣла? Опять такая же худая!» то я трусила, какъ виноватая. Но ничего не могло быть серьезнѣе удивленія Кати, что я не могу поправиться въ одни сутки, такъ что она, наконецъ, начинала и въ самомъ дѣлѣ сердиться.

— Ну, такъ хочешь, я тебѣ сегодня пирогъ принесу? — сказала она мнѣ однажды. — Кушай, отъ этого скорѣе растолстѣешь.

— Принеси, — отвѣчала я въ восторгѣ, что увижу ее еще разъ.

Освѣдомившись о моемъ здоровьѣ, княжна сади-

лась обыкновенно противъ меня на стулъ и начинала разсматривать меня своими черными глазами. И сначала, какъ знакоилась со мной, она поминутно такъ осматривала меня съ головы до ногъ съ самымъ наивнымъ удивленіемъ. Но нашъ разговоръ не клеился. Я робѣла передъ Катей и передъ ея крутыми выходками, тогда какъ умирала отъ желанія говорить съ ней.

— Что жъ ты молчишь?— начала Катя послѣ нѣкотораго молчанія.

— Что дѣлаетъ папа? — спросила я, обрадовавшись, что есть фраза, съ которой можно начинать разговоръ каждый разъ.

— Ничего. Папѣ хорошо. Я сегодня выпила двѣ чашки чаю, а не одну. А ты сколько?

— Одну.

Опять молчаніе.

— Сегодня Фальстафъ меня хотѣлъ укусить.

— Это собака?

— Да, собака. Ты развѣ не видала?

— Нѣтъ, видѣла.

И такъ какъ я не знала, что отвѣчать, то княжна опять посмотрѣла на меня съ удивленіемъ.

— Что? Тебѣ весело, когда я съ тобою говорю?

— Да, очень весело; приходи чаще.

— Миѣ такъ и сказали, что тебѣ будетъ весело, когда я буду къ тебѣ приходить, да ты вставай скорѣе; ужъ я тебѣ сегодня принесу пирогъ... Да что ты все молчишь?

— Такъ.

— Ты все думаешь, вѣрно?

— Да, много думаю.

— А миѣ говорятъ, что я много говорю и мало думаю. Развѣ говорить худо?

— Нѣтъ. Я рада, когда ты говоришь.

— Гм! спрошу у мадамъ Леотарь, она все знаетъ. А о чемъ ты думаешь?

— Я о тебѣ думаю, — отвѣчала я, помолчавъ.

— Это тебѣ весело?

— Да.

— Стало быть, ты меня любишь?

— Да.

— А я тебя еще не люблю. Ты такая худая! Вотъ я тебѣ пирогъ принесу! Ну, прощай!

И княжна, поцѣловавъ меня почти на-лету, исчезла изъ комнаты.

Но послѣ обѣда дѣйствительно явился пирогъ. Она вбѣжала, какъ изступленная, хохоча отъ радости, что принесла-таки мнѣ кушанье, которое мнѣ запрещали.

— Ъшь больше, ѣшь хорошенько, это мой пирогъ, я сама не ѣла. Ну, прощай! — И только я ее и видѣла.

Другой разъ она вдругъ влетѣла ко мнѣ, тоже не въ урочный часъ, послѣ обѣда; черные локоны ея были словно вихремъ разметаны, щечки горѣли какъ пурпуръ, глаза сверкали; значить, что она уже бѣгала и прыгала часъ или два.

— Ты умѣешь въ воланы играть? — закричала она, запыхавшись, скороговоркой, торопясь куда-то.

— Нѣтъ, — отвѣчала я, ужасно жалѣя, что не могу сказать: да!

— Экая! Ну, выздоровѣешь, выучу. Я только за тѣмъ. Я теперь играю съ мадамъ Леотарь. Прощай; меня ждутъ.

Наконецъ, я совсѣмъ встала съ постели, хотя все еще была слаба и безсильна. Первая идея моя

была ужъ не разлучаться болѣе съ Катей. Что-то неужерасимо влекло меня къ ней. Я едва могла на нее насмотрѣться, и это удивило Катю. Влеченіе къ ней было такъ сильно, я шла впередъ въ новомъ чувствѣ моемъ такъ горячо, что она не могла этого не замѣтить, и сначала ей показалось это неслыханной странностью. Помню, что разъ, во время какой-то игры, я не выдержала, бросилась ей на шею и начала ее цѣловать. Она высвободилась изъ моихъ объятій, схватила меня за руки и, нахмуривъ брови, какъ будто я чѣмъ ее обидѣла, спросила меня:

— Что ты? Зачѣмъ ты меня цѣлуешь?

Я смутилась какъ виноватая, вздрогнула отъ ея быстрого вопроса и не отвѣчала ни слова; княжна вскинула плечиками, въ знакъ неразрѣшеннаго недоумѣнія (жестъ, обратившійся у ней въ привычку), пресерьезно сжала свои пухленькія губки, бросила игру и усѣлась въ уголь на диванѣ, откуда разсматривала меня очень долго, и о чемъ-то про себя раздумывала, какъ будто разрѣшая новый вопросъ, внезапно возникшій въ умѣ ея. Это тоже была ея привычка во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ. Въ свою очередь, я очень долго не могла привыкнуть къ этимъ рѣзкимъ и крутымъ проявленіямъ ея характера.

Сначала я обвиняла себя и подумала, что во мнѣ дѣйствительно очень много страннаго. Но хотя это было и вѣрно, а все-таки я мучилась недоумѣніемъ: отчего я не могу съ перваго раза подружиться съ Катей и понравиться ей разъ навсегда. Неудачи мои оскорбляли меня до боли, и я готова была плакать отъ каждаго скорого слова Кати, отъ каждаго недовѣрчиваго взгляда ея. Но горе мое усилива-

лось не по днямъ, а по часамъ, потому что съ Катей всякое дѣло шло очень быстро. Черезъ нѣсколько дней я замѣтила, что она совсѣмъ не влюбилась ко мнѣ и даже начинала чувствовать ко мнѣ отвращеніе. Все въ этой дѣвочкѣ дѣлалось скоро, рѣзко, — иной бы сказалъ — грубо, если бы въ этихъ быстрыхъ, какъ молнія, движеніяхъ характера прямого, наивно-откровеннаго, не было истинной, благородной граціи. Началось тѣмъ, что она почувствовала ко мнѣ сначала сомнѣніе, а потомъ даже презрѣніе, кажется, сначала за то, что я рѣшительно не умѣла играть ни въ какую игру. Княжна любила рѣзвиться, бѣгать, была сильна, жива, ловка; я — совершенно напротивъ. Я была слаба еще отъ болѣзни, тиха, задумчива: игра не веселила меня; однимъ словомъ, во мнѣ рѣшительно недоставало способностей понравиться Катѣ. Кромѣ того, я не могла вынести, когда мною чѣмъ-нибудь недовольны: точасъ же становилась грустна, упадала духомъ, такъ что ужъ и силъ недоставало загладить свою ошибку и передѣлать въ свою пользу невыгодное обо мнѣ впечатлѣніе, — однимъ словомъ, погибала вполнѣ. Этого Катя никакъ не могла понять. Сначала она даже пугалась меня, разсматривала меня съ удивленіемъ, по своему обыкновенію, послѣ того какъ, бывало, цѣлый часъ бьется со мной, показывая, какъ играютъ въ воланы, и не добьется толку. А такъ какъ я тотчасъ же становилась грустна, такъ что слезы готовы были хлынуть изъ глазъ моихъ, то она, подумавъ надо мной раза три и не добившись толку ни отъ меня, ни отъ размышленій своихъ, бросала меня, наконецъ, совершенно и начинала играть одна, ужъ болѣе не приглашая меня, даже не говоря со мной въ цѣлые

дни ни слова. Это меня такъ поражало, что я едва выносила ея пренебреженіе. Новое одиночество стало для меня чуть ли не тяжелѣе прежняго, и я опять начала грустить, задумываться, и опять черныя мысли облегли мое сердце.

Мадамъ Леотаръ, надзиравшая за нами, замѣтила, наконецъ, эту переменъ въ нашихъ сношеніяхъ. И такъ какъ прежде всего я бросилась ей на глаза, и мое вынужденное одиночество поразило ее, то она и обратилась прямо къ княжнѣ, журуя ее за то, что она не умѣетъ обходиться со мною. Княжна нахмурила бровки, вскинула плечиками и объявила, что ей со мной нечего дѣлать, что я не умѣю играть, что я о чемъ-то все думаю, и что лучше она подождетъ брата Сашу, который прійдетъ изъ Москвы, и тогда имъ обоимъ будетъ гораздо веселѣе.

Но мадамъ Леотаръ не удовольствовалась такимъ отвѣтомъ и замѣтила ей, что она меня оставляетъ одну, тогда какъ я еще больна, что я не могу быть такой же веселой и рѣзвой, какъ Катя, что это, впрочемъ, и лучше, потому что Катя слишкомъ рѣзва, что она то-то сдѣлала, это-то сдѣлала, что третьяго дня ее чуть было бульдогъ не заѣлъ,—однимъ словомъ, мадамъ Леотаръ побранила ее не жалѣя; кончила же тѣмъ, что послала ее ко мнѣ, съ приказаніемъ помириться немедленно.

Катя слушала мадамъ Леотаръ съ большимъ вниманіемъ, какъ будто дѣйствительно поняла что-то новое и справедливое въ резонахъ ея. Бросивъ обручъ, который она гоняла по залѣ, она подошла ко мнѣ и, серьезно посмотрѣвъ на меня, спросила съ удивленіемъ:

— Вы развѣ хотите играть?

— Нѣтъ, — отвѣчала я, испугавшись за себя и за Катю, когда ее бранила мадамъ Леотаръ.

— Чего жъ вы хотите?

— Я посижу; мнѣ тяжело бѣгать; а только вы не сердитесь на меня, Катя, потому что я васъ очень люблю.

— Ну, такъ я буду играть одна, — тихо и съ разстановкой отвѣчала Катя, какъ бы съ удивленіемъ замѣчая, что, выходятъ, она не виновата. — Ну, прощайте, я на васъ не буду сердиться.

— Прощайте, — отвѣчала я, привставъ и подавая ей руку.

— Можетъ быть, вы хотите поцѣловаться? — спросила она, немного подумавъ, вѣроятно, припомнивъ нашу недавнюю сцену и желая сдѣлать мнѣ какъ можно болѣе пріятнаго, чтобъ поскорѣе и согласно кончить со мною.

— Какъ вы хотите, — отвѣчала я съ робкою надеждой.

Она подошла ко мнѣ и пресерьезно, не улыбувшись, поцѣловала меня. Такимъ образомъ кончивъ все, что отъ нея требовали, даже сдѣлавъ больше, чѣмъ было нужно, чтобъ доставить полное удовольствіе бѣдной дѣвчкѣ, къ которой ее посылали, она побѣжала отъ меня довольная и веселая, и скоро по всѣмъ комнатамъ снова раздавался ея смѣхъ и крикъ, до тѣхъ поръ, пока утомленная, едва переводя духъ, бросилась она на диванъ отдыхать и собираться съ свѣжими силами. Во весь вечеръ посматривала она на меня подозрительно: вѣроятно, я казалась ей очень чудной и странной. Видно было, что ей хотѣлось о чемъ-то заговорить со мной, разъяснить себѣ какое-то недоумѣніе, возникшее насчетъ меня; но въ этотъ разъ, я не знаю почему,

она удержалась. Обыкновенно по утрамъ начинались уроки Кати. Мадамъ Леотаръ учила ее французскому языку. Все ученье состояло въ повтореніи грамматики и въ чтеніи Лафонтена. Ее не учили слишкомъ многому, потому что едва добились отъ нея согласія просидѣть въ день за книгой два часа времени. На этотъ уговоръ она, наконецъ, согласилась по просьбѣ отца, по приказанію матери, и исполняла его очень совѣстливо, потому что сама дала слово. У ней были рѣдкія способности; она понимала быстро и скоро. Но и тутъ въ ней были маленькія странности: если она не понимала чего, то тотчасъ же начинала думать объ этомъ сама и терпѣть не могла идти за объясненіями, — она какъ-то стыдилась этого. Рассказывали, что она по цѣлымъ днямъ иногда билась надъ какимъ-нибудь вопросомъ, который не могла рѣшить, сердилась, что не могла одолѣть его сама, безъ чужой помощи, и только въ послѣднихъ случаяхъ, уже совсѣмъ выбившись изъ силъ, приходила къ мадамъ Леотаръ съ просьбою помочь ей разрѣшить вопросъ, который ей не давался. То же было въ каждомъ ея поступкѣ. Она ужъ много думала, хотя это вовсе не казалось такъ съ перваго взгляда. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она была не по лѣтамъ наивна: иной разъ ей случалось спросить какую-нибудь совершенную глупость; другой разъ въ ея отвѣтахъ являлись самая дальновидная тонкость и хитрость.

Такъ какъ я тоже могла, наконецъ, чѣмъ-нибудь заниматься, то мадамъ Леотаръ, проэкзаменовавъ меня въ моихъ познаніяхъ и найдя, что я читаю очень хорошо, пишу очень худо, признала за немедленную и крайнюю необходимость учить меня по-французски.

Я не возражала, и мы въ одно утро засѣли, вмѣстѣ съ Катей, за учебный столъ. Случись же, что въ этотъ разъ Катя, какъ нарочно, была чрезвычайно тупа и до крайности разсѣяна, такъ что мадамъ Леотаръ не узнавала ея. Я же почти въ одинъ сеансъ знала уже всю французскую азбуку, какъ можно желая угодить мадамъ Леотаръ своимъ прилежаніемъ. Къ концу урока мадамъ Леотаръ совсѣмъ разсердилась на Катю.

— Смотрите на нее, — сказала она, указывая на меня, — больной ребенокъ, учится въ первый разъ и вдесятеро больше васъ сдѣлала. Вамъ это не стыдно?

— Она знаетъ больше меня? — спросила съ изумленіи Катя, — да она еще азбуку учитъ!

— Вы во сколько времени азбуку выучили?

— Въ три урока.

— А она въ одинъ. Стало быть, она втрое скорѣе васъ понимаетъ и мигомъ васъ перегонитъ. Такъ ли?

Катя подумала немного и вдругъ покраснѣла какъ полмя, увѣрясь, что замѣчаніе мадамъ Леотаръ справедливо. Покраснѣть, сгорѣть отъ стыда — было ея первымъ движеніемъ почти при каждой неудачѣ, въ досадѣ ли, отъ гордости ли, когда ее уличали за шалости, однимъ словомъ, почти во всѣхъ случаяхъ. Въ этотъ разъ почти слезы выступили на глазахъ ея, но она смолчала и только такъ посмотрѣла на меня, какъ будто желая сжечь меня взглядомъ. Я тотчасъ догадалась, въ чемъ дѣло. Бѣдняжка была горда и самолюбива до крайности. Когда мы пошли къ мадамъ Леотаръ, я было заговорила, чтобъ разсѣять поскорѣй ея досаду и показать, что я вовсе не виновата въ словахъ

француженки, но Катя промолчала, какъ будто не слышала меня.

Черезъ часъ она вошла въ ту комнату, гдѣ я сидѣла за книгой, все раздумывая о Катѣ, пораженная и испуганная тѣмъ, что она опять не хочетъ со мной говорить. Она посмотрѣла на меня исподлобья, усѣлась, по обыкновенію, на диванѣ и полчаса не спускала съ меня глазъ. Наконецъ, я не выдержала и взглянула на нее вопросительно.

— Вы умѣете танцовать? — спросила Катя.

— Нѣтъ, не умѣю.

— А я умѣю.

Молчаніе.

— А на фортепіано играете?

— Тоже нѣтъ.

— А я играю. Этому очень трудно выучиться. Я смолчала.

— Мадамъ Леотаръ говоритъ, что вы умнѣе меня.

— Мадамъ Леотаръ на васъ разсердилась, — отвѣчала я.

— А развѣ папа будетъ тоже сердиться?

— Не знаю, — отвѣчала я.

Опять молчаніе; княжна въ нетерпѣніи была по полу своей маленькой ножкой.

— Такъ вы надо мной будете смѣяться, оттого что лучше меня понимаете? — спросила она, наконецъ, не выдержавъ болѣе своей досады.

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ! — закричала я и вскочила съ мѣста, чтобъ броситься къ ней и обнять ее.

— И вамъ не стыдно такъ думать и спрашивать объ этомъ, княжна? — раздался вдругъ голосъ мадамъ Леотаръ, которая уже пять минутъ наблюдала за нами и слышала нашъ разговоръ. — Стыдитесь!

Вы стали завидовать бѣдному ребенку и хвалиться передъ ней, что умѣете танцовать и играть на фортепiano. Стыдно; я все расскажу князю.

Щеки княжны загорѣлись какъ зарево.

— Это дурное чувство. Вы ее обидѣли своими вопросами. Родители ея были бѣдные люди и не могли ей нанять учителей; она сама училась, потому что у ней хорошее, доброе сердце. Вы бы должны были любить ее, а вы хотите съ ней ссориться. Стыдитесь, стыдитесь! Вѣдь она — сиротка. У ней нѣтъ никого. Еще бы вы похвалились передъ ней, что вы княжна, а она нѣтъ. Я васъ оставляю одну. Подумайте о томъ, что я вамъ говорила, исправьтесь.

Княжна думала ровно два дня. Два дня не было слышно ея смѣха и крика. Проснувшись ночью, я подслушала, что она даже во снѣ продолжаетъ разсуждать съ мадамъ Леотаръ. Она даже поху-дѣла немного въ эти два дня, и румянецъ не такъ живо игралъ на ея свѣтленькомъ личикѣ. Наконецъ, на третій день мы обѣ сошлись внизу, въ большихъ комнатахъ. Княжна шла отъ матери, но, увидѣвъ меня, остановилась и сѣла недалеко, напротивъ. Я со страхомъ ожидала, что будетъ, дрожала всѣми членами.

— Неточка, за что меня бранили за васъ, — спросила она, наконецъ.

— Это не за меня, Катенька, — отвѣчала я, спѣша оправдаться.

— А мадамъ Леотаръ говоритъ, что я васъ обидѣла.

— Нѣтъ, Катенька, нѣтъ, вы меня не обидѣли.

Княжна вскинула плечиками въ знакъ недоумѣнія.

— Отчего жъ вы все плачете? — спросила она, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Я не буду плакать, если вы хотите, — отвѣчала я сквозь слезы.

Она опять пожала плечами.

— Вы и прежде все плакали.

Я не отвѣчала.

— Зачѣмъ вы у насъ живете? — спросила вдругъ княжна, помолчавъ.

Я посмотрѣла на нее въ изумленіи, и какъ будто что-то кольнуло мнѣ въ сердце.

— Оттого, что я сиротка, — отвѣтила я, наконецъ, собравшись съ духомъ.

— У васъ были папа и мама?

— Были.

— Что они, васъ не любили?

— Нѣтъ... любили, — отвѣчала я черезъ силу.

— Они были бѣдные?

— Да.

— Очень бѣдные?

— Да.

— Они васъ ничему не учили?

— Читать учили.

— У васъ были игрушки?

— Нѣтъ.

— Пирожное было?

— Нѣтъ.

— У васъ было сколько комнатъ?

— Одна.

— Одна комната?

— Одна.

— А слуги были?

— Нѣтъ, не было слугъ.

— А кто жъ вамъ служилъ?

— Я сама покупать ходила.

Вопросы княжны все больше и больше растрavляли мнѣ сердце. Воспоминанія, и мое одиночество, и удивленіе княжны, — все это поражало, обижало мое сердце, которое обливалось кровью. Я вся дрожала отъ волненія и задыхалась отъ слезъ.

— Вы, стало быть, рады, что у насъ живете?

Я молчала.

— У васъ было платье хорошее?

— Нѣтъ.

— Дурное?

— Да.

— Я видѣла ваше платье, мнѣ его показывали.

— Зачѣмъ же вы меня спрашиваете? — сказала я, вся задрожавъ отъ какого-то новаго, невѣдомаго для меня ощущенія и подымаясь съ мѣста. — Зачѣмъ же вы меня спрашиваете? — продолжала я, покраснѣвъ отъ негодованія. — Зачѣмъ вы надо мной смѣетесь?

Княжна вспыхнула и тоже встала съ мѣста, но мигомъ преодолѣла свое волненіе.

— Нѣтъ... я не смѣюсь, — отвѣчала она. — Я только хотѣла знать, правда ли, что папа и мама у васъ были бѣдны?

— Зачѣмъ вы спрашиваете меня про папу и маму? — сказала я, заплакавъ отъ душевной боли. — Зачѣмъ вы такъ про нихъ спрашиваете? Что они вамъ сдѣлали, Катя?

Катя стояла въ смущеніи и не знала, что отвѣчать. Въ эту минуту вошелъ князь.

— Что съ тобой, Неточка? — спросилъ онъ, взглянувъ на меня и увидѣвъ мои слезы: — что съ тобой? — продолжалъ онъ, взглянувъ на Катю,

которая была красна какъ огонь: — о чемъ вы говорили? За что вы поссорились? Неточка, за что вы поссорились?

— Но я не могла отвѣчать. Я схватила руку князя и со слезами цѣловала ее.

— Катя, не лги. Что здѣсь было?

Катя лгать не умѣла.

— Я сказала, что видѣла какое у нея было дурное платье, когда еще она жила съ папой и мамой.

— Кто тебѣ показываль? Кто смѣль показать?

— Я сама видѣла, — отвѣчала Катя рѣшительно.

— Ну, хорошо! Ты не скажешь на другихъ, я тебя знаю. Что жъ дальше?

— А она заплакала и сказала: зачѣмъ я смѣюсь надъ папой и надъ мамой.

— Стало быть, ты смѣялась надъ ними?

Хоть Катя и не смѣялась, но, знать, въ ней было такое намѣреніе, когда я съ перваго раза такъ поняла. Она не отвѣчала ни слова: значить, тоже соглашалась въ проступкѣ.

— Сейчасъ же подойди къ ней и проси у нея прощенія, — сказалъ князь, указавъ на меня.

Княжна стояла блѣдная, какъ платокъ, и не двигаясь съ мѣста.

— Ну, — сказалъ князь.

— Я не хочу, — проговорила, наконецъ, Катя вполголоса и съ самымъ рѣшительнымъ видомъ.

— Катя!

— Нѣтъ, не хочу, не хочу! — закричала она вдругъ, засверкавъ глазками и затопавъ ногами. — Не хочу, папа, прощенія просить. Я не люблю ее. Я

не буду съ нею вмѣстѣ жить . . . Я не виновата, что она цѣлый день плачетъ. Не хочу, не хочу!

— Пойдемъ со мной, — сказалъ князь, схватилъ ее за руку и повелъ къ себѣ въ кабинетъ. — Неточка, ступай наверхъ.

Я хотѣла броситься къ князю, хотѣла просить за Катю, но князь строго повторилъ свое приказаніе, и я пошла наверхъ, похолодѣвъ отъ испуга, какъ мертвая. Придя въ нашу комнату, я упала на диванъ и закрыла руками голову. Я считала минуты, ждала Катю съ нетерпѣніемъ, хотѣла броситься къ ногамъ ея. Наконецъ, она воротилась, не сказавъ мнѣ ни слова, прошла мимо меня и сѣла въ уголь. Глаза ея были красны, щеки опухли отъ слезъ. Вся рѣшимость моя исчезла. Я смотрѣла на нее въ страхъ и отъ страха не могла двинуться съ мѣста.

Я всѣми силами обвиняла себя, всѣми силами стралась доказать себѣ, что я во всемъ виновата. Тысячу разъ я хотѣла подойти къ Катѣ и тысячу разъ останавливалась, не зная, какъ она меня приметъ. Такъ прошелъ день, другой. Къ вечеру другого дня Катя сдѣлалась веселѣй и погнала было свой обручъ по комнатѣ, но скоро бросила свою забаву и сѣла одна въ уголь. Передъ тѣмъ какъ ложиться спать, она вдругъ оборотилась было ко мнѣ, даже сдѣлала ко мнѣ два шага, и губки ея раскрылись сказать мнѣ что-то, но она остановилась, воротилась и легла въ постель. За тѣмъ днемъ прошелъ еще день, и удивленная мадамъ Леотаръ начала, наконецъ, допрашивать Катю: что съ ней сдѣлалось? Не больна ли она, что вдругъ затихла? Катя отвѣчала что-то, взялась было за волянь, но, только что отворотилась мадамъ Лео-

тарь, покраснѣла и заплакала. Она выбѣжала изъ комнаты, чтобъ я не видала ея. И, наконецъ, все разрѣшилось: ровно черезъ три дня послѣ нашей ссоры, она вдругъ послѣ обѣда вошла въ мою комнату и робко приблизилась ко мнѣ.

— Папа приказаль, чтобъ я у васъ прощенья просила, — проговорила она: — вы меня простите?

Я быстро схватила Катю за обѣ руки и, задыхаясь отъ волненія, сказала:

— Да! Да!

— Папа приказаль поцѣловаться съ вами, — вы меня поцѣлуете?

Въ отвѣтъ я начала цѣловать ея руки, обливая ихъ слезами. Взглянувъ на Катю, я увидала въ ней какое-то необыкновенное движеніе. Губки ея слегка потрогивались, подбородокъ вздрагиваль, глазки повлажнѣли, но она мигомъ преодолѣла свое волненіе, и улыбка на мигъ проглянула на губахъ ея.

— Пойду, скажу папѣ, что я васъ поцѣловала и просила прощенія, — сказала она потихоньку, какъ бы размышляя сама съ собою. — Я уже его три дня не видала; онъ не велѣлъ и входить къ себѣ безъ того, — прибавила она, помолчавъ.

И, проговоривъ это, она робко и задумчиво сошла внизъ, какъ будто еще не увѣрилась: каковъ будетъ пріемъ отца.

Но черезъ часъ наверху раздался крикъ, шумъ, смѣхъ, лай Фальстафа, что-то опрокинулось и разбилось, нѣсколько книгъ полетѣло на полъ, обручъ загудѣлъ и запрыгаль по всѣмъ комнатамъ, — однимъ словомъ, я узнала, что Катя помирилась съ отцомъ, и сердце мое задрожало отъ радости.

Но ко мнѣ она не подходила и видимо избѣгала

разговоровъ со мною. Взамѣнъ того, я имѣла честь въ высшей степени возбудить ея любопытство. Садилась она напротивъ меня, чтобъ удобнѣе меня разсмотрѣть, все чаще и чаще. Наблюдения ея надо мной дѣлались наивнѣе, однимъ словомъ, избалованная, самовластная дѣвочка, которую всѣ баловали и лелѣяли въ домѣ, какъ сокровище, не могла понять, какимъ образомъ я уже нѣсколько разъ встрѣчалась на ея пути, когда она вовсе не хотѣла встрѣчать меня. Но это было прекрасное, доброе маленькое сердце, которое всегда умѣло сыскать себѣ добрую дорогу уже однимъ инстинктомъ. Всего болѣе вліянія имѣлъ на нее отецъ, котораго она обожала. Мать безумно любила ее, но была съ нею ужасно строга, и у ней переняла Катя упрямство, гордость и твердость характера, но переносила на себѣ всѣ прихоти матери, доходившія даже до нравственной тираніи. Княгиня какъ-то странно понимала, что такое воспитаніе, и воспитаніе Кати было страннымъ контрастомъ безпутнаго баловства и неумолимой строгости. Что вчера позволялось, то, вдругъ, безъ всякой причины, запрещалось сегодня, и чувство справедливости оскорблялось въ ребенкѣ... Но впереди еще эта исторія. Замѣчу только, что ребенокъ уже умѣлъ опредѣлить свои отношенія къ матери и отцу. Съ послѣднимъ она была, какъ есть, вся наружу, безъ утайки, открыта. Съ матерью, совершенно напротивъ, — замкнута, недовѣрчива и непрекословно послушна. Но послушаніе ея было не по искренности и убѣжденію, а по необходимой системѣ. Я объяснюсь впослѣдствіи. Впрочемъ, къ особенной чести моей Кати скажу, что она поняла, наконецъ, свою мать и когда подчинилась ей, то уже вполне

осмысливъ всю безграничность любви ея, доходившей иногда до болѣзненнаго изступленія, — и княжна великодушно ввела въ свой расчетъ послѣднее обстоятельство. Увы! этотъ расчетъ мало помогъ потомъ ея горячей головкѣ!

Но я почти не понимала, что со мной дѣлается. Все во мнѣ волновалось отъ какого-то новаго, необъяснимаго ощущенія, и я не преувеличу, если скажу, что страдала, терзалась отъ этого новаго чувства. Короче — и пусть простятъ мнѣ мое слово — я была влюблена въ мою Катю. Да, это была любовь, настоящая любовь, любовь со слезами и радостями, любовь страстная. Что влекло меня къ ней? Отчего родилась такая любовь? Она началась съ перваго взгляда на нее, когда всѣ чувства мои были сладко поражены видомъ прелестнаго, какъ ангель, ребенка. Все въ ней было прекрасно; ни одинъ изъ пороковъ ея не родился вмѣстѣ съ нею, — всѣ были приняты, и всѣ находились въ состояніи борьбы. Всюду видно было прекрасное начало, принявшее на время ложную форму; но все въ ней, начиная съ этой борьбы, сіяло отрадною надеждой, все предвѣщало прекрасное будущее. Всѣ любовались ею, всѣ любили ее, не я одна. Когда, бывало, насъ выводили часа въ три гулять, всѣ прохожіе останавливались какъ пораженные, едва только взглядывали на нее, и нерѣдко крикъ изумленія раздавался вслѣдъ счастливому ребенку. Она родилась на счастье, она должна была родиться для счастья, — вотъ было впечатлѣніе при встрѣчѣ съ нею. Можетъ быть, во мнѣ первый разъ поражено было эстетическое чувство, чувство изящнаго, первый разъ сказалось оно, пробужденное красотой, и — вотъ вся причина зарожденія любви моей.

Главнымъ порокомъ княжны, или, лучше сказать, главнымъ началомъ ея характера, которое неудержимо старалось воплотиться въ свою натуральную форму и, естественно, находилось въ состояніи уклоненномъ, въ состояніи борьбы, — была гордость. Эта гордость доходила до наивныхъ мелочей и впадала въ самолюбіе, до того, что, напримеръ, противорѣчіе, каково бы оно ни было, не обижало, не сердило ея, но только удивляло. Она не могла постигнуть, какъ можетъ быть что-нибудь иначе, нежели какъ бы она захотѣла. Но чувство справедливости всегда брало верхъ въ ея сердцѣ. Если убѣждалась она, что она несправедлива, то тотчасъ же подчинялась приговору, безропотно и непоколебимо. И если до сихъ поръ въ отношеніяхъ со мною измѣняла она себѣ, то я объясняю все это непостижимой антипатіей ко мнѣ, помутившей на время стройность и гармонію всего ея существа; такъ и должно было быть: она слишкомъ страстно шла въ своихъ увлеченіяхъ, и всегда только примѣръ, опытъ выводилъ ее на истинный путь. Результаты всѣхъ ея начинаній были прекрасны и истинны, но покупались непрерывными уклоненіями и заблужденіями.

Катя очень скоро удовлетворила свои наблюденія надо мною и, наконецъ, рѣшилась оставить меня въ покоѣ. Она сдѣлала такъ, какъ будто меня и не было въ домѣ; мнѣ — ни слова лишняго, даже почти необходимаго; я устранена отъ игръ и устранена не насильно, но такъ ловко, какъ будто бы я сама на то согласилась. Уроки шли своимъ чередомъ, и если меня ставили ей въ примѣръ за понятливость и тихость характера, то я уже не имѣла чести оскорблять ея самолюбія, которое было чрез-

вычайно щекотливо, до того, что его могъ оскорбить даже бульдогъ нашъ, сэръ Джонъ Фальстафъ. Фальстафъ былъ хладнокровенъ и флегматикъ, но золь какъ тигръ, когда его раздражали, золь даже до отрицанія власти хозяина. Еще черта: онъ рѣшительно никого не любилъ; но самымъ сильнымъ, натуральнымъ врагомъ его была, безспорно, старушка-княжна... Но эта исторія еще впереди. Самолюбивая Катя всѣми средствами старалась побѣдить нелюбезность Фальстафа; ей было непріятно, что есть хоть одно животное въ домѣ, единственное, которое не признаетъ ея авторитета, ея силы, не склоняется передъ нею, не любитъ ея. И вотъ княжна порѣшила атаковать Фальстафа сама. Ей хотѣлось надъ всѣми повелѣвать и властвовать; какъ же могъ Фальстафъ избѣжать своей участи? Но непреклонный бульдогъ не сдавался.

Разъ, послѣ обѣда, когда мы обѣ сидѣли внизу, въ большой залѣ, бульдогъ расположился среди комнаты и лѣниво наслаждался своимъ послѣобѣденнымъ кейфомъ. Въ эту самую минуту княжнѣ вздумалось завоевать его въ свою власть. И вотъ она бросила свою игру, и на цыпочкахъ, лаская и приголубливая Фальстафа самыми нѣжными именами, привѣтливо маня его рукой, начала осторожно приближаться къ нему. Но Фальстафъ еще издали оскалилъ свои страшные зубы; княжна остановилась. Все намѣреніе ея состояло въ томъ, чтобъ, подойдя къ Фальстафу, погладить его, чего онъ рѣшительно не позволялъ никому, кромѣ княгини, у которой былъ фаворитомъ, и заставить его идти за собой: подвигъ трудный, сопряженный съ серьезной опасностью, потому что Фальстафъ никакъ не затруднился бы отгрызть у ней руку или

растерзать ее, если бъ нашелъ это нужнымъ. Онъ былъ силенъ, какъ медвѣдь, и я съ безпокойствомъ, со страхомъ слѣдила издали за продѣлками Кати. Но ее не легко было переубѣдить съ перваго раза, и даже зубы Фальстафа, которые онъ пренеучтиво показывалъ, были рѣшительно недостаточнымъ къ тому средствомъ. Убѣдясь, что подойти нельзя съ перваго раза, княжна въ недоумѣнii обошла кругомъ своего пріятеля. Фальстафъ не двинулся съ мѣста. Катя сдѣлала второй кругъ, значительно уменьшивъ его поперечникъ, потомъ третій, но когда дошла до того мѣста, которое казалось Фальстафу завѣтной чертой, онъ снова оскалилъ зубы. Княжна топнула ножкой, отошла въ досадѣ и раздумьи и усѣлась на диванъ.

Минуть черезъ десять она выдумала новое оболъщенье, тотчасъ же вышла и воротилась съ запасомъ кренделей, пирожковъ, — однимъ словомъ, перемѣнила оружіе. Но Фальстафъ былъ хладнокровенъ, потому, вѣроятно, что былъ слишкомъ сытъ. Онъ даже и не взглянулъ на кусокъ кренделя, который ему бросили; когда же княжна снова очутилась у завѣтной черты, которую Фальстафъ считалъ своей границей, послѣдовала оппозиція, въ этотъ разъ позначительнѣе первой. Фальстафъ поднялъ голову, оскалилъ зубы, слегка заворчалъ и сдѣлалъ легкое движеніе, какъ будто собирался рвануться съ мѣста. Княжна покраснѣла отъ гнѣва, бросила пирожки и снова усѣлась на мѣсто.

Она сидѣла вся въ нерѣшительномъ волненіи. Ея ножка била коверъ, щечки краснѣли, какъ зарево, а въ глазахъ даже выступили слезы досады. Случись же, что она взглянула на меня, — вся кровь бросилась ей въ голову. Она рѣшительно

вскочила съ мѣста и самую твердою поступью пошла прямо къ страшной собакѣ.

Можетъ быть, въ этотъ разъ изумленіе подѣйствовало на Фальстафа слишкомъ сильно. Онъ пустилъ врага за черту и только уже въ двухъ шагахъ привѣтствовалъ безразсудную Катю самымъ зловѣщимъ рычаніемъ. Катя остановилась было на минуту, но только на минуту, и рѣшительно ступила впередъ. Я обомлѣла отъ испуга. Княжна была воодушевлена, какъ я еще никогда ее не видала; глаза ее блистали побѣдой, торжествомъ. Съ нея можно было рисовать чудную картинку. Она смѣло вынесла грозный взглядъ взбѣшеннаго бульдога и не дрогнула передъ его страшною пастью; онъ привсталъ. Изъ мохнатой груди его раздалось ужасное рыканіе; еще минута, и онъ бы растерзалъ ее. Но княжна гордо положила на него свою маленькую ручку и три раза съ торжествомъ погладила его по спинѣ. Мгновеніе бульдогъ былъ въ нерѣшимости. Это мгновеніе было самое ужасное; но вдругъ онъ тяжело поднялся съ мѣста, потянулся и, вѣроятно, взявъ въ соображеніе, что съ дѣтьми не стоило связываться, преспокойно вышелъ изъ комнаты. Княжна съ торжествомъ стала на завоеванномъ мѣстѣ и бросила на меня неизъяснимый взглядъ, взглядъ пресыщенный, упоенный побѣдою. Но я была блѣдна, какъ платокъ; она замѣтила и улыбнулась. Однако, смертная блѣдность уже покрывала и ея щеки. Она едва могла дойти до дивана, и упала на него чуть не въ обморокъ.

Но влеченіе мое къ ней уже не знало предѣловъ. Съ этого дня, какъ я вытерпѣла за нее столько страха, я уже не могла владѣть собою. Я изнывала

въ тоскѣ, тысячу разъ готова была броситься къ ней на шею, но страхъ приковывалъ меня, безъ движенія, на мѣстѣ. Помню, я старалась убѣгать ея, чтобъ она не видала моего волненія, но когда она нечаянно входила въ ту комнату, въ которую я спрячусь, я вздрагивала, и сердце начинало стучать, такъ что голова кружилась. Мнѣ кажется, моя проказница это замѣтила и дня два была сама въ какомъ-то смущеніи. Но скоро она привыкла и къ этому порядку вещей. Такъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ, который я весь протрадила втихомолку. Чувства мои обладаютъ какою-то необъяснимою растяжимостью, если можно такъ выразиться; моя натура терпѣлива до послѣдней степени, такъ что взрывъ, внезапное проявленіе чувствъ бываетъ только ужъ въ крайности. Нужно знать, что во все это время мы сказали съ Катей не болѣе пяти словъ; но я мало-по-малу замѣтила, по нѣкоторымъ неувимымъ признакамъ, что все это происходило въ ней не отъ забвенія, не отъ равнодушія ко мнѣ, а отъ какого-то намѣреннаго уклоненія, какъ будто она дала себѣ слово держать меня въ извѣстныхъ предѣлахъ. Но я уже не спала по ночамъ, а днемъ не могла скрыть своего смущенія даже отъ мадамъ Леотаръ. Любовь моя къ Катѣ доходила даже до странностей. Одинъ разъ я украдкою взяла у ней платокъ, въ другой разъ ленточку, которую она вплетала въ волосы, и по цѣлымъ ночамъ цѣловала ихъ, обливаясь слезами. Сначала меня мучило до обиды равнодушіе Кати; но теперь все во мнѣ помутилось, и я сама не могла дать себѣ отчета въ своихъ ощущеніяхъ. Такимъ образомъ, новыя впечатлѣнія мало-по-малу вытѣсняли старыя, и воспоминанія о моемъ грустномъ про-

шедшемъ потеряли свою болѣзненную силу и смѣнились во мнѣ новой жизнью.

Помню, я иногда просыпался ночью, вставала съ постели и на цыпочкахъ подходила къ княжнѣ. Я заглядывалась по цѣлымъ часамъ на спящую Катю, при слабомъ свѣтѣ ночной нашей лампы; иногда садилась къ ней на кровать, нагибалась къ лицу ея, и на меня вѣяло ея горячимъ дыханіемъ. Тихонько, дрожа отъ страха, цѣловала ея ручки, плечики, волосы, ножку, если ножка выглядывала изъ-подъ одѣяла. Мало-по-малу я замѣтила, — такъ какъ я уже не спускала съ нея глазъ цѣлый мѣсяць, — что Катя становится со дня на день задумчивѣе; характеръ ея сталъ терять свою ровность: иногда цѣлый день не слышишь ея шуму, другой разъ подымается такой гамъ, какого еще никогда не было. Она стала раздражительна, взыскательна, краснѣла и сердилась очень часто, и даже со мной доходила до маленькихъ жестокостей: то вдругъ не захочетъ обѣдать возлѣ меня, близко сидѣть отъ меня, какъ будто чувствуетъ ко мнѣ отвращеніе; то вдругъ уходитъ къ матери и сидитъ тамъ по цѣлымъ днямъ, можетъ быть, зная, что я изсыхаю безъ нея съ тоски; то вдругъ начнетъ смотрѣть на меня по цѣлымъ часамъ, такъ что я не знаю куда дѣваться отъ убійственнаго смущенія, краснѣю, блѣднѣю, а между тѣмъ не смѣю выйти изъ комнаты. Два раза уже Катя жаловалась на лихорадку, тогда какъ прежде не помнили за ней никакой болѣзни. Наконецъ, вдругъ въ одно утро послѣдовало особое распоряженіе: по непремѣнному желанію княжны, она переселилась внизъ, къ маменькѣ, которая чуть не умерла отъ страха, когда Катя пожаловалась на лихорадку. Нужно сказать, что

княгиня была очень недовольна мною, и всю пере­мѣну въ Катѣ, которую и она замѣчала, приписы­вала мнѣ и вліянію моего угрюмаго характера, какъ она выражалась, на характеръ своей дочери. Она уже давно разлучила бы насъ, но откладывала до времени, зная, что придется выдержать серьезный споръ съ княземъ, который хотя и уступалъ ей во всемъ, но иногда становился неуступчивъ и упрямя до непоколебимости. Она же понимала князя вполнѣ.

Я была поражена переселеніемъ княжны, и цѣ­лую недѣлю провела въ самомъ болѣзненномъ на­пряженіи духа. Я мучались тоскою, ломая голову надъ причинами отвращенія Кати ко мнѣ. Грусть разрывала мою душу, и чувство справедливости и негодова­нія начало возставать въ моемъ оскорб­ленномъ сердцѣ. Какая-то гордость родилась во мнѣ, и когда мы сходились съ Катей въ тотъ часъ, когда насъ уводили гулять, я смотрѣла на нее такъ независимо, такъ серьезно, такъ непохоже на прежнее, что это даже поразило ее. Конечно, такія пере­мѣны происходили во мнѣ только порывами, и потомъ сердце опять начинало болѣть сильнѣе и сильнѣе, и я становилась еще слабѣе, еще мало­душнѣе, чѣмъ прежде. Наконецъ, въ одно утро, къ величайшему моему недоумѣнію и радостному смущенію, княжна воротилась наверхъ. Сначала она съ безумнымъ смѣхомъ бросилась на шею къ мадамъ Леотаръ и объявила, что опять къ намъ переѣзжаетъ, потомъ кивнула и мнѣ головой, вы­просила позволеніе ничему не учиться въ это утро и все утро прорѣзвилась и пробѣгала. Я никогда не видала ее живѣе и радостнѣе. Но къ вечеру она сдѣлалась тиха, задумчива, и снова какая-то

грусть отгѣнила ея прелестное личико. Когда княгиня пришла вечеромъ посмотрѣть на нее, я видѣла, что Катя дѣлаетъ неестественныя усилія казаться веселою. Но, вслѣдъ за уходомъ матери, оставшись одна, она вдругъ ударилась въ слезы. Я была поражена. Княжна замѣтила мое вниманіе и вышла. Однимъ словомъ, въ ней приготовлялся какой-то неожиданный кризисъ. Княгиня совѣтовалась съ докторами, каждый день призывала къ себѣ мадамъ Леотаръ для самыхъ мелкихъ разспросовъ о Катѣ; велѣно было наблюдать за каждымъ движеніемъ ея. Одна только я предчувствовала истину, и сильно забилось мое сердце надеждою.

Словомъ, маленькій романъ разрѣшался и приходилъ къ концу. На третій день послѣ возвращенія Кати къ намъ наверхъ, я замѣтила, что она все утро глядитъ на меня такими чудными глазками, такими долгими взглядами... Нѣсколько разъ я встрѣчала эти взгляды, и каждый разъ мы обѣ краснѣли и потуплялись, какъ будто стыдились другъ друга. Наконецъ, княжна засмѣялась и пошла отъ меня прочь. Ударило три часа, и насъ стали одѣвать для прогулки. Вдругъ Катя подошла ко мнѣ.

— У васъ башмакъ развязался, — сказала она мнѣ: — давайте я вамъ завяжу.

Я было нагнулась сама, покраснѣвъ, какъ вишня отъ того, что, наконецъ-то, Катя заговорила со мной.

— Давай! — сказала она мнѣ нетерпѣливо и засмѣявшись. Тутъ она нагнулась, взяла насильно мою ногу, поставила къ себѣ на колѣно и завязала. Я задыхалась; я не знала, что дѣлать отъ какого-то сладкаго испуга. Кончивъ завязывать башмакъ, она встала и оглядѣла меня съ ногъ до головы.

— Вотъ и горло открыто, — сказала она, дотронувшись пальчикомъ до обнаженнаго тѣла на моей шеѣ. — Да ужъ давай, я сама завяжу.

Я не противорѣчила. Она развязала мой шейный платокъ и повязала по-своему.

— А то можно кашель нажить, — сказала она, прелукаво улыбнувшись и сверкнувъ на меня своими черными влажными глазками.

Я была внѣ себя; я не знала, что со мной дѣлается, и что сдѣлалось съ Катей. Но, слава Богу, скоро кончилась наша прогулка, а то я бы не выдержала и бросилась бы цѣловать ее на улицѣ. Входя на лѣстницу, мнѣ удалось, однакожь, поцѣловать ее украдкой въ плечо. Она замѣтила, вздрогнула, но не сказала ни слова. Вечеромъ ее нарядили и повели внизъ. У княгини были гости. Но въ этотъ вечеръ въ домѣ произошла страшная суматоха.

Съ Катей сдѣлался нервный припадокъ. Княгиня была внѣ себя отъ испуга. Пріѣхалъ докторъ и не зналъ, что сказать. Разумѣется, все свалили на дѣтскія болѣзни, на возрастъ Кати, но я подумала иное. На утро Катя явилась къ намъ такая же, какъ всегда, румяная, веселая, съ неистощимымъ здоровьемъ, но съ такими причудами и капризами, какихъ съ ней никогда не бывало.

Во-первыхъ, она все утро не слушалась мадамъ Леотаръ. Потомъ вдругъ ей захотѣлось идти къ старушкѣ-княжнѣ. Противъ обыкновенія, старушка, которая терпѣть не могла свою племянницу, была съ нею въ постоянной ссорѣ и не хотѣла видѣть ее, — на этотъ разъ какъ-то разрѣшила принять ее. Сначала все пошло хорошо, и первый часъ они жили согласно. Плутовка Катя вздумала просить прощенія за всѣ свои проступки, за рѣзвость,

за крикъ, за то, что княжнѣ она не давала покою. Княжна торжественно и со слезами простила ее. Но шалуныѣ вздумалось зайти далеко. Ей пришло на умъ разсказать такія шалости, которыя были еще только въ однихъ замыслахъ и проектахъ. Катя прикинулась смиренницей, постницей и вполнѣ раскаявающейся; однимъ словомъ, ханжа была въ восторгѣ, и много льстила ее самолюбію предстоявшая побѣда надъ Катей, — сокровищемъ, идоломъ всего дома, которая умѣла заставить даже свою мать исполнять свои прихоти.

И вотъ проказница призналась, во-первыхъ, что у нея было намѣреніе приклеить къ платью княжны визитную карточку; потомъ засадить Фальстафа къ ней подъ кровать; потомъ сломать ее очки, унести всѣ ея книги и приңестъ вмѣсто нихъ отъ мамы французскихъ романовъ; потомъ достать хлопушекъ и разбросать по полу; потомъ спрятать ей въ карманъ колоду картъ, и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, шли шалости одна хуже другой. Старуха выходила изъ себя, блѣднѣла, краснѣла отъ злости; наконецъ, Катя не выдержала, захохотала и убѣжала отъ тетки. Старуха немедленно послала за княгиней. Началось цѣлое дѣло, и княгиня два часа, со слезами на глазахъ, умоляла свою родственницу простить Катю и позволить ее не наказывать, взявъ въ соображеніе, что она больна. Княжна слушать не хотѣла сначала; она объявила, что завтра же выѣдетъ изъ дому, и смягчилась тогда только, когда княгиня дала слово, что отложить наказаніе до выздоровленія дочери, а потомъ удовлетворить справедливому негодованію престарѣлой княжны. Однакожъ Катя выдержала строгій выговоръ. Ее увели внизъ, къ княгинѣ.

Но проказница вырвалась-таки послѣ обѣда. Пробираясь внизъ сама, я встрѣтила ее уже на лѣстницѣ. Она пріотворила дверь и звала Фальстафа. Я мигомъ догадалась, что она замышляетъ страшное мщеніе. Дѣло было вотъ въ чемъ.

Не было врага у старушки-княжны непримиримѣе Фальстафа. Онъ не ласкался ни къ кому, не любилъ никого, но былъ спѣсивъ, гордъ и амбиціозенъ до крайности. Онъ не любилъ никого, но видимо требовалъ отъ всѣхъ должнаго уваженія. Всѣ и питали его къ нему, примѣшивая къ уваженію надлежащій страхъ. Но вдругъ, съ пріѣздомъ старушки-княжны, все перемѣнилось: Фальстафа страшно обидѣли, — именно: ему былъ формально запрещенъ входъ наверхъ.

Сначала Фальстафъ былъ внѣ себя отъ оскорбленія и цѣлую недѣлю скребъ лапами дверь, которою оканчивалась лѣстница, ведущая сверху въ нижнюю комнату; но скоро онъ догадался о причинѣ изгнанія, и въ первое же воскресеніе, когда старушка-княжна выходила въ церковь, Фальстафъ съ визгомъ и лаемъ бросился на бѣдную. Насилу спасли ее отъ лютаго мщенія оскорбленнаго пса, ибо онъ выгнанъ былъ по приказанію княжны, которая объявила, что не можетъ видѣть его. Съ тѣхъ поръ входъ наверхъ запрещенъ былъ Фальстафу самымъ строжайшимъ образомъ, и когда княжна сходила внизъ, то его угоняли въ самую отдаленную комнату. Строжайшая отвѣтственность лежала на слугахъ. Но мстительное животное нашло таки средство раза три ворваться наверхъ. Лишь только онъ врывался на лѣстницу, какъ мигомъ бѣжалъ черезъ всю анфіладу комнатъ до самой опочивальни старушки. Ничто не могло удержать его.

По счастью, дверь къ старушкѣ была всегда заперта, а Фальстафъ ограничивался тѣмъ, что завывалъ передъ нею ужасно до тѣхъ поръ, пока не прибѣгали люди и не сгоняли его внизъ. Княжна же, во все время визита неукротимаго бульдога, кричала, какъ будто бы ее ужъ съѣли, и серьезно, каждый разъ дѣлалась больна отъ страха. Нѣсколько разъ она предлагала свой ultimatium княгинѣ, и даже доходила до того, что разъ, забывшись, сказала, что или она, или Фальстафъ выйдутъ изъ дома, но княгиня не согласилась на разлуку съ Фальстафомъ.

Княгиня мало кого любила, но Фальстафа, послѣ дѣтей, болѣе всѣхъ на свѣтѣ, и вотъ почему. Однажды, лѣтъ шесть назадъ, князь воротился съ прогулки, приведя за собою щенка грязнаго, больного, самой жалкой наружности, но который, однакожъ, былъ бульдогъ самой чистой крови. Князь какъ-то спасъ его отъ смерти. Но такъ какъ новый жилецъ велъ себя примѣрно неучтиво и грубо, то, по настоянію княгини, былъ удаленъ на задній дворъ и посаженъ на веревку. Князь не прекословилъ. Два года спустя, когда весь домъ жилъ на дачѣ, маленькій Саша, младшій братъ Кати, упалъ въ Неву. Княгиня вскрикнула, и первымъ движеніемъ ея было кинуться въ воду за сыномъ. Ее насилу спасли отъ вѣрной смерти. Между тѣмъ ребенка уносило быстро теченіемъ, и только одежда его сплывала наверхъ. Наскоро стали отвязывать лодку, но спасеніе было бы чудомъ. Вдругъ огромный исполинскій бульдогъ бросается въ воду наперерѣзъ утопающему мальчику, схватываетъ его въ зубы и побѣдоносно выплываетъ съ нимъ на берегъ. Княгиня бросилась цѣловать грязную, мокрую собаку. Но Фальстафъ, который еще но-

силъ тогда прозаическое и въ высшей степени плебейское наименованіе Фриксы, терпѣть не могъ ничьихъ ласкъ и отвѣчалъ на объятія и поцѣлуи княгини тѣмъ, что прокусилъ ей плечо во сколько хватило зубовъ. Княгиня всю жизнь страдала отъ этой раны, но благодарность ея была безпредѣльна. Фальстафъ былъ взятъ во внутренніе покои, вычищенъ, вымытъ и получилъ серебряный ошейникъ высокой отдѣлки. Онъ поселился въ кабинетъ княгини, на великолѣпной медвѣжьей шкурѣ, и скоро княгиня дошла до того, что могла его гладить, не опасаясь немедленнаго и скорого наказанія. Узнавъ, что любимца ея зовутъ Фриксой, она пришла въ ужасъ, и немедленно стали пріискивать новое имя, по возможности древнее. Но имена Гекторъ, Церберъ и проч. были уже слишкомъ опошлены; требовалось названіе, вполне приличное фавориту дома. Наконецъ, князь, взявъ въ соображеніе феноменальную прожорливость Фриксы, предложилъ называть бульдога Фальстафомъ. Кличка была принята съ восторгомъ и осталась навсегда за бульдогомъ. Фальстафъ повелъ себя хорошо: какъ чистый англичанинъ, былъ молчаливъ, угрюмъ и ни на кого не бросался первый, только требовалъ, чтобъ почтительно обходили его мѣсто на медвѣжьей шкурѣ и вообще оказывали должное уваженіе. Иногда на него находилъ какъ будто родимецъ, какъ будто сплинъ одолѣвалъ его, и въ эти минуты Фальстафъ съ горестью припоминалъ, что врагъ его, непримиримый его врагъ, посягнувшій на его права, былъ еще не наказанъ. Тогда онъ потихоньку пробирался къ лѣстницѣ, ведущей наверхъ, и найдя, по обыкновенію, дверь всегда запертою, ложился гдѣ-нибудь неподалеку, прятался въ

уголь и коварно поджидалъ, когда кто-нибудь оплошаетъ и оставить дверь наверхъ отпертою. Иногда мстительное животное выжидало по три дня. Но отданы были строгія приказанія, — наблюдать за дверью, и вотъ уже два мѣсяца Фальстафъ не являлся наверхъ.

— Фальстафъ, Фальстафъ! — звала княжна, отворивъ дверь и привѣтливо заманивая Фальстафа къ намъ на лѣстницу.

Въ это время Фальстафъ, почуявъ, что дверь отворяютъ, уже приготовился скакнуть за свой Рубиконъ. Но призывъ княжны показался ему такъ невозможнымъ, что онъ нѣкоторое время рѣшительно отказывался вѣрить ушамъ своимъ. Онъ былъ лукавъ какъ кошка и, чтобъ не показать вида, что замѣтилъ оплошность отворявшаго дверь, подошелъ къ окну, положилъ на подоконникъ свои могучія лапы и началъ разсматривать противоположное зданіе, — словомъ, велъ себя какъ совершенно посторонній человѣкъ, который шелъ прогуливаться и остановился на минуту полюбоваться прекрасной архитектурой сосѣдняго зданія. Между тѣмъ, въ сладостномъ ожиданіи билось и нѣжилось его сердце. Каково же было его изумленіе, радость, изступленіе радости, когда дверь отворили предъ нимъ настезь, и мало того, еще звали, приглашали, умоляя его вступить наверхъ и немедленно удовлетворить свое справедливое мщеніе! Онъ, взвизгнувъ отъ радости, оскалилъ зубы, и страшный, побѣдоносный, бросился наверхъ, какъ стрѣла.

Напоръ его былъ такъ силенъ, что встрѣтившійся на его дорогѣ стулъ, задѣтый имъ на лету, отскочилъ на сажень и перевернулся на мѣстѣ. Фальстафъ летѣлъ, какъ ядро, вырвавшееся изъ пушки

Мадамъ Леотаръ вскрикнула отъ ужаса. Но Фальстафъ уже домчался до завѣтной двери, ударился въ нее обѣими лапами, однакожь, не отворилъ ее, и завылъ какъ погибшій. Въ отвѣтъ ему раздался страшный крикъ престарѣлой дѣвы. Но уже со всѣхъ сторонъ бѣжали цѣлые легионы враговъ, цѣлый домъ переселился наверхъ, и Фальстафъ, свирѣпый Фальстафъ, съ намордникомъ, ловко наброшеннымъ на его пасть, спутанный по всѣмъ четыремъ ногамъ, безславно воротился съ поля битвы, влекомый внизъ на арканѣ.

Посланъ былъ посолъ за княгиней.

Въ этотъ разъ княгиня не расположена была прощать и миловать; но кого наказывать? Она догадалась съ перваго раза, мигомъ; глаза ея упали на Катю... Такъ и есть: Катя стоитъ блѣдная, дрожа отъ страха. Она только теперь догадалась, блѣдненькая, о послѣдствіяхъ своей шалости. Подозрѣніе могло упасть на слугъ, на невинныхъ, и Катя уже готова была сказать всю правду.

— Ты виновата? — строго спросила княгиня.

Я видѣла смертельную блѣдность Кати и, ступивъ впередъ, твердымъ голосомъ произнесла:

— Я впустила Фальстафа... нечаянно, — прибавила я, потому что вся моя храбрость исчезла передъ грознымъ взглядомъ княгини.

— Мадамъ Леотаръ, накажите примѣрно! — сказала княгиня и вышла изъ комнаты.

Я взглянула на Катю: она стояла какъ ошеломленная; руки ея повисли по бокамъ; поблѣднѣвшее личико глядѣло въ землю.

Единственное наказаніе, употреблявшееся для дѣтей князя, было заключеніе въ пустую комнату. Просидѣть въ пустой комнатѣ часа два — ничего.

Но когда ребенка сажали насильно, противъ его воли, и объявляли, что онъ лишенъ свободы, то наказаніе было довольно значительно. Обыкновенно сажали Катю или брата ея, на два часа. Меня посадили на четыре, взявъ въ соображеніе всю чудовищность моего преступленія. Изнывая отъ радости, вступила я въ свою темницу. Я думала о княжнѣ. Я знала, что побѣдила. Но, вмѣсто четырехъ часовъ, я просидѣла до четырехъ утра. Вотъ какъ это случилось.

Черезъ два часа послѣ моего заключенія, мадамъ Леотаръ узнала, что пріѣхала ея дочь изъ Москвы, вдругъ заболѣла и желаетъ ее видѣть. Мадамъ Леотаръ уѣхала, позабывъ обо мнѣ. Дѣвушка, ходившая за нами, вѣроятно, предположила, что я уже выпущена. Катя была отозвана внизъ и принуждена была просидѣть у матери до одиннадцати часовъ вечера. Воротясь, она чрезвычайно изумилась, что меня нѣтъ на постели. Дѣвушка раздѣла ее, уложила, но княжна имѣла свои причины не спрашивать обо мнѣ. Она легла, ожидая меня, зная навѣрно, что я арестована на четыре часа, и полагая, что меня приведетъ наша няня. Но Настя забыла про меня совершенно, тѣмъ болѣе, что я раздѣвалась всегда сама. Такимъ образомъ, я осталась ночевать подъ арестомъ.

Въ четыре часа ночи услышала я, что стучать и ломаются въ мою комнату. Я спала, улегшись кое-какъ на полу, проснулась и закричала отъ страха, но тотчасъ же отличила голосъ Кати, который раздавался громче всѣхъ, потомъ голосъ мадамъ Леотаръ, потомъ испуганной Насти, потомъ ключницы. Наконецъ, отворили дверь, и мадамъ Леотаръ обняла меня со слезами на глазахъ, прося простить ее

за то, что она обо мнѣ позабыла. Я бросилась къ ней на шею, вся въ слезахъ. Я продрогла отъ холода, и всѣ кости болѣли у меня отъ лежанья на голомъ полу. Я искала глазами Катю, но она побѣжала въ нашу спальню, прыгнула въ постель, и когда я вошла, она уже спала или притворялась спящею. Поджидая меня съ вечера, она невзначай заснула и проспала до четырехъ часовъ утра. Когда же проснулась, подняла шумъ, цѣлый содомъ, разбудила воротившуюся мадамъ Леотаръ, няню, всѣхъ дѣвушекъ и освободила меня.

На утро всѣ въ домѣ узнали о моемъ приключеніи; даже княгиня сказала, что со мной поступили слишкомъ строго. Что же касается до князя, то въ этотъ день я его видѣла, въ первый разъ въ жизни, разсерженнымъ. Онъ вошелъ наверхъ въ десять часовъ утра, въ сильномъ волненіи.

— Помилуйте, — началъ онъ къ мадамъ Леотаръ: — что вы дѣлаете? Какъ вы поступили съ бѣднымъ ребенкомъ? Это варварство, чистое варварство, скиѣство! Больной, слабый ребенокъ, гаякая мечтательная, пугливая дѣвочка, фантазерка, и посадить ее въ темную комнату, на цѣлую ночь! Но это значитъ губить ее! Развѣ вы не знаете ея исторіи? Это варварство, это безчеловѣчно, я вамъ говорю, сударыня! И какъ можно такое наказаніе? Кто изобрѣлъ, кто могъ изобрѣсть такое наказаніе?

Бѣдная мадамъ Леотаръ со слезами на глазахъ, въ смущеніи начала объяснять ему все дѣло, сказала, что она забыла обо мнѣ, что къ ней пріѣхала дочь, но что наказаніе само по себѣ хорошее, если продолжается недолго, и что даже Жанъ-Жакъ Руссо говоритъ нѣчто подобное.

— Жанъ-Жакъ Руссо, сударыня! Но Жанъ-Жакъ не могъ говорить этого: Жанъ-Жакъ не авторитетъ. Жанъ-Жакъ Руссо не смѣлъ говорить о воспитаніи, не имѣлъ права на то. Жанъ-Жакъ Руссо отказался отъ собственныхъ дѣтей, сударыня! Жанъ-Жакъ дурной человѣкъ, сударыня!

— Жанъ-Жакъ Руссо! Жанъ-Жакъ дурной человѣкъ! Князь! Князь! Что вы говорите?

И мадамъ Леотаръ вся вспыхнула.

Мадамъ Леотаръ была чудесная женщина и прежде всего не любила обижаться; но затронуть кого-нибудь изъ любимцевъ ея, потревожить классическую тѣнь Корнеля, Расина, оскорбить Вольтера, назвать Жанъ-Жака Руссо дурнымъ человѣкомъ, назвать его варваромъ, — Боже мой! Слезы выступили изъ глазъ мадамъ Леотаръ; старушка дрожала отъ волненія.

— Вы забываетесь, князь! — проговорила она, наконецъ, внѣ себя отъ волненія.

Князь тотчасъ же спохватился и попросилъ прощенія, потомъ подошелъ ко мнѣ, поцѣловалъ меня съ глубокимъ чувствомъ, перекрестилъ и вышелъ изъ комнаты.

— *Parvce prince!* — сказала мадамъ Леотаръ, расчувствовавшись въ свою очередь. Потомъ мы сѣли за классный столъ.

Но княжна училась очень разсѣянно. Передъ тѣмъ, какъ идти къ обѣду, она подошла ко мнѣ, вся разгорѣвшись, со смѣхомъ на губахъ, остановилась противъ меня, схватила меня за плечи и сказала торопливо, какъ будто чего-то стыдятся:

— Что? Насидѣлась вчера за меня? Послѣ обѣда пойдемъ играть въ залу.

Кто-то прошелъ мимо насъ, и княжна мигомъ отвернулась отъ меня.

Послѣ обѣда, въ сумерки, мы обѣ сошли внизъ въ большую залу, схватившись за руки. Княжна была въ глубокомъ волненіи и тяжело переводила духъ. Я была радостна и счастлива, какъ никогда не бывала.

— Хочешь въ мячъ играть? — сказала она мнѣ, — становись здѣсь!

Она поставила меня въ одномъ углу залы, но сама, вмѣсто того, чтобъ отойти и бросить мнѣ мячъ, остановилась въ трехъ шагахъ отъ меня, взглянула на меня, покраснѣла и упала на диванъ, закрывъ лицо обѣими руками. Я сдѣлала движеніе къ ней; она думала, что я хочу уйти.

— Не ходи, Нѣточка, побудь со мной, — сказала она, — это сейчасъ пройдетъ.

Но мигомъ она вскочила съ мѣста и, вся покраснѣвши, вся въ слезахъ, бросилась мнѣ на шею. Щеки ея были влажны, губки вспухли какъ вишенки, локоны разсыпались въ беспорядкѣ. Она цѣловала меня, какъ безумная, цѣловала мнѣ лицо, глаза, губы, шею, руки; она рыдала какъ въ истерикѣ; я крѣпко прижалась къ ней, и мы сладко, радостно обнялись, какъ друзья, какъ любовники, которые свидѣлись послѣ долгой разлуки. Сердце Кати билось такъ сильно, что я слышала каждый ударъ.

Но въ сосѣдней комнатѣ раздался голосъ. Звали Катю къ княгинѣ.

— Ахъ, Нѣточка! Ну! До вечера, до ночи! Ступай теперь наверхъ, жди меня.

Она поцѣловала меня послѣдній разъ тихо, неслышно, крѣпко, и бросилась отъ меня на зовъ Нести. Я прибѣжала наверхъ, какъ воскресшая, бро-

силась на диванъ, спрятала въ подушки голову и зарыдала отъ восторга. Сердце колотилось, какъ будто грудь хотѣло пробить. Не помню, какъ дожила я до ночи. Наконецъ, пробило одиннадцать, и я легла спать. Княжна воротилась только въ двѣнадцать часовъ; она издали улыбнулась мнѣ, но не сказала ни слова. Настя стала ее раздѣвать и какъ будто нарочно медлила.

— Скорѣе, скорѣе, Настя! — бормотала Катя.

— Что это вы, княжна, вѣрно бѣжали по лѣстницѣ, что у васъ такъ сердце колотится?.. — спросила Настя.

— Ахъ, Боже мой, Настя! Какая скучная! Скорѣе, скорѣе! — И княжна въ досадѣ ударила ножкой объ полъ.

— Ухъ, какое сердечко! — сказала Настя, поцѣловавъ ножку княжны, которую разувала.

Наконецъ, все было кончено, княжна легла, и Настя вышла изъ комнаты. Вмигъ Катя вскочила съ постели и бросилась ко мнѣ. Я вскрикнула, встрѣчая ее.

— Пойдемъ ко мнѣ, ложись ко мнѣ! — заговорила она, поднявъ меня съ постели. Мгновеніе спустя, я была въ ея постели, мы обнялись и жадно прижались другъ къ другу. Княжна зацѣловала меня въ пухъ.

— А вѣдь я помню, какъ ты меня ночью цѣловала! — сказала она, покраснѣвъ, какъ макъ.

Я рыдала.

— Нѣточка! — прошептала Катя сквозь слезы, — ангель ты мой, я вѣдь тебя давно, такъ давно ужъ люблю! Знаешь, съ которыхъ поръ?

— Когда?

— Какъ папа приказалъ у тебя прощенія про-

силь, тогда какъ ты за своего папу заступилась, Нѣточка... Си-ро-точка ты моя! — протянула она, снова осыпая меня поцѣлуями. Она плакала и смѣялась вмѣстѣ.

— Ахъ, Катя!

— Ну, что? Ну, что?

— Зачѣмъ мы такъ долго... такъ долго... — и я не договорила. Мы обнялись, и минуты три не говорили ни слова.

— Послушай, ты что думала про меня? — спросила княжна.

— Ахъ, какъ много думала, Катя! Все думала, и день и ночь думала.

— И ночью про меня говорила, я слышала.

— Неужели?

— Плакала сколько разъ.

— Видишь! Что жъ ты все была такая гордая?

— Я вѣдь была глупа, Нѣточка. Это на меня такъ придетъ, и кончено. Я все зла была на тебя.

— За что?

— За то, что сама дурная была. Прежде за то, что ты лучше меня; потомъ за то, что тебя папа больше любитъ. А папа добрый человѣкъ, Нѣточка! Да?

— Ахъ, да! — отвѣчала я со слезами, вспомнивъ про князя.

— Хорошій человѣкъ, — серьезно сказала Катя, — да что мнѣ съ нимъ дѣлать? Онъ все такой... Ну, а потомъ стала у тебя прощенія просить и чуть не заплакала, и за это опять разсердилась.

— А я-то видѣла, а я-то видѣла, что ты плакать хотѣла.

— Ну, молчи ты, дурочка, плакса такая сама! — крикнула на меня Катя, зажавъ мнѣ ротъ рукою. — Слушай, мнѣ очень хотѣлось любить тебя, а потомъ вдругъ ненавидѣть захочется, и такъ ненавижу, такъ ненавижу!..

— За что же?

— Да ужъ я сердита на тебя была. Не знаю за что! А потомъ я и увидѣла, что ты безъ меня жить не можешь, и думаю: вотъ ужъ замучу я ее, скверную!

— Ахъ, Катя!

— Душка моя! — сказала Катя, цѣлуя мнѣ руку, — ну, а потомъ я съ тобой говорить не хотѣла, никакъ не хотѣла. А помнишь, Фальстафку я гладила?

— Ахъ, ты, безстрашная!

— Какъ я тру... си... ла-то, — протянула княжна. — Ты, знаешь ли, почему я къ нему пошла?

— Почему?

— Да ты смотрѣла. Когда увидѣла, что смотришь... Ахъ! Будь, что будетъ, да и пошла. Испугала я тебя, а? Боялась ты за меня?

— Ужась!

— Я видѣла. А ужъ я-то какъ рада была, что Фальстафка ушелъ! Господи, какъ я трусила потомъ, какъ ушелъ, чу... до... вице этакое!

И княжна захохотала нервическимъ смѣхомъ; потомъ вдругъ приподняла свою горячую голову и начала пристально глядѣть на меня. Слезинки, какъ жемчужинки, дрожали на ея длинныхъ рѣсницахъ.

— Ну, что въ тебѣ есть, что я тебя такъ полюбила? Ишь, блѣдненькая, волосы бѣлокуренькіе,

сама глупенькая, плакса такая, глаза голубенькіе, си... ро... точка ты моя!!!

И Катя нагнулась опять безъ счету цѣловать меня. Нѣсколько капель ея слезъ упали на мои щеки. Она была глубоко растрогана.

— Вѣдь какъ любила-то тебя, а все думаю — нѣтъ, да нѣтъ! Не скажу ей! И вѣдь какъ упрявилась! Чего я боялась, чего я стыдилась тебя! Вѣдь смотри, какъ намъ теперь хорошо!

— Катя! Больно мнѣ какъ! — сказала я, вся въ изступленіи отъ радости. — Душа ломить!

— Да, Нѣточка! Слушай дальше... Да слушай, кто тебя Нѣточкой прозвалъ?

— Мама.

— Ты мнѣ все про маму расскажешь!

— Все, все, — отвѣчала я съ восторгомъ.

— А куда ты два платка мои дѣла, съ кружевами? А ленту зачѣмъ унесла? Ахъ, ты, безстыдница! Я вѣдь это знаю.

Я засмѣялась и покраснѣла до слезъ.

— Нѣтъ, думаю: помучаю ее, подождетъ. А иной разъ думаю: да я ее вовсе не люблю, я ее терпѣть не могу. А ты все такая кроткая, такая овечка ты моя! А вѣдь какъ я боялась, что ты думаешь про меня, что я глупа! Ты умна, Нѣточка, вѣдь ты очень умна? А!

— Ну, что ты, Катя! — отвѣчала я, чуть не обидѣвшись.

— Нѣтъ, ты умна, — сказала Катя рѣшительно и серьезно, — это я знаю. Только я разъ утромъ встала и такъ тебя полюбила, что ужась! Ты мнѣ во всю ночь снилась. Думаю, я къ мамѣ буду проситься и тамъ буду жить. Не хочу я ее любить, не хочу! А на слѣдующую ночь засыпаю и думаю,

кабы она пришла, какъ и въ прошлую ночь, а ты и пришла! Ахъ, какъ я притворялась, что сплю... Ахъ, какія мы безстыдницы, Нѣточка!

— Да за что жъ ты меня все любить не хотѣла?

— Такъ... Да что я говорю! Вѣдь я тебя все любила! Все любила! Ужъ потомъ и терпѣть не могла; думаю, зацѣлю я ее когда-нибудь или исциплю всю до смерти. Вотъ тебѣ, глупенькая ты этакая!

И княжна ущипнула меня.

— А помнишь, я тебѣ башмакъ подвязывала?

— Помню.

— Помню; хорошо тебѣ было? Смотрю я на тебя; этакая милочка, думаю: дай я ей башмакъ подвяжу, что она будетъ думать! Да такъ мнѣ самой хорошо стало. И вѣдь, право, хотѣла поцѣловаться съ тобою... Да и не поцѣловала. А потомъ такъ смѣшно стало, такъ смѣшно! И всю дорогу, какъ гуляли вмѣстѣ, такъ вотъ вдругъ и хочу захохотать. На тебя смотрѣть не могу, такъ смѣшно. А вѣдь какъ я рада была, что ты за меня въ темницу пошла.

Пустая комната называлась «темницей».

— А ты струсила?

— Ужасъ какъ струсила.

— Да не тому еще рада, что ты на себя сказала, а рада тому была, что ты за меня посидишь! Думаю; плачетъ она теперь, а я-то ее какъ люблю! Завтра буду ее такъ цѣловать, такъ цѣловать! И вѣдь не жалко, ей Богу, не жалко было тебя, хоть я и поплакала.

— А я-то вотъ и не плакала, нарочно рада была.

— Не плакала? Ахъ, ты злая! — закричала княжна, всасываясь въ меня своими губками.

— Катя, Катя! Боже мой, какая ты хорошенькая!

— Не правда ли? Ну, теперь что хочешь со мной, то и дѣлай! Тирань меня, щипли меня! Пожалуйста, ущипни меня! Голубчикъ мой, ущипни!

— Шалунья!

— Ну, еще что?

— Дурочка...

— А еще?

— А еще поцѣлуй меня.

И мы поцѣловались, плакали, хохотали; у насъ губы распухли отъ поцѣлуевъ.

— Нѣточка! Во-первыхъ, ты всегда будешь ко мнѣ спать приходить. Ты цѣловаться любишь? И цѣловаться будемъ. Потомъ я не хочу, чтобъ ты была такая скучная. Отчего тебѣ скучно было? Ты мнѣ расскажешь, а?

— Все расскажу; но мнѣ теперь не скучно, а весело!

— Нѣтъ, ужъ будутъ у тебя румяныя щеки, какъ у меня! Ахъ, кабы завтра поскорѣй пришло! Тебѣ хочется спать, Нѣточка?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ давай говорить.

И часа два мы еще проболтали. Богъ знаетъ, чего мы не переговорили. Во-первыхъ, княжна сообщила мнѣ всѣ свои планы для будущаго и настоящаго положеніе вещей. И вотъ я узнала, что папу она любитъ больше всѣхъ, почти больше меня. Потомъ мы порѣшили объ, что мадамъ Леотаръ прекрасная женщина, и что она вовсе не строгая. Далѣе, мы тутъ же выдумали, что мы будемъ дѣлать

завтра, послѣзавтра, и вообще расчитали жизнь чуть ли не на двадцать лѣтъ. Катя выдумала, что мы будемъ такъ жить: она мнѣ будетъ одинъ день приказывать, а все исполнять, а другой день наоборотъ — я приказывать, а она безпрекословно слушаться; а потомъ мы обѣ будемъ поровну другъ другу приказывать; а тамъ кто-нибудь нарочно не послушается, такъ мы сначала поссоримся, такъ, для виду, а потомъ какъ-нибудь поскорѣе помиримся. Однимъ словомъ, насъ ожидало безконечное счастье. Наконецъ, мы утомились болтать, у меня закрывались глаза. Катя смѣялась надо мной, что я соня, и сама заснула прежде меня. На утро мы проснулись разомъ, поцѣловались наскоро, потому что къ намъ входили, и я успѣла добѣжать до своей кровати.

Весь день мы не знали, что дѣлать другъ съ другомъ отъ радости. Мы все прятались и бѣгали отъ всѣхъ, болѣе всего опасаясь чужого глаза. Наконецъ, я начала ей свою исторію. Катя потрясена была до слезъ моимъ рассказомъ.

— Злая, злая ты этакая! Для чего ты мнѣ раньше всего не сказала? Я бы тебя такъ любила, такъ любила! И больно тебя мальчики били на улицѣ?

— Больно. Я такъ боялась ихъ!

— Ухъ, злые! Знаешь, Нѣточка, я сама видѣла, какъ одинъ мальчикъ другого на улицѣ билъ. Завтра я тихонько возьму Фальстафкину плетку, и ужъ если одинъ встрѣтится такой, я его такъ прибую, такъ прибую!

Глазенки ея сверкали отъ негодованія.

Мы пугались, когда кто-нибудь входилъ. Мы боялись, чтобъ насъ не застали, когда мы цѣлуемъ

ся. А цѣловались мы въ этотъ день, по крайней мѣрѣ, сто разъ. Такъ прошелъ этотъ день и слѣдующій. Я боялась умереть отъ восторга, задыхалась отъ счастья. Но счастье наше продолжалось недолго.

Мадамъ Леотаръ должна была доносить о каждомъ движеніи княжны. Она наблюдала за нами цѣлые три дня, и въ эти три дня у ней накопилось много чего рассказать. Наконецъ, она пошла къ княгинѣ и объявила ей все что подмѣтила, — что мы обѣ въ какомъ-то изступленіи, уже цѣлыхъ три дня не разлучаемся другъ съ другомъ, поминутно цѣлуемся, плачемъ, хохочемъ какъ безумныя, — какъ безумныя, безъ умолку болтаемъ, тогда какъ этого прежде не было, что она не знаетъ чему приписать все это, но ей кажется, что княжна въ какомъ-нибудь болѣзненномъ кризисѣ и, наконецъ, ей кажется, что намъ лучше видѣться порѣже.

— Я давно это думала, — отвѣчала княгиня, — ужъ я знала, что эта странная сиротка надѣляетъ намъ хлопотъ. Что мнѣ рассказали про нее, про жизнь ея, — ужасъ, настоящій ужасъ! Она имѣетъ очевидное вліяніе на Катю. Вы говорите, Катя очень любитъ ее?

— Безъ памяти.

Княгиня покраснѣла отъ досады. Она уже ревновала ко мнѣ свою дочь.

— Это ненатурально, — сказала она. — Прежде онѣ были такъ чужды другъ другу, и, признаюсь, я этому радовалась. Какъ бы ни была мала эта сиротка, но я ни за что не ручаюсь. Вы меня понимаете? Она уже съ молокомъ всосала свое воспитаніе, свои привычки и, можетъ быть, прави-

ла. И не понимаю, что находить въ ней князь? Я тысячу разъ предлагала отдать ее въ пансіонъ.

Мадамъ Леотаръ вздумала было за меня заступиться, но княгиня уже рѣшила нашу разлуку. Тотчасъ послали за Катей и ужъ внизу объявили ей, что она со мной не увидится до слѣдующаго воскресенья, то есть ровно недѣлю.

Я узнала про все поздно вечеромъ, и была поражена ужасомъ; я думала о Катѣ, и мнѣ казалось, что она не перенесетъ нашей разлуки. Я приходила въ изступленіе отъ тоски, отъ горя, и въ ночь заболѣла; на утро пришелъ ко мнѣ князь и шепнулъ, чтобъ я надѣялась. Князь употребилъ всѣ свои усилія, но все было тщетно, княгиня не измѣняла намѣренія. Мало-по-малу я стала приходиться въ отчаяніе, у меня духъ захватывало отъ горя.

На третій день, утромъ, Настя принесла мнѣ записку отъ Кати. Катя писала карандашемъ, страшными каракулями, слѣдующее:

«Я тебя очень люблю. Сижу съ татан и все думаю, какъ къ тебѣ убѣжать. Но я убѣгу — я сказала, и потому не плачь. Напиши мнѣ, какъ ты меня любишь? А я тебя обнимала всю ночь во снѣ, ужасно страдала, Нѣточка. Посылаю тебѣ конфетъ. Прощай».

Я отвѣчала въ этомъ же родѣ. Весь день проплакала я надъ запиской Кати. Мадамъ Леотаръ замучила меня своими ласками. Вечеромъ я узнала, она пошла къ князю и сказала, что я непременно буду больна въ третій разъ, если не увижусь съ Катей, и что она раскаивается, что сказала княгинѣ. Я спрашивала Настю: что съ Катей? Она отвѣчала мнѣ, что Катя не плачетъ, но ужасно блѣдна.

На утро Настя шепнула мнѣ:

— Ступайте въ кабинетъ къ его сіятельству. Спуститесь по лѣстницѣ, которая справа.

Все во мнѣ оживилось предчувствіемъ. Задыхаясь отъ ожиданія, я сбѣжала внизъ и отворила дверь въ кабинетъ. Ея не было. Вдругъ Катя обхватила меня сзади и горячо поцѣловала. Смѣхъ, слезы... Мигомъ Катя вырвалась изъ моихъ объятій, вскарабкалась на отца, вскочила на его плечи, какъ бѣлка, но, не удержавшись, прыгнула съ нихъ на диванъ. За нею упалъ и князь. Княжна плакала отъ восторга.

— Папа, какой ты хорошій человѣкъ, папá!

— Шалуни вы! Что съ вами сдѣлалось? Что за дружба? Что за любовь?

— Молчи, папá, ты нашихъ дѣлъ не знаешь.

И мы снова бросились въ объятія другъ къ другу.

Я начала разсматривать ее ближе. Она похудѣла въ три дня. Румянецъ слинялъ съ ея личика, и блѣдность прокрадывалась на его мѣсто. Я заплакала съ горя.

Наконецъ, постучалась Настя. Знакъ, что хватились Кати и спрашиваютъ. Катя поблѣднѣла, какъ смерть.

— Полно, дѣти. Мы каждый день будемъ сходиться. Прощайте, и да благословить васъ Господь! — сказалъ князь.

Онъ былъ растроганъ, на насъ глядя; но рассчиталъ очень худо. Вечеромъ изъ Москвы пришло извѣстіе, что маленькій Саша внезапно заболѣлъ и при послѣднемъ издыханіи. Княгиня положила отправиться завтра же. Это случилось такъ скоро, что я ничего и не знала до самаго прощанія съ

княжной. На прощанъ настоящъ самъ князь, и княгиня едва согласилась. Княжна была какъ убитая. Я сбѣжала внизъ, не помня себя, и бросилась къ ней на шею. Дорожная карета ужъ ждала у подъѣзда. Катя вскрикнула, глядя на меня, и упала безъ чувствъ. Я бросилась цѣловать ее. Княгиня стала приводить ее въ память. Наконецъ, она очнулась и обняла меня снова.

— Прощай, Нѣточка! — сказала она мнѣ вдругъ, засмѣявшись съ неизъяснимымъ движеніемъ въ лицѣ; — ты не смотри на меня; это такъ; я не больна, я пріѣду черезъ мѣсяць опять. Тогда мы не разойдемся.

— Довольно, — сказала княгиня спокойно; — ѣдемъ!

Но княжна воротилась еще разъ. Она судорожно сжала меня въ объятіяхъ.

— Жизнь моя! — успѣла она прошептать, обнимая меня. — До свиданія!

Мы поцѣловались въ послѣдній разъ, и княжна исчезла — надолго, очень надолго. Прошло восемь лѣтъ до нашего свиданія!

Я нарочно рассказала такъ подробно этотъ эпизодъ моего дѣтства, перваго появленія Кати въ моей жизни. Но наши исторіи нераздѣльны. Ея романъ — мой романъ. Какъ будто суждено мнѣ было встрѣтить ее; какъ будто суждено ей было найти меня. Да и я не могла отказать себѣ въ удовольствіи перенестись еще разъ воспоминаніемъ въ мое дѣтство... Теперь рассказъ мой пойдетъ быстро. Жизнь моя вдругъ впала въ какое-то заатишье, и я какъ будто очнулась вновь, когда мнѣ ужъ минуло шестнадцать лѣтъ...

Но — нѣсколько словъ о томъ, что случилось со мною по отѣздѣ княжескаго семейства въ Москву.

Мы остались съ мадамъ Леотаръ.

Черезъ двѣ недѣли пріѣхалъ нарочный и объявилъ, что поѣздка въ Петербургъ отлагается на неопредѣленное время. Такъ какъ мадамъ Леотаръ, по семейнымъ обстоятельствамъ, не могла ѣхать въ Москву, то должность ея въ домѣ князя кончилась; но она осталась въ томъ же семействѣ и перешла къ старшей дочери княгини, Александрѣ Михайловнѣ.

Я еще ничего не сказала про Александру Михайловну, да и видѣла я ее всего одинъ разъ. Она была дочь княгини еще отъ перваго мужа. Происхожденіе и родство княгини было какое-то темное; первый мужъ ея былъ откупщикъ. Когда княгиня вышла замужъ вторично, то рѣшительно не знала, что ей дѣлать со старшей дочерью. На блестящую партію она надѣяться не могла. Приданое же давали за нею умѣренное; наконецъ, четыре года назадъ, сумѣли выдать ее за человѣка богатаго и въ значительныхъ чинахъ. Александра Михайловна поступила въ другое общество и увидѣла кругомъ себя другой свѣтъ. Княгиня посѣщала ее въ годъ по два раза; князь, отчимъ ея, посѣщалъ ее каждую недѣлю, вмѣстѣ съ Катей. Но въ послѣднее время княгиня не любила пускать Катю къ сестрѣ, и князь возилъ ее потихоньку. Катя обожала сестру. Но онѣ составляли цѣлый контрастъ характеровъ. Александра Михайловна была женщина лѣтъ двадцати-двухъ, тихая, нѣжная, любящая; словно какая-то затаенная грусть, какая-то скрытая сердечная боль сурово оттѣняли прекрасныя черты ея. Серьезность и суровость какая-то не шли къ ея ангельски-яснымъ чертамъ, словно трауръ къ ре-

бенку. Нельзя было взглянуть на нее, не почувствовавъ къ ней глубокой симпатіи. Она была блѣдна и, говорили, склонна къ чахоткѣ, когда я ее первый разъ видѣла. Жила она очень уединенно и не любила ни сѣздовъ у себя, ни выѣздовъ въ люди, — словно монастырка. Дѣтей у нея не было. Помню, она пріѣхала къ мадамъ Леотаръ, подошла ко мнѣ и съ глубокимъ чувствомъ поцѣловала меня. Съ ней былъ одинъ худощавый, довольно пожилой мужчина. Онъ прослезился, на меня глядя. Это былъ скрипачъ Б. Александра Михайловна обняла меня и спросила, хочу ли я жить у нея и быть ея дочерью. Посмотрѣвъ ей въ лицо, я узнала сестру моей Кати и обняла ее съ глухой болью въ сердцѣ, отъ которой заныла вся грудь моя... какъ будто кто-то еще разъ произнесъ надо мною: «сиротка!» Тогда Александра Михайловна показала мнѣ письмо отъ князя. Въ немъ было нѣсколько строкъ ко мнѣ, и я прочла ихъ съ глухими рыданіями. Князь благословлялъ меня на долгую жизнь и счастье, и просилъ любить другую дочь его. Катя приписала мнѣ тоже нѣсколько строкъ. Она писала, что не разлучается теперь съ матерью.

И вотъ, вечеромъ я вошла въ другую семью, въ другой домъ, къ новымъ людямъ, въ другой разъ оторвавъ сердце отъ всего, что мнѣ стало такъ мило, что было уже для меня родное. Я пріѣхала вся измученная, истерзанная отъ душевной тоски... Теперь начинается новая исторія.

VI.

Новая жизнь моя пошла такъ безмятежно и тихо, какъ будто я поселилась среди затворниковъ...

Я прожила у моихъ воспитателей слишкомъ восемь лѣтъ, и не помню, чтобы во все это время, кромѣ какихъ-нибудь нѣсколькихъ разъ, въ домѣ былъ званый вечеръ, обѣдъ, или какъ бы нибудь собрались родные, друзья и знакомые. Исключая двухъ-трехъ лицъ, которыя ѣзжали изрѣдка, музыканта Б., который былъ другомъ дома, да тѣхъ, которые бывали у мужа Александры Михайловны, почти всегда по дѣламъ, въ нашъ домъ болѣе никто не являлся. Мужъ Александры Михайловны постоянно былъ занятъ дѣлами и службою, и только изрѣдка могъ выгадывать хоть сколько-нибудь свободнаго времени, которое и дѣлилось поровну между семействомъ и свѣтскою жизнью. Значительныя связи, которыми пренебрегать было невозможно, заставляли его довольно часто напоминать о себѣ въ обществѣ. Почти всюду носилась молва о его неограниченномъ честолюбіи; но такъ какъ онъ пользовался репутаціей человѣка дѣловаго, серьезнаго, такъ какъ онъ занималъ весьма видное мѣсто, а счастье и удача какъ будто сами ловили его на дорогѣ, то общественное мнѣніе далеко не отнимало у него своей симпатіи. Даже было и болѣе. Къ нему всѣ постоянно чувствовали какое-то особенное участіе, въ которомъ, обратно, совершенно отказывали женѣ его. Александра Михайловна жила въ полномъ одиночествѣ; но она какъ будто и рада была тому. Ея тихій характеръ какъ будто созданъ былъ для затворничества.

Она привязана была ко мнѣ всей душой, любила меня какъ родное дитя свое, и я, еще съ неостывшими слезами отъ разлуки съ Катей, еще съ болѣвшимъ сердцемъ, жадно бросилась въ материн-

скія объятія моей благодѣтельницы. Съ тѣхъ поръ горячая моя любовь къ ней не прерывалась. Она была мнѣ мать, сестра, другъ, замѣнила мнѣ все на свѣтѣ и взлелѣяла мою юность. Къ тому же я скоро замѣтила инстинктомъ, предчувствіемъ, что судьба ея вовсе не такъ красна, какъ о томъ можно было судить съ перваго взгляда по ея тихой, казавшейся спокойною, жизни, по видимой свободѣ, по безмятежно-ясной улыбкѣ, которая такъ часто свѣтлѣла на лицѣ ея, и потому каждый день моего развитія объяснялъ мнѣ что-нибудь новое въ судьбѣ моей благодѣтельницы, что-то такое, что мучительно и медленно угадывалось сердцемъ моимъ, и вмѣстѣ съ грустнымъ сознаніемъ все болѣе и болѣе росла и крѣпла моя къ ней привязанность.

Характеръ ея былъ робокъ, слабъ. Смотря на ясныя, спокойныя черты лица ея, нельзя было предположить, съ перваго раза, чтобъ какая-нибудь тревога могла смутить ея праведное сердце. Помыслить нельзя было, чтобъ она могла не любить хоть кого-нибудь; состраданіе всегда брало въ ея душѣ верхъ даже надъ самымъ отвращеніемъ, — а между тѣмъ она привязана была къ немногимъ друзьямъ и жила въ полномъ уединеніи... Она была страстна и впечатлительна по натурѣ своей, но въ то же время какъ будто сама боялась своихъ впечатлѣній, какъ будто каждую минуту стерегла свое сердце, не давая ему забыться, хотя бы въ мечтаніи. Иногда вдругъ, среди самой свѣтлой минуты, я замѣчала слезы въ глазахъ ея; словно внезапное, тягостное воспоминаніе чего-то мучительно-терзавшаго ея совѣсть вспыхивало въ ея душѣ; какъ будто что-то стерегло ея счастье и враждебно смущало его. И чѣмъ, казалось, счастливѣе была

она, чѣмъ покойнѣе, яснѣе была минута ея жизни, тѣмъ ближе была тоска, тѣмъ вѣроятнѣе была внезапная грусть, слезы: какъ будто на нее находилъ припадокъ. Я не запомню ни одного спокойнаго мѣсяца въ цѣлыя восемь лѣтъ. Мужъ, повидимому, очень любилъ ее; она обожала его. Но съ перваго взгляда казалось, какъ будто что-то было недосказано между ними. Какая-то тайна была въ судьбѣ ея; по крайней мѣрѣ, я начала подозрѣвать съ первой минуты...

Мужъ Александры Михайловны съ перваго раза произвелъ на меня угрюмое впечатлѣніе. Это впечатлѣніе зародилось въ дѣтствѣ и уже никогда не изглаживалось. Съ виду это былъ человекъ высокій, худой и какъ будто съ намѣреніемъ скрывавшій свой взглядъ подъ большими зелеными очками. Онъ былъ не общителенъ, сухъ и даже глазъ на глазъ съ женой какъ будто не находилъ темы для разговора. Онъ видимо тяготился людьми. На меня онъ не обращалъ никакого вниманія, а между тѣмъ я, каждый разъ, когда, бывало, вечеромъ всѣ трое сойдемся въ гостиной Александры Михайловны пить чай, была сама не своя во время его присутствія. Украдкой взглядывала я на Александру Михайловну и съ тоскою замѣчала, что и она вся какъ будто обдумываетъ каждое свое движеніе, блѣднѣетъ, если замѣчаетъ, что мужъ становится особенно суровъ и угрюмъ, или внезапно вся покраснѣетъ, какъ будто услышавъ или угадавъ какой-нибудь намекъ въ какомъ-нибудь словѣ мужа. Я чувствовала, что ей тяжело быть съ нимъ вмѣстѣ, а между тѣмъ она, повидимому, жить не могла безъ него ни минуты. Меня поражало ея необыкновенно вниманіе къ нему, къ каждому его слову, къ

каждому движенію; какъ будто бы ей хотѣлось всѣми силами въ чемъ-то угодить ему, какъ будто она чувствовала, что ей не удавалось исполнить своего желанія. Она какъ будто выманивала у него одобренія: малѣйшая улыбка на его лицѣ, полслова ласковаго, и она была счастлива; точно какъ будто это были первыя минуты еще робкой, еще безнадежной любви. Она за мужемъ ухаживала какъ за труднымъ больнымъ. Когда же онъ уходилъ къ себѣ въ кабинетъ, пожавъ руку Александры Михайловны, на которую, какъ мнѣ казалось, смотрѣлъ всегда съ какимъ-то тягостнымъ для нея состраданіемъ, она вся перемѣнялась. Движенія, разговоръ ея точасъ же становились веселѣе, свободнѣе. Но какое-то смущеніе еще надолго оставалось въ ней послѣ cadaго свиданія съ мужемъ. Она тотчасъ же начинала припоминать каждое слово, имъ сказанное, какъ будто взвѣшивая всѣ слова его. Нерѣдко обращалась она ко мнѣ съ вопросомъ: такъ ли она слышала и такъ ли именно выразился Петръ Александровичъ? — какъ будто ища какого-то другого смысла въ томъ, что онъ говорилъ, и только, можетъ быть, цѣлый часъ спустя совершенно ободрялась, какъ будто убѣдившись, что онъ совершенно доволенъ ею, и что она напрасно тревожится. Тогда она вдругъ становилась добра, весела, радостна, цѣловала меня, смѣялась со мною, или подхаживала къ фортепіано и импровизировала на немъ часа два. Но нерѣдко радость ея вдругъ прерывалась: она начинала плакать, и когда я смотрѣла на нее вся въ тревогѣ, въ смущеніи, въ испугѣ, она тотчасъ увѣряла меня шепотомъ, какъ будто боясь, чтобъ насъ не услышали, что слезы ея такъ, ничего, что ей весело, и чтобъ я о ней не мучилась.

Случалось, что въ отсутствіе мужа она вдругъ начинала тревожиться, спрашивать о немъ, беспокоиться: посылала узнать, что онъ дѣлаетъ, разузнавала отъ своей дѣвушки, зачѣмъ приказано подавать лошадей, и куда онъ хочетъ ѣхать, не боленъ ли онъ, веселъ или скученъ, что говорилъ и т. д. О дѣлахъ и занятіяхъ его она какъ будто не смѣла съ нимъ сама заговаривать. Когда онъ совѣтовалъ ей что-нибудь или просилъ о чемъ, она выслушивала его такъ покорно, такъ робѣла за себя, какъ будто была его раба. Она очень любила, чтобъ онъ похвалилъ что-нибудь у ней, какую-нибудь вещь, книгу, какое-нибудь ея рукодѣлье. Она какъ будто тщеславилась этимъ и тотчасъ дѣлалась счастлива. Но радостямъ ея не было конца, когда онъ, невзначай (что было очень рѣдко), вздумаетъ приласкать малютокъ дѣтей, которыхъ было двое. Лицо ея преображалось, сіяло счастьемъ, и въ эти минуты ей случалось даже *слишкомъ* увлечься своею радостью передъ мужемъ. Она, на примѣръ, даже до того простирала смѣлость, что вдругъ сама, безъ его вызова, предлагала ему, конечно, съ робостью и трепещущимъ голосомъ, чтобъ онъ или выслушивалъ новую музыку, которую она получила, или сказалъ свое мнѣніе о какой-нибудь книгѣ, или даже позволилъ ей прочесть себѣ страницу-другую какого-нибудь автора, который въ тотъ день произвелъ на нее особенное впечатлѣніе. Иногда мужъ благосклонно исполнялъ всѣ желанія ея и даже снисходительно ей улыбался, какъ улыбаются баловнику-дитяти, которому не хотять отказать въ иной странной прихоти, боясь преждевременно и враждебно смутить его наивность. Но, не знаю почему — меня до глубины души возмущали

эта улыбка, это высокоомѣрное снисхожденіе, это неравенство между ними; я молчала, удерживалась и только прилежно слѣдила за ними съ ребяческимъ любопытствомъ, но съ преждевременно суровой думой. Въ другой разъ я замѣчала, что онъ вдругъ какъ будто невольно спохватится, какъ будто опомнится; какъ будто онъ внезапно, черезъ силу и противъ воли, вспомнить о чемъ-то тяжеломъ, ужасномъ, неизбѣжномъ, мигомъ снисходительная улыбка исчезаетъ съ лица его, и глаза его вдругъ устремляются на оторопѣвшую жену съ такимъ состраданіемъ, отъ котораго я вздрагивала, которое, какъ теперь сознаю, если бъ было ко мнѣ, то я бы измучилась. Въ ту же минуту радость исчезала съ лица Александры Михайловны. Музыка или чтеніе прерывались. Она блѣднѣла, но крѣпилась и молчала. Наступала непріятная минута, тоскливая минута, которая иногда долго длилась. Наконецъ, мужъ прерывалъ ее. Онъ подымался съ мѣста, какъ будто черезъ силу подавляя въ себѣ досаду и волненіе, и, пройдя нѣсколько разъ по комнатѣ въ угрюмомъ молчаніи, жаль руку женѣ, глубоко вздыхалъ и, въ очевидномъ смущеніи, сказавъ нѣсколько отрывистыхъ словъ, въ которыхъ какъ бы проглядывало желаніе утѣшить жену, выходилъ изъ комнаты, а Александра Михайловна ударялась въ слезы или впадала въ страшную, долгую грусть. Часто онъ благословлялъ и крестилъ ее, какъ ребенка, прощаясь съ ней съ вечера, и она принимала его благословеніе со слезами благодарности и съ благоговѣніемъ. Но не могу забыть нѣсколькихъ вечеровъ въ нашемъ домѣ (въ цѣлыя восемь лѣтъ — двухъ-трехъ, не болѣе), когда Александра Михайловна какъ будто вдругъ вся перемѣнялась. Какой-

то гнѣвъ, какое-то негодованіе отражались на обыкновенно тихомъ лицѣ ея, вмѣсто всегдашняго самоуниженія и благоговѣнія къ мужу. Иногда цѣлый часъ приготовлялась гроза; мужъ становился молчаливѣе, суровѣе и угрюмѣе обыкновеннаго. Наконецъ, большое сердце бѣдной женщины какъ будто не выносило. Она начинала прерывающимся отъ волненія голосомъ разговоръ, сначала отрывистый, безсвязный, полный какихъ-то намековъ и горькихъ недомолвокъ; потомъ, какъ будто не вынося тоски своей, вдругъ разрѣшалась слезами, рыданіями, а затѣмъ слѣдовалъ взрывъ негодованія, укоровъ, жалобъ, отчаянія, — словно она впадала въ болѣзненный кризисъ. И тогда нужно было видѣть, съ какимъ терпѣніемъ выносилъ это мужъ, съ какимъ участіемъ склонялъ ее успокоиться, цѣловалъ ея руки и даже, наконецъ, начиналъ плакать вмѣстѣ съ нею; тогда вдругъ она какъ будто опомнится, какъ будто совѣсть крикнетъ на нее и уличить въ преступленіи. Слезы мужа потрясали ее, и она, ломая руки, въ отчаяніи, съ судорожными рыданіями, у ногъ его вымаливала о прощеніи, которое тотчасъ же получала. Но еще надолго продолжались мученія ея совѣсти, слезы и моленія простить ее, и еще робче, еще трепетнѣе становилась она передъ нимъ на цѣлые мѣсяцы. Я ничего не могла понять въ этихъ укорахъ и упрекахъ; меня же и высылали въ это время изъ комнаты, и всегда очень неловко. Но скрыться совершенно отъ меня не могли. Я наблюдала, замѣчала, угадывала, и съ самага начала вселилось въ меня темное подозрѣніе, что какая-то тайна лежитъ на всемъ этомъ, что эти внезапные взрывы уязвленнаго сердца не простой, нервный кризисъ; что недаромъ же всегда хмурень

мужъ, что недаромъ это какъ будто двусмысленное состраданіе его къ бѣдной, больной женѣ, что не даромъ всегдашняя робость и трепеть ея передъ нимъ, и эта смиренная, странная любовь, которую она даже не смѣла проявить предъ мужемъ, что не даромъ это уединеніе, эта монастырская жизнь, эта краска и эта внезапная смертная блѣдность на лицѣ ея въ присутствіи мужа.

Но такъ какъ подобныя сцены съ мужемъ были очень рѣдки; такъ какъ жизнь наша была очень однообразна и я уже слишкомъ близко къ ней при-смотрѣлась; такъ какъ, наконецъ, я развивалась и росла очень быстро и много ужъ начало пробуждаться во мнѣ новаго, хотя безсознательнаго, отвлекавшаго меня отъ моихъ наблюденій, то я и привыкла, наконецъ, къ этой жизни, къ этимъ обычаямъ и къ характерамъ, которые меня окружали. Я, конечно, не могла не задуматься подчасъ, глядя на Александру Михайловну, но думы мои покамѣстъ не разрѣшались ничѣмъ. Я же крѣпко любила ее, уважала ея тоску, и потому боялась смущать ея подымчивое сердце своимъ любопытствомъ. Она понимала меня, и сколько разъ готова была благодарить меня за мою къ ней привязанность! То, замѣтивъ заботу мою, улыбалась нерѣдко сквозь слезы и сама шутила надъ частыми слезами своими; то вдругъ начнетъ рассказывать мнѣ, что она очень довольна, очень счастлива, что къ ней всѣ такъ добры, что всѣ тѣ, которыхъ она знала, до сихъ поръ такъ любили ее, что ее очень мучаетъ то, что Петръ Александровичъ вѣчно тоскуетъ о ней, о ея душевномъ спокойствіи, тогда какъ она, напротивъ, такъ счастлива, такъ счастлива!.. И тутъ она обнимала меня съ такимъ глубокимъ чувствомъ, та-

кою любовью свѣтилось лицо ея, что сердце мое, если можно сказать, какъ-то болѣло сочувствіемъ къ ней.

Черты лица ея никогда не изгладятся изъ моей памяти. Онѣ были правильны, а худоба и блѣдность, казалось, еще болѣе возвышали строгую прелесть ея красоты. Густѣйшіе черные волосы, зачесанные гладко книзу, бросали суровую, рѣзкую тѣнь на окраины щекъ; но, казалось, тѣмъ любовнѣе поражалъ васъ контрастъ ея нѣжнаго взгляда, большихъ дѣтски-ясныхъ голубыхъ глазъ, на которомъ отражалось подчасъ такъ много наивнаго, не смѣлаго, какъ бы незащищеннаго, какъ будто боявшагося за каждое ощущеніе, за каждый порывъ сердца: и за мгновенную радость, и за частую тихую грусть. Но въ иную счастливую, нетревожную минуту, въ этомъ взглядѣ, пронизавшемъ въ сердце, было столько яснаго, свѣтлаго какъ день, столько праведно-спокойнаго; эти глаза, голубые какъ небо, сіяли такою любовью, смотрѣли такъ сладко, въ нихъ отражалось всегда такое глубокое чувство симпатіи ко всему, что было благородно, ко всему, что просило любви, молило о состраданіи, — что вся душа покорялась ей, невольно стремилась къ ней и, казалось, отъ нея же принимала и эту ясность, и это спокойствіе духа, и примиреніе, и любовь. Такъ въ иной разъ засмотришься на голубое небо и чувствуешь, что готовъ пробыть цѣлые часы въ сладостномъ созерцаніи, и что свободнѣе, спокойнѣе становится въ эти минуты душа, точно въ ней, какъ будто въ тихой пеленѣ воды, отразился величайшій куполь небесный. Когда же — и это такъ часто случалось — одушевленіе нагоняло краску на ея лицо, и грудь ея колыхалась отъ

волненія, тогда глаза ея блестѣли какъ молнія, какъ будто металы искры, какъ будто вся ея душа, цѣломудренно сохранившая чистый пламень прекраснаго, теперь ее воодушевившаго, переселялась въ нихъ. Въ эти минуты она была какъ вдохновенная. И въ такихъ внезапныхъ порывахъ увлеченія, въ такихъ переходахъ отъ тихаго, робкаго настроенія духа къ просвѣтленному, высокому одушевленію, къ чистому, строгому энтузіазму, вмѣстѣ съ тѣмъ было столько наивнаго, дѣтски-скараго, столько младенческаго вѣрованія, что художникъ, кажется, полжизни бы отдалъ, чтобъ подмѣтить такую минуту свѣтлаго восторга и перенести это вдохновенное лицо на полотно.

Съ первыхъ дней моихъ въ этомъ домѣ, я увидѣла, что она даже обрадовалась мнѣ въ своемъ уединеніи. Тогда еще у ней было только одно дитя, и только годъ какъ она была матерью. Но я вполнѣ была ея дочерью, и различій между мной и своими она дѣлать не могла. Съ какимъ жаромъ она принялась за мое воспитаніе! Она такъ заторопилась вначалѣ, что мадамъ Леотаръ невольно улыбалась, на нее глядя. Въ самомъ дѣлѣ, мы было взяли вдругъ за все, такъ что и не поняли было другъ друга. Напримѣръ, она взялась учить меня сама и вдругъ очень многому, но такъ многому, что выходило съ ея стороны больше горячки, больше жару, болѣе любовнаго нетерпѣнія, чѣмъ истинной пользы для меня. Сначала она была огорчена своимъ неумѣньемъ; но, разсмѣявшись, мы принялись сызнова, хотя Александра Михайловна, несмотря на первую неудачу, смѣло объявила себя противъ системы мадамъ Леотаръ. Онѣ спорили смѣясь, но новая воспитательница моя наотрѣзъ объявила се-

бя противъ всякой системы, утверждая, что мы съ нею оцупью найдемъ настоящую дорогу, что нечего мнѣ набивать голову сухими познаніями, и что весь успѣхъ зависитъ отъ уразумѣнія моихъ инстинктовъ и отъ умѣнія возбудить во мнѣ добрую волю, — и она была права, потому что вполнѣ одерживала побѣду. Во-первыхъ, съ самаго начала совершенно исчезли роли ученицы и наставницы. Мы учились какъ двѣ подруги, и иногда дѣлалось такъ, что какъ будто я учила Александру Михайловну, не замѣчая хитрости. Такъ, между нами часто рождались споры, и я изъ всѣхъ силъ горячилась, чтобъ доказать дѣло, какъ я его понимаю, и незамѣтно Александра Михайловна выводила меня на настоящій путь. Но кончалось тѣмъ, что когда мы доберемся до истины, я тотчасъ догадывалась, изобличала уловку Александры Михайловны и, взвѣсивъ всѣ ея старанія со мной, нерѣдко цѣлые часы, пожертвованные такимъ образомъ для моей пользы, я бросалась къ ней на шею и крѣпко обнимала ее послѣ каждаго урока. Моя чувствительность изумляла и трогала ее даже до недоумѣнія. Она съ любопытствомъ начинала спрашивать о моемъ прошедшемъ, желая услышать его отъ меня, и каждый разъ послѣ моихъ рассказовъ становилась со мной нѣжнѣе и серьезнѣе, — серьезнѣе, потому что я, съ моимъ несчастнымъ дѣтствомъ, внушала ей, вмѣстѣ съ состраданіемъ, какъ будто какое-то уваженіе. Послѣ моихъ признаній, мы пускались обыкновенно въ долгіе разговоры, которыми она мнѣ же объясняла мое прошлое, такъ что я дѣйствительно какъ будто вновь переживала его и многому вновь научилась. Мадамъ Леотаръ часто находила эти разговоры слишкомъ серьезными и, видя мои

невольныя слезы, считала ихъ совсѣмъ не у мѣста. Я же думала совершенно напротивъ, потому что послѣ этихъ уроковъ мнѣ становилось такъ легко и сладко, какъ будто и не было въ моей судьбѣ ничего несчастнаго. Сверхъ того, я была слишкомъ благодарна Александрѣ Михайловнѣ за то, что съ каждымъ днемъ она все болѣе и болѣе заставляла такъ любить себя. Мадамъ Леотаръ и невдомекъ было, что такимъ образомъ, мало-по-малу, уравнивалось и приходило въ стройную гармонію все, что прежде поднималось изъ души неправильно, преждевременно-бурно, и до чего доходило мое дѣтское сердце, все изъязвленное, съ мучительною болью, такъ что несправедливо ожесточалось оно и плакалось на эту боль, не понимая, откуда удары.

День начинался тѣмъ, что мы обѣ сходились въ дѣтской, у ея ребенка, будили его, одѣвали, убирали, кормили его, забавляли, учили его говорить. Наконецъ, мы оставляли ребенка и садились за дѣло. Учились мы многому, но Богъ знаетъ какая это была наука. Тутъ было все, и вмѣстѣ съ тѣмъ ничего опредѣленнаго. Мы читали, рассказывали другъ другу свои впечатлѣнія, бросали книгу для музыки, и цѣлые часы летѣли незамѣтно. По вечерамъ часто приходилъ Б., другъ Александры Михайловны, приходила мадамъ Леотаръ; нерѣдко начинался разговоръ самый жаркій, горячій, объ искусствѣ, о жизни (которую мы въ нашемъ кружкѣ знали только по наслышкѣ), о дѣйствительности, объ идеалахъ, о прошедшемъ и будущемъ, и мы засиживались за полночь. Я слушала изъ всѣхъ силъ, воспламенялась вмѣстѣ съ другими, смѣялась, или была растрогана, и тутъ-то узнала я въ подробности все то, что касалось до моего отца и до моего

перваго дѣтства. Между тѣмъ я росла; мнѣ нанимали учителей, отъ которыхъ, безъ Александры Михайловны, я бы ничему не научилась. Съ учителемъ географіи я бы только ослѣпла, отыскивая на картѣ города и рѣки. Съ Александрой Михайловной мы пускались въ такія путешествія, перебивали въ такихъ странахъ, видѣли столько диковинъ, пережили столько восторженныхъ, столько фантастическихъ часовъ, и такъ сильно было обоюдное рвеніе, что книгъ, прочитанныхъ ею, наконецъ, рѣшительно не достало: мы принуждены были приниматься за новыя книги. Скоро я могла сама показывать моему учителю географіи, хотя все-таки, нужно отдать ему справедливость, онъ до конца сохранилъ передо мной превосходство въ полномъ и совершенно опредѣлительномъ познаніи градусовъ, подъ которыми лежалъ какой-нибудь городокъ, и тысячъ, сотенъ и даже тѣхъ десятковъ жителей, которые въ немъ заключались. Учителю исторіи платились деньги тоже чрезвычайно исправно; но, по уходѣ его, мы съ Александрой Михайловной исторію учили по-своему: брались за книги и зачитывались иногда до глубины ночи, или, лучше сказать, читала Александра Михайловна, потому что она же и держала цензуру. Никогда я не испытывала болѣе восторга, какъ послѣ этого чтенія. Мы одушевлялись обѣ, какъ будто сами были героями. Конечно, между строчками читалось больше, чѣмъ въ строчкахъ; Александра Михайловна, кромѣ того, прекрасно рассказывала, такъ, какъ будто при ней случилось все, о чемъ мы читали. Но пусть будетъ, пожалуй, смѣшно, что мы такъ воспламенялись и просиживали за полночь, я — ребенокъ, она — уязвленное сердце, такъ тяжело переносив-

шее жизнь! Я знала, что она какъ будто отдыхала подлѣ меня. Припоминаю, что подчасъ я странно задумывалась, на нее глядя, я угадывала, и прежде чѣмъ я начала жить, я уже угадала многое въ жизни.

Наконецъ, мнѣ минуло тринадцать лѣтъ. Между тѣмъ здоровье Александры Михайловны становилось все хуже и хуже. Она дѣлалась раздражительнѣе, припадки ея безвыходной грусти ожесточеннѣе, визиты мужа начались чаще, и просиживалъ онъ съ нею, разумѣется, какъ и прежде, почти молча, суровый и хмурый, все больше и больше времени. Ея судьба стала сильнѣе занимать меня. Я выходила изъ дѣтства, во мнѣ ужъ сформировалось много новыхъ впечатлѣній, наблюдений, увлечений, догадокъ; ясно, что загадка, бывшая въ этомъ семействѣ, все болѣе и болѣе стала мучить меня. Были минуты, въ которыя мнѣ казалось, что я что-то помню въ этой загадкѣ. Въ другое время я впадала въ равнодушіе, въ апатію, даже въ досаду, и забывала свое любопытство, не находя ни на одинъ вопросъ разрѣшенія. Порой — и это случалось все чаще и чаще — я испытывала странную потребность оставаться одной и думать, все думать: моя настоящая минута похожа была на то время, когда еще я жила у родителей, и когда вначалѣ, прежде чѣмъ сошлась съ отцомъ, цѣлый годъ думала, соображала, приглядывалась изъ своего угла на свѣтъ Божій, такъ что, наконецъ, совсѣмъ одичала среди фантастическихъ призраковъ, мною же созданныхъ. Разница была въ томъ, что теперь было больше нетерпѣнія, больше тоски, болѣе новыхъ, безсознательныхъ порывовъ, болѣе жажды къ движенію, къ подымчивости, такъ что сосредоточиться

на одномъ, какъ было прежде, я не могла. Съ своей стороны, Александра Михайловна какъ будто сама стала болѣе удаляться меня. Въ этомъ возрастѣ я уже почти не могла ей быть подругой. Я была не ребенокъ, я слишкомъ о многомъ спрашивала и подчасъ смотрѣла на нее такъ, что она должна была потуплять глаза предо мною. Были странныя минуты. Я не могла видѣть ея слезъ, и часто слезы накали въ моихъ глазахъ, глядя на нее. Я бросалась къ ней на шею и горячо обнимала ее. Чтò она могла отвѣчать мнѣ? Я чувствовала, что была ей въ тягость. Но въ другое время — и это было тяжелое, грустное время — она сама, какъ будто въ какомъ-то отчаяніи, судорожно обнимала меня, какъ будто искала моего участія, какъ будто не могла выносить своего одиночества, какъ будто я ужъ понимала ее, какъ будто мы страдали съ ней вмѣстѣ. Но между нами все-таки оставалась тайна, это было очевидно, и я ужъ сама начала удаляться отъ нея въ эти минуты. Мнѣ тяжело было съ ней. Кромѣ того, насъ ужъ мало что соединяло, одна музыка. Но музыку стали ей запрещать доктора. Книжки? Но здѣсь было всего труднѣе. Она рѣшительно не знала, какъ читать со мною. Мы, конечно, остановились бы на первой страницѣ: каждое слово могло быть намекомъ, каждая незначащая фраза — загадкой. Отъ разговора вдвоемъ, горячаго, душевнаго, мы обѣ бѣжали.

И вотъ, въ это время судьба внезапно и неожиданно повернула мою жизнь чрезвычайно страннымъ образомъ. Мое вниманіе, мои чувства, сердце, голова, — все разомъ, съ напряженною силою, доходившею даже до энтузіазма, обратилось вдругъ къ другой, совсѣмъ неожиданной дѣятельности, и я

сама, не замѣтивъ того, вся перенеслась въ новый мѣръ; мнѣ некогда было обернуться, осмотрѣться, одуматься; я могла погибнуть, даже чувствовала это; но соблазнъ былъ сильнѣе страха, и я пошла наудачу, закрывши глаза. И надолго отвлеклась я отъ той дѣйствительности, которая такъ начинала тяготить меня, и въ которой я такъ жадно и бесполезно искала выхода. Вотъ что такое это было, и вотъ какъ оно случилось.

Изъ столовой было три выхода: одинъ въ большія комнаты, другой въ мою и въ дѣтскія, а третій велъ въ библіотеку. Изъ библіотеки былъ еще другой ходъ, отдѣлявшійся отъ моей комнаты только однимъ рабочимъ кабинетомъ, въ которомъ обыкновенно помѣщался помощникъ Петра Александровича въ дѣлахъ, его переписчикъ, его сподручникъ, бывший въ одно и то же время его секретаремъ и факторомъ. Ключъ отъ шкафовъ и библіотеки хранился у него. Однажды, послѣ обѣда, когда его не было дома, я нашла этотъ ключъ на полу. Меня взяло любопытство, и, вооружась своей находкой, я вошла въ библіотеку. Это была довольно большая комната, очень свѣтлая, установленная кругомъ восемью большими шкафами, полными книгъ. Книгъ было очень много, и изъ нихъ большая часть досталась Петру Александровичу какъ-то по наслѣдству. Другая часть книгъ собрана была Александрой Михайловной, которая покупала ихъ безпрестанно. До сихъ поръ мнѣ давали читать съ большою осмотрительностью, такъ что я безъ труда догадалась, что мнѣ многое запрещаютъ, и что многое для меня тайна. Вотъ почему я съ неудержимымъ любопытствомъ, въ припадкѣ страха и радости и какого-то особеннаго, безотчетнаго чув-

ства отворила первый шкафъ и вынула первую книгу. Въ этомъ шкафѣ были романы. Я взяла одинъ изъ нихъ, затворила шкафъ и унесла къ себѣ книгу съ такимъ страннымъ ощущеніемъ, съ такимъ біеніемъ и замираніемъ сердца, какъ будто я почувствовала, что въ моей жизни совершается большой переворотъ. Войдя къ себѣ въ комнату, я заперлась и раскрыла романъ. Но читать я не могла; у меня была другая забота: мнѣ сначала нужно было уладить прочно и окончательно свое обладаніе библіотекой такъ, чтобъ никто того не зналъ, и чтобъ возможность имѣть всякую книгу во всякое время осталась при мнѣ. И потому я отложила свое наслажденіе до болѣе удобной минуты, книгу отнесла назадъ, а ключъ утаила у себя. Я утаила его, и — это былъ первый дурной поступокъ въ моей жизни. Я ждала послѣдствій; онѣ уладились чрезвычайно благопріятно: секретарь и помощникъ Петра Александровича, проискавъ ключа цѣлый вечеръ и часть ночи со свѣчою на полу, рѣшился на утро призвать слесаря, который изъ связки принесенныхъ имъ ключей прибралъ новый. Тѣмъ дѣло и кончилось, а о пропажѣ ключа никто болѣе ничего не слыхалъ; я же повела дѣло такъ осторожно и хитро, что пошла въ библіотеку только чрезъ недѣлю, совершенно увѣрившись въ полной безопасности насчетъ всѣхъ подозрѣній. Сначала я выбирала время, когда секретаря не было дома; потомъ же стала заходить изъ столовой, потому что письмоводитель Петра Александровича имѣлъ у себя только ключъ въ карманѣ, а въ дальнѣйшія сношенія съ книгами никогда не вступалъ, и потому даже не входилъ въ комнату, въ которой онѣ находились.

Я начала читать съ жадностью, и скоро чтеніе увлекло меня совершенно. Всѣ новыя потребности мои, всѣ недавнія стремленія, всѣ еще неясные порывы моего отроческаго возраста, такъ безпокойно и мятежно возставшіе было въ душѣ моей, нетерпѣливо вызванные моимъ слишкомъ раннимъ развитіемъ, — все это вдругъ уклонилось въ другой, неожиданно-представшій исходъ надолго, какъ будто вполне удовлетворившись новою пищею, какъ будто найдя себѣ правильный путь. Скоро сердце и голова моя были такъ очарованы, скоро фантазія моя развилась такъ широко, что я какъ будто забыла весь міръ, который доселѣ окружалъ меня. Казалось, сама судьба остановила меня на порогѣ въ новую жизнь, въ которую я такъ порывалась, о которой гадала день и ночь, и прежде чѣмъ пустить меня въ невѣдомый путь, взвела меня на высоту, показавъ мнѣ будущее въ волшебной панорамѣ, въ заманчивой, блестящей перспективѣ. Мнѣ суждено было пережить всю эту будущность, вычитавъ ее сначала изъ книгъ, пережить въ мечтахъ, въ надеждахъ, въ страстныхъ порывахъ, въ сладостномъ волненіи юнаго духа. Я начала чтеніе безъ разбора, съ первой попавшейся мнѣ подъ руку книги, но судьба хранила меня: то, что я узнала и выжила до сихъ поръ, было такъ благородно, такъ строго, что теперь меня не могла уже соблазнить какая-нибудь лукавая, нечистая страница. Меня хранилъ мой дѣтскій инстинктъ, мой ранній возрастъ и все мое прошедшее. Теперь же сознание какъ будто вдругъ освѣтило для меня всю прошлую жизнь мою. Дѣйствительно, почти каждая страница, прочитанная мною, была мнѣ ужъ какъ будто знакома, какъ будто уже давно прожита; какъ будто всѣ эти стра-

сти, вся эта жизнь, представшая передо мною въ такихъ неожиданныхъ формахъ, въ такихъ волшебныхъ картинахъ, уже была мною испытана. И какъ не завлечься было мнѣ до забвенія настоящаго, почти до отчужденія отъ дѣйствительности, когда передо мной, въ каждой книгѣ, прочитанной мною, воплощались законы той же судьбы, тотъ же духъ приключеній, который царилъ надъ жизнью человѣка, но истекая изъ какого-то главнаго закона жизни человѣческой, который былъ условіемъ спасенія, охраненія и счастья. Этотъ-то законъ, подозрѣваемый мною, я и старалась угадать всѣми силами, всѣми своими инстинктами, возбужденными во мнѣ почти какимъ-то чувствомъ самосохраненія. Меня какъ будто предувѣдомляли впередъ, какъ будто предостерегалъ кто-нибудь. Какъ будто что-то пророчески тѣснилось мнѣ въ душу, и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе крѣпла надежда въ душѣ моей, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе были мои порывы въ эту будущность, въ эту жизнь, которая каждодневно поражала меня въ прочитанномъ мною со всей силой, свойственной искусству, со всѣми обольщеніями поэзіи. Но, какъ я уже сказала, фантазія моя слишкомъ владычествовала надъ моимъ нетерпѣніемъ, и я, по правдѣ, была смѣла лишь въ мечтахъ, а на дѣлѣ инстинктивно робѣла передъ будущимъ. И потому, будто предварительно согласясь съ собой, я безсознательно положила довольствоваться покуда міромъ фантазіи, міромъ мечтательности, въ которомъ уже я одна была владычицей, въ которомъ были только одни обольщенія, однѣ радости, и самое несчастье, если и было допускаемо, то играло роль пассивную, роль переходную, роль необходимую для сладкихъ кон-

трастовъ и для внезапнаго поворота судьбы къ счастливой развязкѣ моихъ головныхъ, восторженныхъ романовъ. Такъ понимаю я теперь тогдашнее мое настроеніе.

И такая жизнь, жизнь фантазіи, жизнь рѣзкаго отчужденія отъ всего меня окружавшаго, могла продолжаться цѣлые три года!

Эта жизнь была моя тайна, и послѣ цѣлыхъ трехъ лѣтъ я еще не знала, бояться ли мнѣ ея внезапнаго оглашенія, или нѣтъ. То, что я пережила въ эти три года, было слишкомъ мнѣ родное, близкое. Во всѣхъ этихъ фантазіяхъ слишкомъ сильно отразилась я сама, до того, что, наконецъ, могла смутиться и испугаться чужого взгляда, чей бы онъ ни былъ, который бы неосторожно заглянулъ въ мою душу. Къ тому же мы всѣ, весь домъ нашъ, жили такъ уединенно, такъ внѣ общества, въ такой монастырской тиши, что невольно въ каждомъ изъ насъ должна была развиться сосредоточенность въ себѣ самомъ, какая-то потребность самозаключенія. То же и со мною случилось. Въ эти три года кругомъ меня ничего не преобразилось, все осталось попрежнему. Попрежнему царило между нами унылое однообразіе, которое, — какъ теперь думаю, если бъ я не была увлечена своей тайной, скрытной дѣятельностью, — истерзало бы мою душу и бросило бы меня въ неизвѣстный, мятежный исходъ изъ этого вялаго, тоскливаго круга, въ исходъ, можетъ быть, гибельный. Мадамъ Леотаръ постарѣла и почти совсѣмъ заключилась въ своей комнатѣ; дѣти были еще слишкомъ малы; Б. былъ слишкомъ однообразенъ, а мужъ Александры Михайловны — такой же суровый, такой же недоступный, такой же заключенный въ себя, какъ и пре-

жде. Между нимъ и женой попережнему была та же таинственность отношеній, которая мнѣ начала представляться все болѣе и болѣе въ грозномъ, суровомъ видѣ, я все болѣе и болѣе пугалась за Александрѣ Михайловнѣ. Жизнь ея, безотраднѣ, безцвѣтнѣ, видимо гасла въ глазахъ моихъ. Здоровье ея становилось почти съ каждымъ днемъ хуже и хуже. Какъ будто какое-то отчаяніе вступило, наконецъ, въ ея душу; она видимо была подъ гнетомъ чего-то невѣдомаго, неопредѣленнаго, въ чемъ и сама она не могла дать отчета, чего-то ужаснаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ ей самой непонятнаго, но которое она приняла какъ неизбѣжный крестъ своей осужденной жизни. Сердце ея ожесточалось, наконецъ, въ этой глухой мукѣ; даже умъ ея принялъ другое направленіе, темное, грустное. Особенно поразило меня одно наблюденіе: мнѣ казалось, что чѣмъ болѣе я входила въ лѣта, тѣмъ болѣе она какъ бы удалялась отъ меня, такъ что скрытность ея со мной обращалась даже въ какую-то нетерпѣливую досаду. Казалось, она даже не любила меня въ инѣя минуты; какъ будто я ей мѣшала. Я сказала, что стала нарочно удаляться ея и, удалившись разъ, какъ будто заразилась таинственностью ея же характера. Вотъ почему все, что я прожила въ эти три года, все, что сформировалось въ душѣ моей, въ мечтахъ, въ познаніяхъ, въ надеждахъ и въ страстныхъ восторгахъ, — все это упрямо осталось при мнѣ. Разъ затаившись другъ отъ друга, мы уже потомъ никогда не сошлись, хотя, кажется мнѣ, я люблю ее съ каждымъ днемъ еще болѣе прежняго. Безъ слезъ не могу вспомнить теперь о томъ, до какой степени она была привязана ко мнѣ, до какой степени она обяза-

лась въ своемъ сердцѣ расточать на меня все сокровище любви, которое въ немъ заключалось, и исполнить объѣтъ свой до конца — быть мнѣ матерью. Правда, собственное горе иногда надолго отвлекало ее отъ меня, она какъ будто забывала обо мнѣ, тѣмъ болѣе, что и я старалась не напоминать ей о себѣ, такъ что мои шестнадцать лѣтъ подошли, какъ будто никто того не замѣтилъ. Но въ минуты сознанія и болѣе яснаго взгляда кругомъ, Александра Михайловна какъ бы вдругъ начинала обо мнѣ тревожиться; она съ нетерпѣніемъ вызывала меня къ себѣ изъ моей комнаты, изъ-за моихъ уроковъ и занятій, закидывала меня вопросами, какъ будто испытывая, разузнавая меня, не различаясь со мной по цѣлымъ днямъ, угадывала всѣ побужденія мои, всѣ желанія, очевидно, заботясь о моемъ возрастѣ, о моей настоящей минутѣ, о будущности, и съ неистощимою любовью, съ какимъ-то благоговѣніемъ готовила мнѣ свою помощь. Но она уже очень отвыкла отъ меня и потому поступала иногда слишкомъ наивно, такъ что все это было мнѣ слишкомъ понятно и замѣтно. Напримѣръ, и это случилось, когда уже мнѣ былъ шестнадцатый годъ, она, перерывъ мои книги, разспросивъ, о томъ, что я читаю, и, найдя, что я не вышла еще изъ дѣтскихъ сочиненій для двѣнадцати-лѣтняго возраста, какъ будто вдругъ испугалась. Я догадалась въ чемъ дѣло и слѣдила за нею внимательно. Цѣлыя двѣ недѣли она какъ будто готовляла меня, испытывала меня, разузнавала степень моего развитія и степень моихъ потребностей. Наконецъ, она рѣшилась начать, и на столѣ нашемъ явился «Ивангое» Вальтеръ-Скотта, котораго я уже давно прочитала, и по крайней мѣрѣ раза

три. Сначала она, съ робкимъ ожиданіемъ слѣдила за моими впечатлѣніями, какъ будто взвѣшивала ихъ, словно боялась за нихъ; наконецъ, эта натянутость между нами, которая была мнѣ слишкомъ примѣтна, исчезла; мы воспламенились обѣ, и я такъ рада, такъ рада была, что могла уже передъ ней не скрываться! Когда мы кончили романъ, она была отъ меня въ восторгѣ. Каждое замѣчаніе мое, во время нашего чтенія, было вѣрно, каждое впечатлѣніе правильно. Въ глазахъ ея я уже развивалась слишкомъ далеко. Пораженная этимъ, въ восторгѣ отъ меня, она радостно принялась было опять слѣдить за моимъ воспитаніемъ, — она уже болѣе не хотѣла разлучаться со мной; но это было не въ ея волѣ. Судьба скоро опять разлучила насъ и помѣшала нашему сближенію. Для этого достаточно было перваго припадка болѣзни, припадка ея всегдашняго горя, а затѣмъ опять отчужденія, тайны, недовѣрчивости и, можетъ быть, даже ожесточенія.

Но и въ такое время иногда минута была внѣ нашей власти. Чтеніе, нѣсколько симпатичныхъ словъ, перемолвленныхъ между нами, музыка — и мы забывались, высказывались иногда черезъ мѣру, и послѣ того намъ становилось тяжело другъ передъ другомъ. Одумавшись, мы смотрѣли другъ на друга какъ испуганныя, съ подозрительнымъ любопытствомъ и съ недовѣрчивостью. У каждаго изъ насъ былъ свой предѣлъ, до котораго могло идти наше сближеніе; за него мы переступить не смѣли, хотя бы и хотѣли.

Однажды вечеромъ, передъ сумерками, я разсѣянно читала книгу въ кабинетѣ Александры Михайловны. Она сидѣла за фортепіано, импровизируя

на тему одного любимѣйшаго ею мотива италіанской музыки. Когда она перешла, наконецъ, въ чистую мелодію аріи, я, увлекшись музыкой, которая проникла мнѣ въ сердце, начала робко, вполголоса, напѣвать этотъ мотивъ про себя. Скоро увлекшись совсѣмъ, я встала съ мѣста и подошла къ фортепіано; Александра Михайловна, какъ бы угадавъ меня, перешла въ аккомпаниментъ и съ любовью слѣдила за каждой нотой моего голоса. Казалось, она была поражена богатствомъ его. До сихъ поръ я никогда при ней не пѣла, да и сама едва знала, есть ли у меня какія-нибудь средства. Теперь мы вдругъ одушевились обѣ. Я все болѣе и болѣе возвышала голосъ; во мнѣ возбуждалась энергія, страсть, разжигаемая еще болѣе радостнымъ изумленіемъ Александры Михайловны, которое я угадывала въ каждомъ тактѣ ея аккомпанимента. Наконецъ, пѣніе кончилось такъ удачно, съ такимъ одушевленіемъ, съ такою силою, что она въ восторгѣ схватила мои руки и радостно взглянула на меня.

— Аннета! Да у тебя чудный голосъ, — сказала она. — Боже мой! Какъ же это я не замѣтила!

— Я сама только сейчасъ замѣтила, — отвѣчала я внѣ себя отъ радости.

— Да благословить же тебя Богъ, мое милое, безцѣнное дитя! Благодари Его за этотъ даръ. Кто знаетъ... Ахъ, Боже мой, Боже мой!

Она была такъ растрогана неожиданностью, въ такомъ изступленіи отъ радости, что не знала, что мнѣ сказать, какъ приглубить меня. Это была одна изъ тѣхъ минутъ откровенія, взаимной симпатіи, сближенія, которыхъ уже давно не было съ

нами. Черезъ часъ какъ будто праздникъ насталь въ домѣ. Немедленно послали за Б. Въ ожиданіи его, мы наудачу раскрыли другую музыку, которая мнѣ была знакомѣе, и начали новую арію. Въ этотъ разъ я дрожала отъ робости. Мнѣ не хотѣлось неудачей разрушить первое впечатлѣніе. Но скоро мой же голосъ ободрилъ и поддержалъ меня. Я сама все болѣе и болѣе изумлялась его силѣ, и въ этотъ вторичный опытъ разсѣяно было всякое сомнѣніе. Въ припадкѣ своей нетерпѣливой радости, Александра Михайловна послала за дѣтьми, даже за няней дѣтей своихъ, и, наконецъ, увлекшись со-всѣмъ, пошла къ мужу и вызвала его изъ кабинета, о чемъ въ другое время едва бы помыслить осмѣлилась. Петръ Александровичъ выслушалъ новость благосклонно, поздравилъ меня и самъ первый объявилъ, что нужно меня учить. Александра Михайловна, счастливая отъ благодарности, какъ будто Богъ знаетъ что для нея было сдѣлано, бросилась цѣловать его руки. Наконецъ, явился Б. Старикъ былъ обрадованъ. Онъ меня очень любилъ, вспомнилъ о моемъ отцѣ, о прошедшемъ, и когда я спѣла передъ нимъ два-три раза, онъ съ серьезнымъ, съ озабоченнымъ видомъ, даже съ какою-то таинственностью объявилъ, что средства есть несомнѣнныя, можетъ быть, даже и талантъ, и что не учить меня невозможно. Потомъ тутъ же, какъ бы одумавшись, они оба положили съ Александрой Михайловной, что опасно слишкомъ захваливать меня въ самомъ началѣ, и я замѣтила, какъ тутъ же они перемигнулись и сговорились украдкой, такъ что весь ихъ заговоръ противъ меня вышелъ очень наивенъ и неловокъ. Я смѣялась про себя цѣлый вечеръ, видя, какъ потомъ, послѣ новаго,

пѣнія, они старались удерживаться и даже нарочно замѣчать вслухъ мои недостатки. Но они крѣпились недолго, и первый же измѣнилъ себѣ Б., снова расчувствовавшись отъ радости. Я никогда не подозрѣвала, чтобъ онъ такъ любилъ меня. Во весь вечеръ шелъ самый дружескій, самый теплый разговоръ. — Б. рассказалъ нѣсколько біографій извѣстныхъ пѣвцовъ и артистовъ, и рассказывалъ съ восторгомъ художника, съ благоговѣніемъ, растроганный. Затѣмъ, коснувшись отца моего, разговоръ перешелъ на меня, на мое дѣтство, на князя, на все семейство князя, о которомъ я такъ мало слышала съ самой разлуки. Но Александра Михайловна и сама немного знала о немъ. Всего болѣе зналъ Б., потому что не разъ ѣздилъ въ Москву. Но здѣсь разговоръ принялъ какое-то таинственное, загадочное для меня направленіе, и два-три обстоятельства, въ особенности касавшіяся князя, были для меня непонятны. Александра Михайловна заговорила о Катѣ, но Б. ничего не могъ сказать о ней особеннаго, и тоже какъ будто съ намѣреніемъ желалъ умолчать о ней. Это поразило меня. Я не только не позабыла Кати, не только не замолкла во мнѣ моя прежняя любовь къ ней, но даже напротивъ, я и не подумала ни разу, что въ Катѣ могла быть какая-нибудь переменѣна. Отъ вниманія моего ускользнули доселѣ и разлука, и эти долгіе годы, прожитые розно, въ которые мы не подали другъ другу никакой вѣсти о себѣ, и разность воспитанія, и разность характеровъ нашихъ. Наконецъ, Катя мысленно никогда не покидала меня: она какъ будто все еще жила со мною; особенно во всѣхъ моихъ мечтахъ, во всѣхъ моихъ романахъ и фантастическихъ приключені-

яхъ, мы всегда шли вмѣстѣ съ ней рука въ руку. Вообразивъ себя героиней каждаго прочитаннаго мною романа, я тотчасъ же помѣщала возлѣ себя свою подругу-княжну и раздвоивала романъ на двѣ части, изъ которыхъ одна, конечно, была создана мною, хотя я обкрадывала безпощадно моихъ любимыхъ авторовъ. Наконецъ, въ нашемъ семейномъ совѣтѣ положено было пригласить мнѣ учителя пѣнія. — Б. рекомендовалъ извѣстнѣйшаго и наилучшаго. На другой же день къ намъ пріѣхалъ итальянецъ Д., выслушалъ меня, повторилъ мнѣніе Б., своего пріятеля, но тутъ же объявилъ, что мнѣ будетъ гораздо болѣе пользы ходить учиться къ нему, вмѣстѣ съ другими его ученицами, что тутъ помогутъ развитію моего голоса и соревнованіе, и переимчивость, и богатство всѣхъ средствъ, которыя будутъ у меня подъ руками. Александра Михайловна согласилась, и съ этихъ поръ я ровно по три раза въ недѣлю отправлялась по утрамъ, въ восемь часовъ, въ сопровожденіи служанки, въ консерваторію.

Теперь я расскажу одно странное приключеніе, имѣвшее на меня слишкомъ сильное вліяніе и рѣзкимъ переломомъ начавшее во мнѣ новый возрастъ. Мнѣ минуло тогда шестнадцать лѣтъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ душѣ моей вдругъ настала какая-то непонятная апатія: какое-то нестерпимое, тоскливое затишье, непонятное мнѣ самой, постигло меня. Всѣ мои грѣзы, всѣ мои порывы вдругъ умолкли, даже самая мечтательность исчезла какъ бы отъ безсилія. Холодное равнодушіе замѣнило мѣсто прежняго, неопытнаго душевнаго жара. Даже дарованіе мое, принятое всѣми, кого я любила съ такимъ восторгомъ, лишилось моей симпа-

ти, и я безчувственно пренебрегала имъ. Ничто не развлекало меня, до того, что даже къ Александрѣ Михайловнѣ я чувствовала какое-то холодное равнодушіе, въ которомъ сама себя обвиняла, потому что не могла не сознаться въ томъ. Моя апатія прерывалась безотчетною грустью, внезапными слезами. Я искала уединенія. Въ эту странную минуту, странный случай потрясъ до основанія всю мою душу и обратилъ это затишье въ настоящую бурю. Сердце мое было уязвлено. Вотъ какъ это случилось.

VII.

Я вошла въ библіотеку (это будетъ навсегда памятная для меня минута) и взяла романъ Вальтеръ-Скотта «Сен-Ронанскія воды», единственный, который еще не прочитала. Помню, что язвительная, безпредметная тоска терзала меня какъ будто какимъ-то предчувствіемъ. Мнѣ хотѣлось плакать. Въ комнатѣ было ярко свѣтло отъ послѣднихъ косыхъ лучей заходящаго солнца, которые густо лились, въ высокія окна, на сверкающій паркетъ пола; было тихо; кругомъ въ сосѣднихъ комнатахъ тоже не было ни души. Петра Александровича не было дома, а Александра Михайловна была больна и лежала въ постели. Я, дѣйствительно, плакала и, раскрывъ вторую часть, безпредметно перелистывала ее, стараясь отыскать какой-нибудь смыслъ въ отрывочныхъ фразахъ, мелькавшихъ у меня передъ глазами. Я какъ будто гадала, какъ гадаютъ, раскрывая книгу наудачу. Бываютъ такія минуты, когда всѣ умственные и душевные силы, болѣзненно напрягаясь, какъ бы вдругъ вспыхнуть яркимъ пламенемъ сознанія, и въ это мгновеніе

что-то пророческое снится потрясенной душѣ, какъ бы томящейся предчувствіемъ будущаго, предвкушающей его. И такъ хочется жить, такъ просится жить весь вашъ составъ, и, воспламеняясь самой горячей, самой слѣпой надеждой, сердце какъ будто вызываетъ будущее, со всей его тайной, со всей неизвѣстностью, хотя бы съ бурями, съ грозами, но только бы съ жизнью. Моя минута именно была такова.

Припоминаю, что я именно закрыла книгу, чтобъ потомъ раскрыть наудачу и, загадавъ о моемъ будущемъ, прочесть выпавшую мнѣ страницу. Но, раскрывъ ее, я увидѣла исписанный листъ почтовой бумаги, сложенный вчетверо и такъ приплюснутый, такъ слежавшійся, какъ будто уже онъ нѣсколько лѣтъ былъ заложенъ въ книгу и забытъ въ ней. Съ крайнимъ любопытствомъ начала я осматривать свою находку. Это было письмо, безъ адреса, съ подписью двухъ начальныхъ буквъ С. О. Мое вниманіе удвоилось, я развернула чуть не слипшуюся бумагу, которая отъ долгаго лежанія между страницами оставила на нихъ во весь размѣръ свой свѣтлое мѣсто. Складки письма были истерты, выношены: видно было, что когда-то его часто перечитывали, берегли какъ драгоценность. Чернила посинѣли, выцвѣли, — ужъ слишкомъ давно какъ оно написано! Нѣсколько словъ бросилось мнѣ случайно въ глаза, и сердце мое забилося отъ ожиданія. Я въ смущеніи вертѣла письмо въ рукахъ, какъ бы нарочно отдаляя отъ себя минуту чтенія. Случайно я поднесла его къ свѣту: да! капли слезъ засохли на этихъ строчкахъ; пятна оставались на бумагѣ; кое-гдѣ цѣлыя буквы были смыты слезами. Чьи это слезы? Наконецъ, зами-

рая отъ ожиданія, я прочла половину первой страницы, и крикъ изумленія вырвался изъ груди моей. Я заперла шкафъ, поставила книгу на мѣсто и, спрятавъ письмо подъ косынку, побѣжала къ себѣ, заперлась и начала перечитывать опять сначала. Но сердце мое такъ колотилось, что слова и буквы мелькали и прыгали передъ глазами моими. Долгое время я ничего не понимала. Въ письмѣ было открытіе, начало тайны; оно поразило меня какъ молнія, потому что я узнала, къ кому оно было писано. Я знала, что я почти преступленіе сдѣлаю, прочитавъ это письмо; но минута была сильнѣе меня! Письмо было къ Александрѣ Михайловнѣ.

Вотъ это письмо; я привожу его здѣсь. Смутно поняла я, что въ немъ было, и потомъ долго не оставляли меня разгадка и тяжелая дума. Съ этой минуты какъ будто переломилась моя жизнь. Сердце мое было потрясено и возмущено надолго, почти навсегда, потому что многое вызвало это письмо за собою. Я вѣрно загадала о будущемъ.

Это письмо было прощальное, послѣднее, страшное; когда я прочла его, то почувствовала такое болѣзненное сжатіе сердца, какъ будто я сама все потеряла, какъ будто все навсегда отнялось отъ меня, даже мечты и надежды, какъ будто ничего болѣе не осталось при мнѣ, кромѣ ненужной болѣе жизни. Кто же онъ, писавшій это письмо? Какова была потомъ ея жизнь? Въ письмѣ было такъ много намековъ, такъ много данныхъ, что нельзя было ошибиться, такъ много и загадокъ, что нельзя было не потеряться въ предположеніяхъ. Но я почти не ошиблась; къ тому же, и слогъ письма, подсказывающій многое, подсказывалъ весь харак-

теръ этой связи, отъ которой разбились два сердца. Мысли, чувства писавшаго были наружу. Онѣ были слишкомъ особенны и, какъ я уже сказала, слишкомъ много подсказывали догадкѣ. Но вотъ это письмо; выписываю его отъ слова до слова:

«Ты не забудешь меня, ты сказала — я вѣрю, и вотъ отнынѣ вся жизнь моя въ этихъ словахъ твоихъ. — Намъ нужно разстаться, пробилъ нашъ часъ! Я давно это зналъ, моя тихая, моя грустная красавица, но только теперь понялъ. Во все наше время, во все время, какъ ты любила меня, у меня болѣло и ныло сердце за любовь нашу, и повѣришь ли? теперь мнѣ легче! Я давно зналъ, что этому будетъ такой конецъ, и такъ было прежде насъ суждено! Это судьба! Выслушай меня, Александра: мы были *неровня*; я всегда, *всегда это* чувствовалъ! Я былъ недостойнъ тебя, и я, одинъ я долженъ былъ нести наказаніе за прожитое счастье мое! Скажи: что я былъ передъ тобою, до той поры, какъ ты узнала меня? Боже! вотъ уже два года прошло, и я до сихъ поръ какъ будто безъ памяти; я до сихъ поръ не могу понять, за что ты меня полюбила! Я не понимаю, какъ дошло у насъ до того, съ чего началось. Помнишь ли, что я былъ въ сравненіи съ тобою? Достоинъ ли я былъ тебя, чѣмъ я взялъ, чѣмъ я особенно былъ отличенъ! До тебя я былъ грубъ и простъ, видъ мой былъ унылъ и угрюмъ. Жизни другой я не желалъ, не помышлялъ о ней, не звалъ ее и призывать не хотѣлъ. Все во мнѣ было какъ-то придавлено, и я не зналъ ничего на свѣтѣ важнѣе моей обыденной, срочной работы. Одна забота была у меня — завтрашній день; да и къ той я былъ равнодушень. Прежде, ужъ давно это было, мнѣ снилось что-то такое, и

я мечталъ какъ глупецъ. Но съ тѣхъ поръ ушло много-много времени, и я сталъ жить одиноко, сурово, спокойно, даже и не чувствуя холода, который леднилъ мое сердце. И оно заснуло. Я вѣдь зналъ и рѣшилъ, что для меня никогда не взойдетъ другого солнца, и вѣрилъ тому, и не ропталъ ни на что, потому что зналъ, что такъ должно было быть. Когда ты проходила мимо меня, вѣдь я не понималъ, что мнѣ можно смѣть поднять на тебя глаза. Я былъ какъ рабъ передъ тобою. Мое сердце не дрожало возлѣ тебя, не ныло, не вѣщало мнѣ про тебя: оно было покойно. Моя душа не узнавала твоей, хотя и свѣтло ей было возлѣ своей прекрасной сестры. Я это знаю; я глухо чувствовалъ это. Это я могъ чувствовать, затѣмъ что и на послѣднюю былинку проливается свѣтъ Божіей денницы и пригрѣваетъ и нѣжитъ ее такъ же, какъ и роскошный цвѣтокъ, возлѣ котораго смиренно прозябаетъ она. Когда же я узналъ все, помнишь, послѣ того вечера, послѣ тѣхъ словъ, которыя потрясли до основанія душу мою,— я былъ ослѣпленъ, пораженъ, все во мнѣ помутилось, и знаешь ли? Я такъ былъ пораженъ, такъ не повѣрилъ себѣ, что не понялъ тебя! Про это я тебѣ никогда не говорилъ. Ты ничего не знала; не таковъ я былъ прежде, какимъ ты застала меня. Если бъ я могъ, если бъ я смѣлъ говорить, я бы давно во всемъ признался тебѣ. Но я молчалъ, а теперь все скажу, затѣмъ, чтобъ ты знала, кого теперь оставляешь, съ какимъ человѣкомъ разстанешься! Знаешь ли, какъ я сначала понялъ тебя? Страсть, какъ огонь, охватила меня, какъ ядъ пролилась въ мою кровь; она смутила всѣ мои мысли и чувства, я былъ опьяненъ, я былъ какъ въ чаду и

отвѣчалъ на чистую, *сострадательную* любовь твою не какъ равный ровнѣ, не какъ достойный чистой любви твоей, а безъ сознанія, безъ сердца. Я не узналъ тебя. Я отвѣчалъ тебѣ какъ той, которая въ глазахъ моихъ *забылась до меня*, а не какъ той, которая хотѣла возвысить меня до себя. Знаешь ли, въ чемъ я подозрѣвалъ тебя, что значило это: *забылась до меня*? Но нѣтъ, я не оскорблю тебя своимъ признаніемъ; одно скажу тебѣ: ты горько во мнѣ ошиблась! Никогда, никогда я не могъ до тебя возвыситься. Я могъ только недоступно созерцать тебя въ безпредѣльной любви своей, когда понималъ тебя, но тѣмъ я не загладилъ вины своей. Страсть моя, возвышенная тобою, была не любовь, — любви я боялся; я не смѣлъ тебя полюбить; въ любви — взаимность, равенство, а ихъ я былъ недостойнъ... Я и не знаю, что было со мною! О! какъ мнѣ рассказать тебѣ это, какъ быть понятнымъ!.. Я не вѣрилъ сначала... О! помнишь ли, когда утихло первое волненіе мое, когда прояснился мой взоръ, когда осталось одно чистѣйшее, непорочное чувство, — тогда первымъ движеніемъ моимъ было удивленье, смущенье, страхъ, и помнишь, какъ я вдругъ, рыдая, бросился къ ногамъ твоимъ? Помнишь ли, какъ ты, смущенная, испуганная, со слезами спрашивала: что со мною? Я молчалъ, я не могъ отвѣчать тебѣ; но душа моя разрывалась на части; мое счастье давило меня какъ невыносимое бремя, и рыданія мои говорили во мнѣ: «за что мнѣ это? Чѣмъ я заслужилъ это? Чѣмъ я заслужилъ блаженство? Сестра моя, сестра моя! О! сколько разъ ты не знала того — сколько разъ, украдкой, я цѣловалъ твое платье, украдкой, потому что я зналъ, что недо-

стоишь тебя, — и духъ во мнѣ занимался тогда, и сердце мое билось медленно и крѣпко, словно хогѣло остановиться и замереть навсегда. Когда я брала твою руку, я весь блѣднѣлъ и дрожалъ; ты смущала меня чистотою души твоей. О, я не умѣю высказать тебѣ всего, что накопилось въ душѣ моей, и что такъ хочеть высказаться? Знаешь ли, что мнѣ тяжела, мучительна была подчасъ твоя сострадательная, всегдашняя нѣжность со мною? Когда ты поцѣловала меня (это случилось одинъ разъ, и я никогда того не забуду), — туманъ сталъ въ глазахъ моихъ, и весь духъ мой изнылъ во мгновение. Зачѣмъ я не умеръ въ эту минуту у ногъ твоихъ? Вотъ, я пишу тебѣ ты въ первый разъ, хотя ты давно мнѣ такъ приказала. Поймешь ли ты, что я хочу сказать? Я хочу тебѣ сказать все, и скажу это: да, ты много любишь меня, ты любила меня, какъ сестра любить брата; ты любила меня, какъ свое созданіе, потому что воскресила мое сердце, разбудила мой умъ отъ усыпленія и влила мнѣ въ грудь сладкую надежду; я же не могъ, не смѣлъ; я никогда доселѣ не называлъ тебя сестрою моею, затѣмъ что не могъ быть братомъ, затѣмъ что мы были неровня, затѣмъ что ты во мнѣ обманулась!

«Но ты видишь, я все пишу о себѣ, даже теперь, въ эту минуту страшнаго бѣдствія, я только о себѣ думаю, хотя и знаю, что ты мучаешься за меня. О, не мучься за меня, другъ мой милый! Знаешь ли, какъ я униженъ теперь въ собственныхъ глазахъ своихъ! Все это открылось, столько шуму пошло! Тебя за меня отвергнуть, въ тебя бросать презрѣньемъ, насмѣшкой, потому что я такъ низко стою въ ихъ глазахъ! О, какъ я виновень, что

былъ недостойнъ тебя! Хотя бы я имѣлъ важность, личную оцѣнку въ ихъ мнѣніи, внушалъ больше уваженія на ихъ глаза, они бы простили тебѣ! Но я низокъ, я ничтоженъ, я смѣшонъ, а ниже смѣшного ничего быть не можетъ. Вѣдь кто кричитъ? Вѣдь вотъ оттого, что эти уже стали кричать, я и упалъ духомъ; я всегда былъ слабъ. Знаешь ли, въ какомъ я теперь положеніи: я самъ смѣюсь надъ собой, и мнѣ кажется, они правду говорятъ, потому что я даже и себѣ смѣшонъ и ненавистенъ. Я это чувствую; я ненавижу даже лицо, фигуру свою, всѣ привычки, всѣ неблагородныя ухватки свои; я ихъ всегда ненавиждѣлъ! О, прости мнѣ мое грубое отчаяніе! Ты сама приучила меня говорить тебѣ все. Я погубилъ тебя, я навлекъ на тебя злобу и смѣхъ, потому что былъ тебя недостойнъ.

«И вотъ эта-то мысль меня мучаетъ; она стучитъ у меня въ головѣ непрерывно, и терзаетъ, и язвить мое сердце. И все кажется мнѣ, что ты любила не того человѣка, котораго думала во мнѣ найти, что ты обманулась во мнѣ. Вотъ что мнѣ больно, вотъ что теперь меня мучаетъ, и замучаетъ до смерти, или я съ ума сойду!

«Прощай же, прощай! Теперь, когда все открылось, когда раздались ихъ крики, ихъ пересуды (я слышалъ ихъ!), когда я умалился, унизился въ собственныхъ глазахъ своихъ, устыдясь за себя, устыдясь даже за тебя, за твой выборъ, когда я проклялъ себя, теперь мнѣ нужно бѣжать, исчезнуть для твоего покоя. Такъ требуютъ, и ты никогда, никогда меня не увидишь! Такъ нужно, такъ суждено! Мнѣ слишкомъ много было дано; судьба ошиблась; теперь она поправляетъ ошибку, и все

отнимаетъ назадъ. Мы сошлись, узнали другъ друга и вотъ расходимся до другого свиданія! Гдѣ оно будетъ, когда оно будетъ? О, скажи мнѣ, родная моя, гдѣ мы встрѣтимся, гдѣ найти мнѣ тебя, какъ узнать мнѣ тебя, узнаешь ли ты меня тогда? Вся душа моя полна тобою. О, за что же, за что это намъ? Зачѣмъ расстаемся мы? Научи — вѣдь я не понимаю, не пойму этого, никакъ не пойму — научи, какъ разорвать жизнь пополамъ, какъ вырвать сердце изъ груди и быть безъ него! О, какъ я вспомню, что болѣе никогда тебя не увижу, никогда, никогда!..

«Боже, какой они подняли крикъ! Какъ мнѣ страшно теперь за тебя! Я только что встрѣтилъ твоего мужа: мы оба недостойны его, хотя оба безгрѣшны предъ нимъ. Ему все извѣстно; онъ насъ видитъ; онъ понимаетъ все, и прежде все ему было ясно какъ день. Онъ геройски сталь за тебя; онъ спасетъ тебя; онъ защититъ тебя отъ этихъ пересудовъ и криковъ; онъ любитъ и уважаетъ тебя безпредѣльно; онъ твой спаситель, тогда какъ я бѣгу!.. Я бросился къ нему, я хотѣлъ цѣловать его руку!.. Онъ сказалъ мнѣ, чтобъ я ѣхалъ немедленно. Рѣшено! Говорятъ, что онъ поссорился изъ-за тебя съ ними со всѣми; тамъ всѣ противъ тебя! Его упрекаютъ въ потворствѣ и слабости. Боже мой! Что тамъ еще говорятъ о тебѣ! Они не знаютъ, они не могутъ, не въ силахъ понять! Прости, прости имъ, бѣдная моя, какъ я имъ прощаю; а они взяли у меня больше, чѣмъ у тебя!

«Я не помню себя, я не знаю, что пишу тебѣ. О чемъ я говорилъ тебѣ вчера при прощаньѣ? Я вѣдь все позабылъ. Я былъ внѣ себя, ты пла-

кала . . . Прости мнѣ эти слезы! Я такъ слабъ, такъ малодушенъ!

«Мнѣ еще что-то хотѣлось сказать тебѣ . . . Охъ! Еще бы только разъ облить твои руки слезами, какъ теперь я обливаю слезами письмо мое! Еще бы разъ быть у ногъ твоихъ! Если бъ они только знали, какъ прекрасно было твое чувство! Но они слѣпы; ихъ сердца горды и надменны; они не видятъ и вовѣкъ не увидятъ того. Имъ нечѣмъ увидѣть! Они не повѣрятъ, что ты невинна, даже передъ ихъ судомъ, хотя бы все на землѣ имъ въ томъ поклялось. Имъ ли это понять! Какъ же камень поднимутъ они на тебя? Чья первая рука подниметъ его? О, они не смутятся, они поднимутъ тысячи камней! Они осмѣлятся поднять ихъ, затаѣмъ что знаютъ, какъ это сдѣлать. Они поднимутъ всѣ разомъ и скажутъ, что они сами безгрѣшны, и грѣхъ возьмутъ на себя! О, если бъ знали они, что дѣлаютъ! Если бъ только можно было рассказать имъ все, безъ утайки, чтобъ видѣли, слышали, поняли и увѣрились! Но нѣтъ, они не такъ злы . . . Я теперь въ отчаяніи, я, можетъ быть, клевету на нихъ! Я, можетъ быть, пугаю тебя своимъ страхомъ! Не бойся, не бойся ихъ, родная моя! Тебя поймутъ; наконецъ, тебя уже понялъ одинъ: надѣйся, — это мужъ твой!

«Прощай, прощай! Я не благодарю тебя! Прощай навсегда!

«С. О».

Смущеніе мое было такъ велико, что я долгое время не могла понять, что со мной сдѣлалось. Я была потрясена и испугана. Дѣйствительность поразила меня врасплохъ, среди легкой жизни мечта-

ній, въ которыхъ я провела ужъ три года. Я со страхомъ чувствовала, что въ рукахъ моихъ большая тайна, и что эта тайна ужъ связываетъ все существованіе мое . . . Какъ? Я еще и сама не знала того. Я чувствовала, что только съ этой минуты для меня начинается новая будущность. Теперь я невольно стала слишкомъ близкой участницей въ жизни и въ отношеніяхъ тѣхъ людей, которые доселѣ заключали весь міръ меня окружавшій, и я боялась за себя. Чѣмъ войду я въ ихъ жизнь, я, непрошенная, я, чужая имъ? Что принесу я имъ? Чѣмъ разрѣшатся эти путы, которыя такъ внезапно приковали меня къ чужой тайнѣ? Почему знать? Можетъ быть, новая роль моя будетъ мучительна и для меня, и для нихъ. Я же не могла молчать, не принять этой роли и безвыходно заключить то, что узнала въ сердцѣ моемъ. Но какъ и что будетъ со мною? Что сдѣлаю я? И что такое, наконецъ, я узнала? Тысячи вопросовъ, еще смутныхъ, еще неясныхъ, вставали предо мною и уже нестерпимо тѣснили мнѣ сердце. Я была какъ потерянная.

Потомъ, помню, приходили другія минуты, съ новыми, странными, доселѣ неиспытанными мною впечатлѣніями. Я чувствовала, какъ будто что-то разрѣшилось въ груди моей, что прежняя тоска вдругъ разомъ отпала отъ сердца, и что-то новое начало наполнять его, что-то такое, о чемъ я не знала еще — горевать ли о немъ, или радоваться ему. Настоящее мгновеніе мое похоже было на то, когда человѣкъ покидаетъ навсегда свой домъ, жизнь доселѣ покойную, безмятежную, для далекаго невѣдомаго пути и въ послѣдній разъ оглядывается кругомъ себя, мысленно прощаясь съ сво-

имъ прошедшимъ, а между тѣмъ горько сердцу отъ тоскливаго предчувствія всего неизвѣстнаго будущаго, можетъ быть, суроваго, враждебнаго, которое ждетъ его на новой дорогѣ. Наконецъ, судорожныя рыданія вырвались изъ груди моей и болѣзненнымъ припадкомъ разрѣшили мое сердце. Мнѣ нужно было видѣть, слышать кого-нибудь, обнять, крѣпче-крѣпче. Я ужъ не могла, не хотѣла теперь оставаться одна; я бросилась къ Александрѣ Михайловнѣ и провела съ ней вечеръ. Мы были однѣ. Я просила ее не играть и отказалась пѣть, несмотря на просьбы ея. Все мнѣ стало вдругъ тяжело, и ни на чемъ я не могла остановиться. Кажется, мы съ ней плакали. Помню только, что я ее совсѣмъ перепугала. Она уговаривала меня успокоиться, не тревожиться. Она со страхомъ слѣдила за мной, увѣряя меня, что я больна, и что я не берегу себя. Наконецъ, я ушла отъ нея, вся измученная, истерзанная; я была словно въ бреду и легла въ постель въ лихорадкѣ.

Прошло нѣсколько дней, пока я могла придти въ себя и яснѣе осмыслить свое положеніе. Въ это время мы обѣ, я и Александра Михайловна, жили въ полномъ уединеніи. Петра Александровича не было въ Петербургѣ. Онъ поѣхалъ за какими-то дѣлами въ Москву и пробылъ тамъ три недѣли. Несмотря на короткій срокъ разлуки, Александра Михайловна впала въ ужасную тоску. Порой она становилась покойнѣе, но затворялась одна, такъ что и я была ей въ тягость. Къ тому же я сама искала уединенія. Голова моя работала въ какомъ-то болѣзненномъ напряженіи; я была какъ въ чаду. Порой на меня находили часы долгой, мучительно-безотвязной думы; мнѣ снилось тогда, что кто-то

словно смѣется надо мной потихоньку, какъ будто что-то такое поселилось во мнѣ, что смущаетъ и отравляетъ каждую мысль мою. Я не могла отвязаться отъ мучительныхъ образовъ, являвшихся предо мной поминутно и не дававшихъ мнѣ покоя. Мнѣ представлялось долгое, безвыходное страданіе, мученичество, жертва, приносимая покорно, безропотно и напрасно. Мнѣ казалось, что тотъ, кому принесена эта жертва, презираетъ ее и смѣется надъ ней. Мнѣ казалось, что я видѣла преступника, который прощаетъ грѣхи праведнику, и мое сердце разрывалось на части! Въ то же время мнѣ хотѣлось всѣми силами отвязаться отъ моего подозрѣнія; я проклинала его, я ненавидѣла себя за то, что всѣ мои убѣжденія были не убѣжденія, а только предчувствія, за то, что я не могла оправдать своихъ впечатлѣній сама предъ собою.

Потомъ перебирала я въ умѣ эти фразы, эти послѣдніе крики страшнаго прощанія. Я представляла себѣ этого человѣка — *неровню*; я старалась угадать весь мучительный смыслъ этого слова: «*неровня*». Мучительно поражало меня это отчаянное пощаніе: «я смѣшонъ, и самъ стыжусь за твой выборъ». Что это было? Какіе это люди? О чемъ они тоскуютъ, о чемъ мучаются, что потеряли они? Преодолевъ себя, я напряженно перечитывала опять это письмо, въ которомъ было столько терзающаго душу отчаянія, но смыслъ котораго былъ такъ страненъ, такъ неразрѣшимъ для меня. Но письмо выпало изъ рукъ моихъ, и мятежное волненіе все болѣе и болѣе охватывало мое сердце... Наконецъ, все это должно же было чѣмъ-нибудь разрѣшиться, а я не видала выхода, или боялась его!

Я была почти совсѣмъ больна, когда въ одинъ день на нашемъ дворѣ загремѣлъ экипажъ Петра Александровича, воротившагося изъ Москвы. Александра Михайловна съ радостнымъ крикомъ бросилась навстрѣчу мужу, но я остановилась на мѣстѣ, какъ прикованная. Помню, что я сама была поражена до испуга внезапнымъ волненіемъ своимъ. Я не выдержала и бросилась къ себѣ въ комнату. Я не понимала, чего я такъ вдругъ испугалась, но боялась за этотъ испугъ. Черезъ четверть часа меня позвали и передали мнѣ письмо отъ князя. Въ гостиной я встрѣтила какого-то незнакомаго, который пріѣхалъ съ Петромъ Александровичемъ изъ Москвы, и по нѣкоторымъ словамъ, удержаннымъ мною, я узнала, что онъ располагается у насъ на долгое житье. Это былъ уполномоченный князя, пріѣхавшій въ Петербургъ хлопотать по какимъ-то важнымъ дѣламъ княжескаго семейства, уже давно находившимся въ завѣдываніи Петра Александровича. Онъ подалъ мнѣ письмо отъ князя и прибавилъ, что княжна тоже хотѣла писать ко мнѣ, до послѣдней минуты увѣряла, что письмо будетъ непременно написано, но отпустила его съ пустыми руками и съ просьбою передать мнѣ, что писать ей ко мнѣ рѣшительно нечего, что въ письмѣ ничего не напишешь, что она испортила цѣлыхъ пять листовъ и потомъ изорвала все въ клочки, что, наконецъ, нужно вновь подружиться, чтобъ писать другъ къ другу. Затѣмъ она поручила увѣрить меня въ скоромъ свиданіи съ нею. Незнакомый господинъ отвѣчалъ на нетерпѣливый вопросъ мой, что вѣсть о скоромъ свиданіи дѣйствительно справедлива, и что все семейство очень скоро собирается прибыть въ Петербургъ. При этомъ извѣстіи я не

знала какъ быть отъ радости, поскорѣе ушла въ свою комнату, заперлась въ ней и, обливаясь слезами, раскрыла письмо князя. Князь обѣщалъ мнѣ скорое свиданіе съ нимъ и съ Катей, и съ глубокимъ чувствомъ поздравлялъ меня съ моимъ талантомъ; наконецъ, онъ благословлялъ меня на мое будущее и обѣщался устроить его. Я плакала, читая это письмо; но къ сладкимъ слезамъ моимъ примѣшивалась такая невыносимая грусть, что, помню, я за себя пугалась; я сама не знала, что со мной дѣлается.

Прошло нѣсколько дней. Въ комнатѣ, которая была рядомъ съ моею, гдѣ прежде помѣщался письмоводитель Петра Александровича, работалъ теперь каждое утро, и часто по вечерамъ полночь, новый пріѣзжій. Часто они запирались въ кабинетѣ Петра Александровича и работали вмѣстѣ. Однажды послѣ обѣда, Александра Михайловна попросила меня сходить въ кабинетъ мужа и спросить его, будетъ ли онъ съ нами пить чай. Не найдя никого въ кабинетѣ и полагая, что Петръ Александровичъ скоро войдетъ, я остановилась ждать. На стѣнѣ висѣлъ его портретъ. Помню, что я вдругъ вздрогнула, увидѣвъ этотъ портретъ, и съ непонятнымъ мнѣ самой волненіемъ начала пристально его разсматривать. Онъ висѣлъ довольно высоко; къ тому же было довольно темно, и я, чтобъ удобнѣе разсматривать, придвинула стулъ и стала на него. Мнѣ хотѣлось что-то сыскать, какъ будто я надѣялась найти разрѣшеніе сомнѣній моихъ, и, помню, прежде всего меня поразили глаза портрета. Меня поразило тутъ же, что я почти никогда не видала глазъ этого человѣка: онъ всегда пряталъ ихъ подъ очки.

Я еще въ дѣтствѣ не любила его взгляда, по непонятному, странному предубѣжденію, но какъ будто это предубѣжденіе теперь оправдалось. Воображеніе мое было настроено. Мнѣ вдругъ показалось, что глаза портрета съ смущеніемъ отворачиваются отъ моего пронзительно-испытующаго взгляда, что они силятся избѣгнуть его, что ложь и обманъ въ этихъ глазахъ; мнѣ показалось, что я угадала, и не понимаю, какая тайная радость откликнулась во мнѣ на мою догадку. Легкій крикъ вырвался изъ груди моей. Въ это время я услышала сзади шорохъ. Я оглянулась: передо мной стоялъ Петръ Александровичъ и внимательно смотрѣлъ на меня. Мнѣ показалось, что онъ вдругъ покраснѣлъ. Я вспыхнула и соскочила со стула.

— Что вы тутъ дѣлаете? — спросилъ онъ строгимъ голосомъ. — Зачѣмъ вы здѣсь?

Я не знала что отвѣчать. Немного оправившись, я передала ему кое-какъ приглашеніе Александры Михайловны. Не помню, что онъ отвѣчалъ мнѣ, не помню, какъ я вышла изъ кабинета; но, придя къ Александрѣ Михайловнѣ, я совершенно забыла отвѣтъ, котораго она ожидала, и наугадъ сказала, что будетъ.

— Но что съ тобой, НѢточка? — спросила она: — ты вся раскраснѣлась; посмотри на себя. Что съ тобой?

— Я не знаю . . . я скоро шла . . . — отвѣчала я.

— Тебѣ что же сказалъ Петръ Александровичъ? — перебила она съ смущеніемъ.

Я не отвѣчала. Въ это время слышались шаги Петра Александровича, и я тотчасъ же вышла изъ комнаты. Я ждала цѣлые два часа въ большой тоскѣ. Наконецъ, пришли звать меня къ Алексан-

дрѣ Михайловнѣ. Александра Михайловна была молчалива и озабочена. Когда я вошла, она быстро и пытливо посмотрѣла на меня, но тотчасъ же опустила глаза. Мнѣ показалось, что какое-то смущеніе отразилось на лицѣ ея. Скоро я замѣтила, что она была въ дурномъ расположеніи духа, говорила мало, на меня не глядѣла совсѣмъ, и въ отвѣтъ на заботливые вопросы Б. жаловалась на головную боль. Петръ Александровичъ былъ разговорчивѣе всегдашняго, но говорилъ только съ Б.

Александра Михайловна разсѣянно подошла къ фортепіано.

— Спойте намъ что-нибудь, — сказалъ Б., обращаясь ко мнѣ.

— Да, Аннета, спой твою новую арію, — подхватила Александра Михайловна, какъ будто обрадовавшись предлогу.

Я взглянула на нее; она смотрѣла на меня въ безпокойномъ ожиданіи.

Но я не умѣла преодолѣть себя. Вмѣсто того, чтобы подойти къ фортепіано и пропѣть хоть какъ-нибудь, я смутилась, запуталась, не знала какъ отговориться; наконецъ, досада одолѣла меня, и я отказалась наотрѣзъ.

— Отчего же ты не хочешь пѣть? — сказала Александра Михайловна, значительно взглянувъ на меня и въ то же время мимоходомъ на мужа.

Эти два взгляда вывели меня изъ терпѣнія. Я встала изъ-за стола въ крайнемъ замѣшательствѣ, но, уже не скрывая его и дрожа отъ какого-то не-терпѣливаго и досаднаго ощущенія, повторила съ горячностью, что не хочу, не могу, нездорова. Говоря это, я глядѣла всѣмъ въ глаза, но Богъ знаетъ,

какъ бы желала быть въ своей комнатѣ въ ту минуту и затаиться отъ всѣхъ.

Б. былъ удивленъ, Александра Михайловна была въ примѣтной тоскѣ и не говорила ни слова. Но Петръ Александровичъ вдругъ всталъ со стула и сказалъ, что онъ забылъ одно дѣло, и, повидимому, въ досадѣ, что упустилъ нужное время, поспѣшно вышелъ изъ комнаты, предупѣдомивъ, что, можетъ быть, зайдетъ позже, а, впрочемъ, на всякій случай пожалъ руку Б., въ знакъ прощанія.

— Что съ вами, наконецъ, такое? — спросилъ Б., — по лицу вы въ самомъ дѣлѣ больны.

— Да, я нездорова, очень нездорова, — отвѣчала я съ нетерпѣніемъ.

— Дѣйствительно, ты блѣдна, а давеча была такая красная, — замѣтила Александра Михайловна и вдругъ остановилась.

— Полноте! — сказала я, прямо подходя къ ней и пристально посмотрѣвъ ей въ глаза. Бѣдная не выдержала моего взгляда, опустила глаза, какъ виноватая, и легкая краска облила ея блѣдныя щеки. Я взяла ея руку и поцѣловала ее. Александра Михайловна посмотрѣла на меня съ непритворною, наивною радостью. — Простите меня, что я была такой злой, такой дурной ребенокъ сегодня, — сказала я ей съ чувствомъ, — но, право, я больна. Не сердитесь же и отпустите меня...

— Мы всѣ дѣти, — сказала она съ робкой улыбкой, — да и я ребенокъ, хуже, гораздо хуже тебя, — прибавила она мнѣ на ухо. — Прощай, будь здорова. Только, ради Бога, не сердись на меня.

— За что? — спросила я, — такъ поразило меня такое наивное признаніе.

— За что? — повторила она въ ужасномъ смущеніи, даже какъ будто испугавшись за себя, — за что? Ну, видишь, какая я, Нѣточка. Что это я тебѣ сказала? Прощай! Ты умнѣе меня... А я хуже, чѣмъ ребенокъ.

— Ну, довольно, — отвѣчала я, вся растроганная, не зная, что ей сказать. Поцѣловавъ ее еще разъ, я поспѣшно вышла изъ комнаты.

Мнѣ было ужасно досадно и грустно. Къ тому же я злилась на себя, чувствуя, что я неосторожна и не умѣю вести себя. Мнѣ было чего-то стыдно до слезъ, и я заснула въ глубокой тоскѣ. Когда же я проснулась на утро, первую мысль моею было, что весь вчерашній вечеръ — чистый призракъ, миражъ, что мы только мистифицировали другъ друга, заторопились, дали видъ цѣлаго приключенія пустякамъ, и что все произошло отъ неопытности, отъ непривычки нашей принимать внѣшнія впечатлѣнія. Я чувствовала, что всему виновато это письмо, что оно меня слишкомъ беспокоитъ, что воображеніе мое разстроено, и рѣшила, что лучше я впередъ не буду ни о чемъ думать. Разрѣшивъ такъ необыкновенно легко всю тоску свою и въ полномъ убѣжденіи, что я такъ же легко и исполню, что порѣшила, я стала спокойнѣе и отправилась на урокъ пѣнія совсѣмъ развеселившись. Утренній воздухъ окончательно освѣжилъ мою голову. Я очень любила свои утреннія путешествія къ моему учителю. Такъ весело было проходить городъ, который къ девятому часу уже совсѣмъ оживлялся и заботливо начиналъ обыденную жизнь. Мы обыкновенно проходили по самымъ живучимъ, по самымъ кропотливымъ улицамъ, и мнѣ такъ нравилась такая обстановка начала моей артистической

жизни, контрастъ между этой повседневной мелочью, маленькой, но живой, заботой и искусствомъ, которое ожидало меня въ двухъ шагахъ отъ этой жизни, въ третьемъ этажѣ огромнаго дома, набитаго сверху до низу жильцами, которымъ, какъ мнѣ казалось, ровно нѣтъ никакого дѣла ни до какого искусства. Я между этими дѣловыми, сердитыми прохожими, съ тетрадью нотъ подмышкой; старуха Наталья, провожавшая меня и каждый разъ задававшая мнѣ, себѣ невѣдомо, разрѣшить задачу: о чемъ она всего болѣе думаетъ? — наконецъ, мой учитель, полу-итальянецъ, полу-французъ, чудакъ, минутами настоящій энтузіастъ, гораздо чаще педантъ и всего больше скряга, — все это развлекало меня, заставляло меня смѣяться или задумываться. Къ тому же я хоть и робко, но со страстной надеждой любила свое искусство, строила воздушные замки, выкраивала себѣ самое чудесное будущее, и нерѣдко, возвращаясь, была будто въ огнѣ отъ своихъ фантазій. Однимъ словомъ, въ эти часы я была почти счастлива.

Именно такая минута посѣтила меня и въ этотъ разъ, когда я, въ десять часовъ, воротилась съ урока домой. Я забыла про все и, помню, такъ радостно размечталась о чемъ-то. Но вдругъ, всходя на лѣстницу, я вздрогнула, какъ будто меня обожгли. Надо мной раздался голосъ Петра Александровича, который въ эту минуту сходилъ съ лѣстницы. Неприятное чувство, овладѣвшее мной, было такъ велико, воспоминаніе о вчерашнемъ такъ враждебно поразило меня, что я никакъ не могла скрыть своей тоски. Я слегка поклонилась ему, но, вѣроятно, лицо мое было такъ выразительно въ эту минуту, что онъ остановился передо мной въ уди-

вленіи. Замѣтивъ движеніе его, я покраснѣла и быстро пошла наверхъ. Онъ пробормоталъ что-то мнѣ вслѣдъ и пошелъ своею дорогою.

Я готова была плакать съ досады и не могла понять, что это такое дѣлалось. Все утро я была сама не своя и не знала на что рѣшиться, чтобы кончить и раздѣлаться со всѣмъ поскорѣе. Тысячу разъ я давала себѣ слово быть благоразумнѣе, и тысячу разъ страхъ за себя овладѣвалъ мною. Я чувствовала, что ненавиждѣла мужа Александры Михайловны, и въ то же время была въ отчаяніи за себя. Въ этотъ разъ, отъ непрерывнаго волненія, я сдѣлалась серьезно нездоровой и уже никакъ не могла совладать съ собою. Мнѣ стало досадно на всѣхъ; я все утро просидѣла у себя и даже не пошла къ Александрѣ Михайловнѣ. Она пришла сама. Взглянувъ на меня, она чуть не вскрикнула. Я была такъ блѣдна, что, посмотрѣвъ въ зеркало, сама себя испугалась. Александра Михайловна сидѣла со мною цѣлый часъ, ухаживала за мной какъ за ребенкомъ.

Но мнѣ стало грустно отъ ея вниманія, такъ тяжело отъ ея ласкъ, такъ мучительно было смотрѣть на нее, что я попросила, наконецъ, оставить меня одну. Она ушла въ большемъ безпокойствѣ за меня. Наконецъ, тоска моя разрѣшилась слезами и припадкомъ. Къ вечеру мнѣ сдѣлалось легче . . .

Легче, потому что я рѣшилась идти къ ней. Я рѣшилась броситься передъ ней на колѣни, отдать ей письмо, которое она потеряла, и признаться ей во всемъ: признаться во всѣхъ мученіяхъ, перенесенныхъ мною, во всѣхъ сомнѣніяхъ своихъ, обнять ее со всей безконечною любовью, которая пылала

во мнѣ къ ней, къ моей страдалицѣ, сказать ей, что я дитя ея, другъ ея, что мое сердце передъ ней открыто, чтобъ она взглянула на него и увидѣла, сколько въ немъ самаго пламеннаго, самаго непоколебимаго чувства къ ней. Боже мой! Я знала, я чувствовала, что я послѣдняя, передъ которой она могла открыть свое сердце, но тѣмъ вѣрнѣе, казалось мнѣ, было спасеніе, тѣмъ могущественнѣе было бы слово мое . . . Хотя темно, неясно, но я понимала тоску ея, и сердце мое кипѣло негодованіемъ при мысли, что она можетъ краснѣть передо мною, передъ моимъ судомъ . . . Бѣдная, бѣдная моя, ты ли та грѣшница? Вотъ что скажу я ей, заплакавъ у ногъ ея. Чувство справедливости возмутилось во мнѣ, я была въ изступленіи. Не знаю, что бы я сдѣлала; но уже потомъ только я опомнилась, когда неожиданный случай спасъ меня и ее отъ гибели, остановивъ меня почти на первомъ шагу. Ужасъ нашелъ на меня. Ея ли замученному сердцу воскреснуть для надежды? Я бы однимъ ударомъ убила ее!

Вотъ что случилось: я уже была за двѣ комнаты до ея кабинета, когда изъ боковыхъ дверей вышелъ Петръ Александровичъ и, не замѣтивъ меня, пошелъ передо мною. Онъ тоже шелъ къ ней. Я остановилась какъ вкопанная; онъ былъ послѣдній человѣкъ, котораго я бы должна была встрѣтить въ такую минуту. Я было хотѣла уйти, но любопытство внезапно приковало меня къ мѣсту.

Онъ на минуту остановился передъ зеркаломъ, поправилъ волосы, и, къ величайшему изумленію, я вдругъ услышала, что онъ напѣваетъ какую-то пѣсню. Мигомъ одно темное, далекое воспоминаіе дѣтства моего воскресло въ моей памяти.

Чтобъ понятно было то странное ощущеніе, которое я почувствовала въ эту минуту, я расскажу это воспоминаніе. Еще въ первый годъ моего въ этомъ домѣ пребыванія, меня глубоко поразили одинъ случай, только теперь озарившій мое сознаніе, потому что только теперь, только въ эту минуту осмыслила я начало своей необъяснимой антипатіи къ этому человѣку! Я упоминала уже, что еще въ то время мнѣ всегда было при немъ тяжело. Я уже говорила, какое тоскливое впечатлѣніе производилъ на меня его нахмуренный, озабоченный видъ, выраженіе лица, нерѣдко грустное и убитое: какъ тяжело было мнѣ послѣ тѣхъ часовъ, которые проводили мы вмѣстѣ за чайнымъ столикомъ Александры Михайловны, и, наконецъ, какая мучительная тоска надрывала сердце мое, когда мнѣ приходилось быть, раза два или три, чуть не свидѣтельницей тѣхъ угрюмыхъ, темныхъ сценъ, о которыхъ я уже упоминала вначалѣ. Случилось, что тогда я встрѣтилась съ нимъ такъ же, какъ и теперь, въ этой же комнатѣ, въ этотъ же часъ, когда онъ, такъ же какъ и я, шелъ къ Александрѣ Михайловнѣ. Я чувствовала чисто дѣтскую робость, встрѣчаясь съ нимъ одна, и потому притаилась въ углу какъ виноватая, моля судьбу, чтобъ онъ меня не замѣтилъ. Точно такъ же, какъ теперь, онъ остановился передъ зеркаломъ, и я вздрогнула отъ какого-то неопредѣленнаго, недѣтскаго чувства. Мнѣ показалось, что онъ какъ будто передѣлываетъ свое лицо. По крайней мѣрѣ, я видѣла ясно улыбку на лицѣ его передъ тѣмъ, какъ онъ подходилъ къ зеркалу; я видѣла смѣхъ, чего прежде никогда отъ него не видала, потому что (помню, это всего болѣе поразило меня) онъ никогда не смѣялся

передь Александрой Михайловной. Вдругъ, едва только онъ успѣлъ взглянуть въ зеркало, лицо его совсѣмъ измѣнилось. Улыбка исчезла, какъ по приказу, и на мѣсто ея какое-то горькое чувство, какъ будто невольно, черезъ силу пробивавшееся изъ сердца, чувство, котораго не въ человѣческихъ силахъ было скрыть, несмотря ни на какое великодушное усиліе, искривило его губы, какая-то судорожная боль нагнала морщины на лобъ его и сдвинула ему брови. Взглядъ мрачно спрятался подь очки, — словомъ, онъ въ одинъ мигъ, какъ будто по командѣ, сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Помню, что я, ребенокъ, задрожала отъ страха, отъ боязни понять то, что я видѣла, и съ тѣхъ поръ тяжелое, непріятное впечатлѣніе безвыходно заключилось въ сердцѣ моемъ. Посмотрѣвшись съ минутой въ зеркало, онъ понурилъ голову, сгорбился, какъ обыкновенно являлся передь Александрой Михайловной, и на цыпочкахъ пошелъ въ ея кабинетъ. Вотъ это-то воспоминаніе поразило меня.

И тогда, какъ и теперь, онъ думалъ, что онъ одинъ и остановился передь этимъ же зеркаломъ. Какъ и тогда, я съ враждебнымъ, непріятнымъ чувствомъ очутилась съ нимъ вмѣстѣ. Но когда я услышала это пѣніе (пѣніе отъ него, отъ котораго такъ невозможно было ожидать чего-нибудь подобнаго), которое поразило меня такой неожиданностью, что я осталась на мѣстѣ какъ прикованная, когда въ ту же минуту сходство напомнило мнѣ почти такое же мгновеніе моего дѣтства, — тогда, не могу передать, какое язвительное впечатлѣніе кольнуло мнѣ сердце. Всѣ нервы мои вздрогнули, и въ отвѣтъ на эту несчастную пѣсню я разразилась такимъ смѣхомъ, что бѣдный пѣвецъ вскрик-

нуль, отскочилъ два шага отъ зеркала, и, блѣдный какъ смерть, какъ безславно пойманный съ полицнымъ, глядѣлъ на меня въ изступленіи отъ ужаса, отъ удивленія и бѣшенства. Его взглядъ болѣзненно подѣйствовалъ на меня. Я отвѣчала ему нервнымъ, истерическимъ смѣхомъ прямо въ глаза, прошла, смѣясь, мимо него и вошла, не переставая хохотать, къ Александрѣ Михайловнѣ. Я знала, что онъ стоитъ за портьерами, что, можетъ быть, онъ колеблется, не зная, войти или нѣтъ, что бѣшенство и трусость приковали его къ мѣсту, — и съ какимъ-то раздраженнымъ, вызывающимъ нетерпѣніемъ я ожидала, на что онъ рѣшится; я готова была побиться объ закладъ, что онъ не войдетъ, и я выиграла. Онъ вошелъ только черезъ полчаса. Александра Михайловна долгое время смотрѣла на меня въ крайнемъ изумленіи. Но тщетно допрашивала она, что со мною? Я не могла отвѣчать, я задыхалась. Наконецъ, она поняла, что я въ нервномъ припадкѣ, и съ безпокойствомъ смотрѣла за мною. Отдохнувъ, я взяла ея руки и начала цѣловать ихъ. Только теперь я одумалась, и только теперь пришло мнѣ въ голову, что я бы убила ее, если бъ не встрѣча съ мужемъ. Я смотрѣла на нее какъ на воскресшую.

Вошелъ Петръ Александровичъ.

Я взглянула на него мелькомъ; онъ смотрѣлъ такъ, какъ будто между нами ничего не случилось, то есть былъ суровъ и угрюмъ по-всегдашнему. Но по блѣдному лицу и слегка вздрагивавшимъ краямъ губъ его я догадалась, что онъ едва скрываетъ свое волненіе. Онъ поздоровался съ Александрой Михайловной холодно и молча сѣлъ на мѣсто. Рука его дрожала, когда онъ бралъ чашку чая. Я ожи-

дала взрыва, и на меня напалъ какой-то безотчетный страхъ. Я уже хотѣла было уйти, но не рѣшалась оставить Александру Михайловну, которая измѣнилась въ лицѣ, глядя на мужа. Она тоже предчувствовала что-то недоброе. Наконецъ, то, чего я ожидала съ такимъ страхомъ, случилось.

Среди глубокаго молчанія я подняла глаза и встрѣтила очки Петра Александровича, направленные прямо на меня. Это было такъ неожиданно, что я вздрогнула, чуть не вскрикнула и потупилась. Александра Михайловна замѣтила мое движеніе.

— Что съ вами? Отчего вы покраснѣли? — раздался рѣзкій и грубый голосъ Петра Александровича.

Я молчала; сердце мое колотилось такъ, что я не могла вымолвить слова.

— Отчего она покраснѣла? Отчего она все краснѣетъ? — спросилъ онъ, обращаясь къ Александрѣ Михайловнѣ, нагло указывая ей на меня.

Негодование захватывало мнѣ духъ. Я бросила умоляющій взглядъ на Александру Михайловну. Она поняла меня. Блѣдныя щеки ея вспыхнули.

— Аннета, — сказала она мнѣ твердымъ голосомъ, котораго я никакъ не ожидала отъ нея, — поди къ себѣ, я черезъ минуту къ тебѣ приду: мы проведемъ вечеръ вмѣстѣ...

— Я васъ спрашиваю, слышали ли меня или нѣтъ? — прервалъ Петръ Александровичъ, еще болѣе возвышая голосъ и какъ будто не слыхавъ, что сказала жена. — Отчего вы краснѣете, когда встрѣчаетесь со мной? Отвѣчайте!

— Оттого, что вы заставляете ее краснѣть, и меня такъ же, — отвѣчала Александра Михайловна прерывающимся отъ волненія голосомъ.

Я съ удивленіемъ взглянула на Александру Михайловну. Пылкость ея возраженія съ перваго раза была мнѣ совсѣмъ непонятна.

— Я заставляю васъ краснѣть, я? — отвѣчалъ ей Петръ Александровичъ, казалось, тоже внѣ себя отъ изумленія, и сильно ударяя на слово я. — *За меня вы краснѣли?* Да развѣ я могу васъ заставить краснѣть за *меня*? *Вамъ*, а не мнѣ краснѣть, какъ вы думаете?

Эта фраза была такъ понятна для меня, сказана съ такой ожесточенной, язвительной насмѣшкой, что я вскрикнула отъ ужаса и бросилась къ Александрѣ Михайловнѣ. Изумленіе, боль, укоръ и ужасъ изображались на смертельно-поблѣднѣвшемъ лицѣ ея. Я взглянула на Петра Александровича, сложивъ съ умоляющимъ видомъ руки. Казалось, онъ самъ спохватился; но бѣшенство, вырвавшее у него эту фразу, еще не прошло. Однакожь, замѣтивъ безмолвную мольбу мою, онъ смутился. Мой жестъ говорилъ ясно, что я про многое знаю изъ того, что между ними до сихъ поръ было тайной, и что я хорошо поняла слова его.

— Аннета, идите къ себѣ, — повторила Александра Михайловна слабымъ, но твердымъ голосомъ, вставъ со стула, — мнѣ очень нужно говорить съ Петромъ Александровичемъ...

Она была, повидимому, спокойна; но за это спокойствіе я боялась больше чѣмъ за всякое волненіе. Я какъ будто не слыхала словъ ея и оставалась на мѣстѣ какъ вкопанная. Всѣ силы мои напрягла я, чтобъ прочесть на ея лицѣ, что происходило въ это мгновеніе въ душѣ ея. Мнѣ показалось, что она не поняла ни моего жеста, ни моего восклицанія.

— Вотъ что вы надѣлали, сударыня! — проговорилъ Петръ Александровичъ, взявъ меня за руки и указавъ на жену.

Боже мой! Я никогда не видала такого отчаянія, которое прочла теперь на этомъ убитомъ, помертвѣвшемъ лицѣ. Онъ взялъ меня за руку и вывелъ изъ комнаты. Я взглянула на нихъ въ послѣдній разъ. Александра Михайловна стояла, облокотясь на каминъ и крѣпко сжавъ обѣими руками голову. Все положеніе ея тѣла изображало нестерпимую муку. Я схватила руку Петра Александровича и горячо сжала ее.

— Ради Бога! Ради Бога! — проговорила я прерывающимся голосомъ, — пощадите!

— Не бойтесь, не бойтесь! — сказалъ онъ, какъ-то странно смотря на меня; — это ничего, это припадокъ. Ступайте же, ступайте.

Войдя въ свою комнату, я бросилась на диванъ и закрыла руками лицо. Цѣлые три часа пробыла я въ такомъ положеніи, и въ это мгновеніе прожила цѣлый адъ. Наконецъ, я не выдержала и послала спросить, можно ли мнѣ придти къ Александрѣ Михайловнѣ. Съ отвѣтомъ пришла мадамъ Леотаръ. Петръ Александровичъ прислалъ сказать, что припадокъ прошелъ, опасности нѣтъ, но что Александрѣ Михайловнѣ нуженъ покой. Я не леглась спать до трехъ часовъ утра и все думала, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ. Положеніе мое было загадочнѣе чѣмъ когда-нибудь, но я чувствовала себя какъ-то покойнѣе, — можетъ быть, потому, что чувствовала себя всѣхъ виноватѣе. Я легла спать, съ нетерпѣніемъ ожидая завтрашняго утра.

Но на другой день я, къ своему горестному изумленію, замѣтила какую-то необъяснимую хо-

лодность въ Александрѣ Михайловнѣ. Сначала мнѣ показалось, что этому чистому, благородному сердцу тяжело было со мною послѣ вчерашней сцены съ мужемъ, которой я поневолѣ была свидѣтельницей. Я узнала, что это дитя способно покраснѣть передо мною и просить у меня же прощенія за то, что несчастная сцена, можетъ быть, оскорбила вчера мое сердце. Но вскорѣ я замѣтила въ ней какую-то другую заботу и досаду, проявляющуюся чрезвычайно неловко: то она отвѣтитъ мнѣ сухо и холодно, то слышится въ словахъ ея какой-то особенный смыслъ; то, наконецъ, она вдругъ сдѣлается со мной очень нѣжна, какъ будто раскаиваясь въ этой суровости, которой не могло быть въ ея сердцѣ, и ласковыя, тихія слова ея какъ будто звучатъ какимъ-то укоромъ. Наконецъ, я прямо спросила ее, что съ ней и нѣтъ ли у ней чего мнѣ сказать? На быстрый вопросъ мой она немного смутилась, но тотчасъ же, поднявъ на меня свои большіе, тихіе глаза и смотря на меня съ нѣжной улыбкой, сказала:

— Ничего, Нѣточка; только знаешь ли что: когда ты меня такъ быстро спросила, я немного смутилась. Это оттого, что ты спросила такъ скоро... увѣряю тебя. Но слушай, — отвѣчай мнѣ правду, дитя мое: есть что-нибудь у тебя на сердцѣ такое, отъ чего бы ты такъ же смутилась, если бъ тебя о томъ спросили такъ же быстро и неожиданно?

— Нѣтъ, — отвѣчала я, посмотрѣвъ на нее ясными глазами.

— Ну, вотъ и хорошо! Если бъ ты знала, другъ мой, какъ я тебѣ благодарна за этотъ прекрасный отвѣтъ. Не то чтобъ я тебя могла подозрѣвать въ

чемъ-нибудь дурномъ, — никогда! Я не прощу себѣ и мысли объ этомъ. Но слушай: взяла я тебя дитятей, а теперь тебѣ семнадцать лѣтъ. Ты видѣла сама: я больная, я сама какъ ребенокъ, за мной еще нужно ухаживать. Я не могла замѣнить тебѣ вполнѣ родную мать, несмотря на то, что любви къ тебѣ слишкомъ достало бы на то въ моемъ сердцѣ. Если жъ теперь меня такъ мучаетъ забота, то, разумѣется, не ты виновата, а я. Прости жъ мнѣ и за вопросъ, и за то, что я, можетъ быть, невольно не исполнила всѣхъ моихъ обѣщаній, которыя дала тебѣ и батюшкѣ, когда взяла тебя изъ его дома. Меня это очень беспокоитъ и часто беспокоило, другъ мой.

Я обняла ее и заплакала.

— О, благодарю, благодарю васъ за все! — сказала я, обливая ея руки слезами, — не говорите мнѣ такъ, не разрывайте моего сердца. Вы были мнѣ больше чѣмъ мать; да благословить васъ Богъ за все, что вы сдѣлали оба, вы и князь, мнѣ, бѣдной, оставленной! Бѣдная моя, родная моя!

— Полно, Нѣточка, полно! Обними меня лучше; такъ, крѣпче, крѣпче! Знаешь что? Богъ знаетъ отчего мнѣ кажется, что ты въ послѣдній разъ меня обнимаешь.

— Нѣтъ, нѣтъ, — говорила я, разрыдавшись какъ ребенокъ, — нѣтъ, этого не будетъ! Вы будете счастливы!.. Еще впереди много дней. Вѣрьте, мы будемъ счастливы.

— Спасибо тебѣ, спасибо, что ты такъ любишь меня. Теперь около меня мало людей; меня всѣ оставили!

— Кто же оставили? Кто они?

— Прежде были и другіе кругомъ меня; ты не

знаешь, Нѣточка. Они всѣ оставили, всѣ ушли, точно призраки были. А я ихъ такъ ждала, всю жизнь ждала; Богъ съ ними! Смотри, Нѣточка: видишь, какая глубокая осень; скоро пойдетъ снѣгъ: съ первымъ снѣгомъ я и умру, — да; но я и не тужу. Прощайте!

Лицо ея было блѣдно и худо; на каждой щекѣ горѣло зловѣщее, кровавое пятно; губы ея дрожали и запеклись отъ внутренняго жара.

Она подошла къ фортепіано и взяла нѣсколько аккордовъ; въ это мгновеніе съ трескомъ лопнула струна и заняла въ длинномъ, дребезжащемъ звукѣ...

— Слышишь, Нѣточка, слышишь? — сказала она вдругъ какимъ-то вдохновеннымъ голосомъ, указывая на фортепіано. — Эту струну слишкомъ-слишкомъ натянули: она не вынесла и умерла. Слышишь, какъ жалобно умираетъ звукъ!

Она говорила съ трудомъ. Глухая, душевная боль отразилась на лицѣ ея, и глаза ея наполнились слезами.

— Ну, полно объ этомъ, Нѣточка, другъ мой, довольно; приведи дѣтей.

Я привела ихъ. Она какъ будто отдохнула, на нихъ глядя, и черезъ часъ отпустила ихъ.

— Когда я умру, ты не оставишь ихъ, Аннета? Да? — сказала она мнѣ шепотомъ, какъ будто боясь, чтобъ насъ кто-нибудь не подслушалъ.

— Полноте, вы убьете меня! — могла только я проговорить ей въ отвѣтъ.

— Я вѣдь шутила, — сказала она, помолчавъ и улыбнувшись. — А ты и повѣрила? Я вѣдь иногда Богъ знаетъ что говорю. Я теперь какъ дитя; мнѣ нужно все прощать.

Тутъ она робко посмотрѣла на меня, какъ будто боясь что-то выговорить. Я ожидала.

— Смотри, не пугай его, — проговорила она, наконецъ, потупивъ глаза, съ легкой краской въ лицѣ, и такъ тихо, что я едва разслышала.

— Кого? — спросила я съ удивленіемъ.

— Мужа. Ты, пожалуй, расскажешь ему все потихоньку.

— Зачѣмъ же, зачѣмъ? — повторяла я, все болѣе и болѣе въ удивленіи.

— Ну, можетъ быть, и не расскажешь, какъ знать! — отвѣчала она, стараясь какъ можно хитрѣе взглянуть на меня, хотя все та же простодушная улыбка блестѣла на губахъ ея, и краска все болѣе и болѣе вступала ей въ лицо. — Полно объ этомъ; я вѣдь все шучу.

Сердце мое сжималось все больнѣе и больнѣе.

— Только послушай, ты ихъ будешь любить, когда я умру, — да? — прибавила она серьезно и опять какъ будто съ таинственнымъ видомъ: — такъ, какъ бы родныхъ дѣтей своихъ любила, — да? Припомни: я тебя всегда за родную считала и отъ своихъ не рознила.

— Да, да, — отвѣчала я, не зная что говорю и задыхаясь отъ слезъ и смущенія.

Горячій поцѣлуй зажегся на рукъ моей, прежде чѣмъ я успѣла отнять ее. Изумленіе сковало мнѣ языкъ.

«Что съ ней? Что она думаетъ? Что вчера у нихъ было такое?» пронеслось въ моей головѣ.

Черезъ минуту она стала жаловаться на усталость.

— Я уже давно больна, только не хотѣла пугать васъ обоихъ, — сказала она. — Вѣдь вы меня

оба любите, — да?.. До свиданія, Нѣточка, оставь меня, а только вечеромъ приходи ко мнѣ непременно. Придешь?

Я дала слово; но рада была уйти. Я не могла болѣе вынести.

— Бѣдная, бѣдная! Какое подозрѣніе провожаетъ тебя въ могилу? — восклицала я, рыдая, — какое новое горе язвить и точить твое сердце, и о которомъ ты едва смѣешь вымолвить слово? Боже мой! Это долгое страданіе, которое я уже узнала теперь все наизусть, эта жизнь безъ просвѣта, эта любовь робкая, ничего не требующая, и даже теперь, теперь, почти на смертномъ одрѣ своемъ, когда сердце рвется пополамъ отъ боли, она, какъ преступная, боится малѣйшаго ропота, жалобы, — вообразивъ, выдумавъ новое горе, она уже покори-лась ему, помирилась съ нимъ!..

Вечеромъ, въ сумерки, я, воспользовавшись отсутствіемъ Оврова (пріѣзжаго изъ Москвы), пошла въ бібліотеку, отперла шкафъ и начала рыться въ книгахъ, чтобъ выбрать какую-нибудь для чтенія вслухъ Александрѣ Михайловнѣ. Мнѣ хотѣлось отвлечь ее отъ черныхъ мыслей и выбрать что-нибудь веселое, легкое... Я разбирала долго и разсѣянно. Сумерки сгущались; а вмѣстѣ съ ними росла и тоска моя. Въ рукахъ моихъ очутилась опять эта книга, развернутая на той же страницѣ, на которой и теперь я увидала слѣды письма, съ тѣхъ поръ несходившаго съ груди моей, — тайны, съ которой какъ будто переломилось и вновь началось мое существованіе, и повѣяло на меня такъ много холоднаго, неизвѣстнаго, таинственнаго, непривѣтливаго, уже и теперь издали такъ сурово грозившаго мнѣ... Что съ нами будетъ, думала

я; уголь, въ которомъ мнѣ было такъ тепло, такъ привольно, — пустѣеть. Чистый, свѣтлый духъ, охранявшій юность мою, оставляетъ меня. Что впереди? Я стояла въ какомъ-то забытѣи надъ своимъ прошедшимъ, такъ теперь милымъ сердцу, какъ будто силясь прозрѣть впередъ, въ неизвѣстное, грозившее мнѣ... Я припоминаю эту минуту, какъ будто теперь вновь переживаю ее: такъ сильно врѣзалась она въ моей памяти.

Я держала въ рукахъ письмо и развернутую книгу; лицо мое было омочено слезами. Вдругъ я вздрогнула отъ испуга: надо мной раздался знакомый мнѣ голосъ. Въ то же время я почувствовала, что письмо вырвали изъ рукъ моихъ. Я вскрикнула и оглянулась: передо мной стоялъ Петръ Александровичъ. Онъ схватилъ меня за руку и крѣпко удерживалъ на мѣстѣ; правой рукой подносилъ онъ къ свѣту письмо и силился разобрать первыя строки... Я закричала; я скорѣй готова была умереть, чѣмъ оставить это письмо въ рукахъ его. По торжествующей улыбкѣ я увидѣла, что ему удалось разобрать первыя строки. Я потеряла голову...

Мгновеніе спустя, я бросилась къ нему, почти не помня себя, и вырвала письмо изъ рукъ его. Все это случилось такъ скоро, что я еще сама не понимала, какимъ образомъ письмо очутилось у меня опять. Но, замѣтивъ, что онъ снова хочетъ вырвать его изъ рукъ моихъ, я поспѣшно спрятала письмо на груди и отступила на три шага.

Мы съ полминуты смотрѣли другъ на друга молча. Я еще содрогалась отъ испуга; онъ — блѣдный, съ дрожащими, посинѣлыми отъ гнѣва губами, первый прервалъ молчаніе.

— Довольно! — сказалъ онъ слабымъ отъ вол-

ненія голосомъ, — вы, вѣрно, не хотите, чтобъ я употребилъ силу; отдайте же мнѣ письмо добровольно.

Только теперь я одумалась, и оскорбленіе, стыдъ, негодованіе противъ грубаго насилія захватили мнѣ духъ. Горячія слезы потекли по разгорѣвшимся щекамъ моимъ. Я вся дрожала отъ волненія и нѣкоторое время была не въ силахъ вымолвить слова.

— Вы слышали? — сказалъ онъ, подойдя ко мнѣ на два шага.

— Оставьте меня, оставьте! — закричала я, отодвигаясь отъ него, — вы поступили низко, неблагородно. Вы забылись!.. Пропустите меня!..

— Какъ? Что это значить? И вы еще смѣете принимать такой тонъ... послѣ того, что вы... Отдайте, говорю вамъ!

Онъ еще разъ шагнулъ ко мнѣ, но, взглянувъ на меня, увидѣлъ въ глазахъ моихъ столько рѣшимости, что остановился, какъ будто въ раздумѣ.

— Хорошо! — сказалъ онъ, наконецъ, сухо, какъ будто остановившись на одномъ рѣшеніи, но все еще черезъ силу подавляя себя. — Это своимъ чередомъ, а сперва...

Тутъ онъ осмотрѣлся кругомъ.

— Вы... кто васъ пустилъ въ библіотеку? Почему этотъ шкафъ отворенъ? Гдѣ взяли ключъ?

— Я не буду вамъ отвѣчать, — сказала я, — я не могу съ вами говорить. Пустите меня, пустите! Я пошла къ дверямъ.

— Позвольте, — сказалъ онъ, остановивъ меня за руку, — вы такъ не уйдете!

Я молча вырвала у него свою руку и снова сдѣлала движеніе къ дверямъ.

— Хорошо же. Но я не могу вамъ позволить, въ самомъ дѣлѣ, получать письма отъ вашихъ любовниковъ, въ моемъ домѣ...

Я вскрикнула отъ испуга и взглянула на него какъ потерянная...

— И потому...

— Остановитесь! — закричала я. — Какъ вы можете? Какъ вы могли мнѣ сказать?.. Боже мой! Боже мой!..

— Что? Что! Вы еще угрожаете мнѣ?

Но я смотрѣла на него блѣдная, убитая отчаяніемъ. Сцена между нами дошла до послѣдней степени ожесточенія, котораго я не могла понять. Я молила его взглядомъ не продолжать далѣе. Я готова была простить за оскорбленіе, съ тѣмъ, чтобъ онъ остановился. Онъ смотрѣлъ на меня пристально и видимо колебался.

— Не доводите меня до крайности, — прошептала я въ ужасѣ.

— Нѣтъ-съ, это нужно кончить! — сказала онъ, наконецъ, какъ будто одумавшись. — Признаюсь вамъ, я было колебался отъ этого взгляда, — прибавилъ онъ съ странной улыбкой. — Но, къ несчастью, дѣло само за себя говорить. Я успѣлъ прочитать начало письма. Это письмо любовное. Вы меня не разувѣрите! Нѣтъ, выкиньте это изъ головы! И если я усомнился на минуту, то это доказываетъ только, что ко всѣмъ вашимъ прекраснымъ качествамъ я долженъ присоединить способность отлично лгать, а потому повторяю...

По мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, его лицо все болѣе и болѣе искажалось отъ злобы. Онъ блѣднѣлъ; губы его кривились и дрожали, такъ что онъ, наконецъ, съ трудомъ произнесъ послѣднія слова.

Становилось темно. Я стояла безъ защиты, одна, передъ человѣкомъ, который въ состояніи оскорблять женщину. Наконецъ, всѣ видимости были противъ меня; я терзалась отъ стыда, терялась, не могла понять злобы этого человѣка. Не отвѣчая ему, внѣ себя отъ ужаса, я бросилась вонъ изъ комнаты, и очнулась ужъ стоя при входѣ въ кабинетъ Александры Михайловны. Въ это мгновеніе послышались и его шаги; я уже хотѣла войти въ комнату, какъ вдругъ остановилась, какъ бы пораженная громомъ.

— Что съ нею будетъ? — мелькнуло въ моей головѣ. — Это письмо!.. Нѣтъ, лучше все на свѣтъ, чѣмъ этотъ послѣдній ударъ въ ея сердце, — и я бросилась назадъ. Но ужъ было поздно: онъ стоялъ подлѣ меня.

— Куда хотите пойдете, — только не здѣсь, не здѣсь! — шепнула я, схвативъ его руку. — Пощадите ее! Я приду опять въ библіотеку, или... куда хотите! Вы убьете ее!

— Это вы убьете ее! — отвѣчалъ онъ, отстраняя меня.

Всѣ надежды мои исчезли. Я чувствовала, что ему именно хотѣлось перенести всю сцену къ Александрѣ Михайловнѣ.

— Ради Бога! — говорила я, удерживая его всѣми силами. Но въ это мгновеніе поднялась портьера, и Александра Михайловна очутилась передъ нами. Она смотрѣла на насъ въ удивленіи. Лицо ея было блѣднѣе всегдашняго. Она съ трудомъ держалась на ногахъ. Видно было, что ей большихъ усилій стоило дойти до насъ, когда она слышала наши голоса.

— Кто здѣсь? О чемъ вы здѣсь говорили? —

спросила она, смотря на насъ въ крайнемъ изумленіи.

Нѣсколько мгновеній длилось молчаніе, и она поблѣднѣла какъ полотно. Я бросилась къ ней, крѣпко обняла ее и увлекла назадъ въ кабинетъ. Петръ Александровичъ вошелъ вслѣдъ за мною. Я спрятала лицо свое на груди ея, и все крѣпче, крѣпче обнимала ее, замирая отъ ожиданія.

— Что съ тобою, что съ вами? — спросила въ другой разъ Александра Михайловна.

— Спросите ее. Вы еще вчера такъ ее защищали, — сказалъ Петръ Александровичъ, тяжело опускаясь въ кресла.

Я все крѣпче и крѣпче сжимала ее въ своихъ объятіяхъ.

— Но, Боже мой, что жъ это такое? — проговорила Александра Михайловна въ страшномъ испугѣ. — Вы такъ раздражены, она испугана, въ слезахъ. Аннета, говори мнѣ все, что было между вами.

— Нѣтъ, позвольте мнѣ сперва, — сказалъ Петръ Александровичъ, подходя къ намъ, взявъ меня за руку и оттащивъ отъ Александры Михайловны. — Стойте тутъ, — сказалъ онъ, указавъ на средину комнаты. — Я васъ хочу судить передъ той, которая замѣнила вамъ мать. А вы успокойтесь, сядьте, — прибавилъ онъ, усаживая Александру Михайловну на кресла. — Мнѣ горько, что я не могъ васъ избавить отъ этого неприятнаго объясненія; но оно необходимо.

— Боже мой! Что жъ это будетъ? — проговорила Александра Михайловна, въ глубокой тоскѣ перенося свой взглядъ поочередно на меня и на мужа. Я ломала руки, предчувствуя роковую минуту. Отъ него я ужъ не ожидала пощады.

— Однимъ словомъ, — продолжалъ Петръ Александровичъ, — я хотѣлъ, чтобъ вы разсудили вмѣстѣ со мною. Вы всегда (и не понимаю отчего, это одна изъ вашихъ фантазій), вы всегда — еще вчера, напримѣръ, думали, говорили... но не знаю какъ сказать; я краснѣю отъ предположеній... Однимъ словомъ, вы защищали ее, вы нападали на меня, вы уличали меня въ *неумѣстной* строгости; вы намекали еще на какое-то *другое чувство*, будто бы вызывающее меня на эту *неумѣстную* строгость; вы... но я не понимаю, отчего я не могу подавить своего смущенія, эту краску въ лицѣ при мысли о вашихъ предположеніяхъ; отчего я не могу сказать о нихъ гласно, открыто, при ней... Однимъ словомъ, вы...

— О, вы этого не сдѣлаете! Нѣтъ, вы не скажете этого! — вскрикнула Александра Михайловна, вся въ волненіи, сгорѣвъ отъ стыда, — нѣтъ, вы пощадите ее. Это я, я все выдумала! Во мнѣ нѣтъ теперь никакихъ подозрѣній. Простите меня за нихъ, простите. Я больна, мнѣ нужно простить, но только не говорите ей, нѣтъ... Аннета, — сказала она подходя ко мнѣ, — Аннета, уйди отсюда, скорѣе, скорѣе! Онъ шутилъ; это я всему виновата; это неумѣстная шутка...

— Однимъ словомъ, вы ревновали меня къ ней, — сказалъ Петръ Александровичъ, безъ жалости бросивъ эти слова въ отвѣтъ ея тоскливому ожиданію. Она вскрикнула, поблѣднѣла и оперлась на кресло, едва удерживаясь на ногахъ.

— Богъ вамъ простить! — проговорила она, наконецъ, слабымъ голосомъ. — Прости меня за него, Нѣточка, прости; я была всему виновата. Я была больна, я...

— Но это тиранство, безстыдство, низость! — закричала я въ изступленіи, понявъ, наконецъ, все, понявъ, зачѣмъ ему хотѣлось осудить меня въ глазахъ жены. — Это достойно презрѣнія; вы...

— Аннета! — закричала Александра Михайловна, въ ужасѣ схвативъ меня за руки.

— Комедія! Комедія и больше ничего! — проговорилъ Петръ Александровичъ, подступая къ намъ въ неизобразимомъ волненіи. — Комедія, говорю я вамъ, — продолжалъ онъ, пристально и съ зловѣщей улыбкой смотря на жену, — и обманутая во всей этой комедіи одна — вы. Повѣрьте, что мы, — произнесъ онъ, задыхаясь и указывая на меня, — не боимся такихъ объясненій; повѣрьте, что мы ужъ не такъ цѣломудренны, чтобъ оскорбляться, краснѣть и затыкать уши, когда намъ заговорятъ о подобныхъ дѣлахъ. Извините, я выражаюсь просто, прямо, грубо, можетъ быть, но — такъ должно. Увѣрены ли вы, сударыня, въ порядочномъ поведеніи этой... дѣвицы?

— Боже! Что съ вами? Вы забылись! — проговорила Александра Михайловна, остолбенѣвъ, помертвѣвъ отъ испуга.

— Пожалуйста, безъ громкихъ словъ! — презрительно перебилъ Петръ Александровичъ, — я не люблю этого. Здѣсь дѣло простое, прямое, пошлое до послѣдней пошлости. Я васъ спрашиваю о ея поведеніи; знаете ли вы...

Но я не дала ему договорить и, схвативъ его за руки, съ силою оттащила въ сторону. Еще минута — и все могло быть потеряно.

— Не говорите о письмѣ! — сказала я быстро, шепотомъ, — вы убьете ее на мѣстѣ. Упрекъ мнѣ будетъ упрекомъ ей въ то же время. Она не мо-

жетъ судить меня, потому что я все знаю . . . понимаете, я все знаю!

Онъ пристально, съ дикимъ любопытствомъ посмотрѣлъ на меня, — и смѣшался; кровь выступила ему на лицо.

— Я все знаю, все! — повторяла я.

Онъ еще колебался. На губахъ его шевелился вопросъ. Я предупредила:

— Вотъ что было, — сказала я вслухъ, наскоро, обращаясь къ Александрѣ Михайловнѣ, которая глядѣла на насъ въ робкомъ, тоскливомъ изумленіи. — Я виновата во всемъ. Ужъ четыре года тому какъ я васъ обманывала. Я унесла ключъ отъ бібліотеки и ужъ четыре года потихоньку читаю книги. Петръ Александровичъ засталъ меня надъ такой книгой, которая . . . не могла, не должна была быть въ рукахъ моихъ. Испугавшись за меня, онъ преувеличилъ опасность въ глазахъ вашихъ! . . . Но я не оправдываюсь (поспѣшила я, замѣтивъ на смѣшливую улыбку на губахъ его):—я во всемъ виновата. Соблазнъ былъ сильнѣе меня, и, согрѣшивъ разъ, я ужъ стыдилась признаться въ своемъ проступкѣ . . . Вотъ все, почти все, что было между нами.

— О-го, какъ бойко! — прошепталъ подлѣ меня Петръ Александровичъ.

Александра Михайловна выслушала меня съ глубокимъ вниманіемъ; но въ лицѣ ея видимо отражалась недовѣрчивость. Она попеременно взглядывала то на меня, то на мужа. Наступило молчаніе. Я едва переводила духъ. Она опустила голову на грудь и закрыла рукою глаза, соображая что-то и, очевидно, звѣшивая каждое слово, которое я произнесла. Наконецъ, она подняла голову и пристально посмотрѣла на меня.

— НѢточка, дитя мое, я знаю, ты не умѣешь лгать, — проговорила она. — Это все, что случилось, рѣшительно все?

— Все, — отвѣчала я.

— Все ли? — спросила она, обращаясь къ мужу.

— Да, все, — отвѣчалъ онъ съ усиліемъ, — все!

Я отдохнула.

— Ты даешь мнѣ слово, НѢточка?

— Да, — отвѣчала я не запинаясь.

Но я не утерпѣла и взглянула на Петра Александровича. Онъ смѣялся, выслушавъ, какъ я дала слово. Я вспыхнула, и мое смущеніе не укрылось отъ бѣдной Александры Михайловны. Подавляющая, мучительная тоска отразилась на лицѣ ея.

— Довольно, — сказала она грустно. — Я вамъ вѣрю. Я не могу вамъ не вѣрить.

— Я думаю, что такого признанія достаточно, — проговорилъ Петръ Александровичъ. — Вы слышали? Что прикажете думать?

Александра Михайловна не отвѣчала. Сцена становилась все тягостнѣе и тягостнѣе.

— Я завтра же пересмотрю всѣ книги, — продолжалъ Петръ Александровичъ. — Я не знаю, что тамъ еще было; но...

— А какую книгу читала она? — спросила Александра Михайловна.

— Книгу? Отвѣчайте вы, — сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ. — Вы умѣете лучше меня объяснять дѣло, — прибавилъ онъ съ затаенной насмѣшкой.

Я смутилась и не могла выговорить ни слова. Александра Михайловна покраснѣла и опустила

глаза. Наступила долгая пауза. Петръ Александровичъ въ досадѣ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Я не знаю, что между вами было, — начала, наконецъ, Александра Михайловна, робко выговаривая каждое слово, — но если это *только* было, — продолжала она, силясь дать особенный смыслъ словамъ своимъ, уже смутившаяся отъ неподвижнаго взгляда своего мужа, хотя она и старалась не глядѣть на него, — если *только* это было, то я не знаю, изъ-за чего намъ всѣмъ горевать и такъ отчаяваться. Виноватѣе всѣхъ я, я одна, и это меня очень мучаетъ. Я пренебрегла ея воспитаніемъ, я и должна отвѣчать за все. Она должна простить мнѣ, и я ее осудить не могу и не смѣю. Но, опять, изъ-за чего жъ намъ отчаяваться? Опасность прошла. Взгляните на нее, — сказала она, одушевляясь все болѣе и болѣе и бросая пытливый взглядъ на своего мужа, — взгляните на нее: неужели ея неосторожный поступокъ оставилъ хоть какія-нибудь послѣдствія? Неужели я не знаю ея, дитяти моего, моей дочери милой? Неужели я не знаю, что ея сердце чисто и благородно, что въ этой хорошенькой головкѣ, — продолжала она, лаская меня и привлекая къ себѣ, — умъ ясенъ и свѣтелъ, а совѣсть боится обмана... Полноте, мои милые! Перестанемъ! Вѣрно другое что-нибудь затаилось въ нашей тоскѣ; можетъ быть, на насъ только мимо-летомъ легла враждебная тѣнь. Но мы разгонимъ ее любовью, добрымъ согласіемъ и разсѣемъ недоумѣніе наше. Можетъ быть, много недоговорено между нами, и я винюсь первая. Я первая таилась отъ васъ, у меня у первой родились Богъ знаетъ какія подозрѣнія, въ которыхъ виновата больная голо-

ва моя. Но... но, если ужъ мы отчасти и высказались, то вы должны оба простить меня, потому... потому, наконецъ, что нѣтъ большого грѣха въ томъ, что я подозрѣвала...

Сказавъ это, она робко и краснѣя взглянула на мужа и съ тоскою ожидала словъ его. По мѣрѣ того, какъ онъ ее слушалъ, насмѣшливая улыбка показывалась на его губахъ. Онъ пересталъ ходить и остановился прямо передъ нею, закинувъ назадъ руки. Онъ, казалось, разсматривалъ ея смущеніе, наблюдалъ его, любовался имъ; чувствуя надъ собой его пристальный взглядъ, она смѣшалась. Онъ переждалъ мгновение, какъ будто ожидая чего-нибудь далѣе. Смущеніе ея удвоилось. Наконецъ, онъ прервалъ тягостную сцену тихимъ, долгимъ, язвительнымъ смѣхомъ:

— Мнѣ жаль васъ, бѣдная женщина! — сказалъ онъ, наконецъ, горько и серьезно, переставъ смѣяться. — Вы взяли на себя роль, которая вамъ не по силамъ. Чего вамъ хотѣлось? Вамъ хотѣлось поднять меня на отвѣтъ, поджечь меня новыми подозрѣніями, или, лучше сказать, старымъ подозрѣніемъ, которое вы плохо скрыли въ словахъ вашихъ? Смыслъ вашихъ словъ, что сердиться на нее нечего, что она хороша и послѣ чтенія безнравственныхъ книгъ, мораль которыхъ — говорю отъ себя — кажется, уже принесла кой-какіе успѣхи, что вы, наконецъ, за нее отвѣчаете сами; такъ ли? Ну-съ, объяснивъ это, вы намекаете на что-то другое; вамъ кажется, что подозрительность и гоненія мои выходятъ изъ какого-то другого чувства. Вы даже намекали мнѣ вчера — пожалуйста, не останавливайте меня, я люблю говорить прямо — вы даже намекали вчера, что у нѣкоторыхъ

людей (помню, что, по вашему замѣчанію, эти люди всего чаще бываютъ степенные, суровые, прямые, умные, сильные, и Богъ знаетъ какихъ вы еще не давали опредѣленій въ припадкѣ великодушія), что у нѣкоторыхъ людей, повторяю, любовь (и Богъ знаетъ почему вы это выдумали!) и проявляться не можетъ иначе, какъ сурово, горячо, круто, *часто подозрѣніями, гоненіями*. Я ужъ не помню хорошо, такъ ли именно вы говорили вчера . . . Пожалуйста, не останавливайте меня; я знаю хорошо вашу воспитанницу; ей все можно слышать, все, повторяю вамъ въ сотый разъ, — все. Вы обмануты. Но не знаю, отчего вамъ угодно такъ настаивать на томъ, что я-то именно и есть такой человекъ! Богъ знаетъ зачѣмъ вамъ хочется нарядить меня въ этотъ шутовской кафтанъ. Не въ лѣтахъ моихъ любовь къ этой дѣвицѣ; да, наконецъ, повѣрите мнѣ, сударыня, я *знаю свои обязанности*, и какъ бы великодушно вы ни извиняли меня, я буду говорить прежнее, что *преступленіе всегда останется преступленіемъ, что грѣхъ всегда, будетъ грѣхомъ, постыднымъ, гнуснымъ, неблагогороднымъ, на какую бы степень величія вы ни вознесли порочное чувство!* Но, довольно! Довольно! И чтобъ я не слышалъ болѣе объ этихъ гадостяхъ.

Александра Михайловна плакала.

— Ну, пусть я несу это, пусть это мнѣ! — говорила она, наконецъ, рыдая и обнимая меня: — пусть постыдны были мои подозрѣнія, пусть вы насмѣялись такъ сурово надъ ними! Но ты, моя бѣдная, за что ты осуждена слушать такія оскорбленія? И я не могу защитить тебя! Я безгласна! Боже мой! Я не могу молчать, сударь! Я не вынесу . . . Ваше поведеніе безумно! . .

— Полноте, полноте! — шептала я, стараясь утѣшить ея волненіе, боясь, чтобъ жестокіе укоры не вывели его изъ терпѣнія. Я все еще трепетала отъ страха за нее.

— Но, слѣпая женщина! — закричалъ онъ: — но вы не знаете, вы не видите...

Онъ остановился на минуту.

— Прочь отъ нее! — сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ и вырывая мою руку изъ рукъ Александры Михайловны. — Я вамъ не позволю прикасаться къ женѣ моей; вы мараете ее; вы оскорбляете ее своимъ присутвіемъ! Но... но, что же заставляетъ меня молчать, когда нужно, когда необходимо говорить? — закричалъ онъ, топнувъ ногою. — И я скажу, я все скажу. Я не знаю, что вы тамъ знаете, сударыня, и чѣмъ вы хотѣли пригрозить мнѣ, да и знать не хочу. Слушайте! — продолжалъ онъ, обращаясь къ Александрѣ Михайловнѣ: — слушайте же.

— Молчите! — закричала я, бросаясь впередъ, — молчите, ни слова!

— Слушайте...

— Молчите во имя...

— Во имя чего, сударыня? — перебилъ онъ, быстро и пронзительно взглянувъ мнѣ въ глаза: — во имя чего? Знайте же, я вырвалъ изъ рукъ ея письмо отъ любовника! Вотъ что дѣлается въ нашемъ домѣ! Вотъ что дѣлается подлѣ васъ! Вотъ чего вы не видали, не замѣтили!

Я едва устояла на мѣстѣ. Александра Михайловна поблѣднѣла какъ смерть.

— Этого не можетъ быть, — прошептала она едва слышнымъ голосомъ.

— Я видѣлъ это письмо, сударыня; оно было въ

рукахъ моихъ; я прочелъ первыя строки и не ошибся: письмо было отъ любовника. Она вырвала его у меня изъ рукъ. Оно теперь у нея, — это ясно, это такъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнiя; а если вы еще сомнѣваетесь, то взгляните на нее и попробуйте потомъ надѣяться хоть на тѣнь сомнѣнiя.

— Нѣточка! — закричала Александра Михайловна, бросаясь ко мнѣ, — но нѣтъ, не говори, не говори! Я не знаю, что это было... Боже мой, Боже мой!

И она зарыдала, закрывъ лицо руками.

— Но нѣтъ! Этого быть не можетъ! — закричала она опять. — Вы ошиблись. Это... это я знаю что значить! — проговорила она, пристально смотря на мужа, — вы... я... не могла, ты меня не обманываешь, ты меня не можешь обманывать! Расскажи мнѣ все, все безъ утайки; онъ ошибся? Да, не правда ли, онъ ошибся? Онъ видѣлъ другое, онъ ослѣпленъ? Да, не правда ли? Не правда ли? Послушай: отчего же мнѣ не сказать всего, Аннета, дитя мое, родное дитя мое?

— Отвѣчайте, отвѣчайте скорѣе! — слышался надо мною голосъ Петра Александровича. — Отвѣчайте: видѣлъ или нѣтъ я письмо въ рукахъ вашихъ?..

— Да! — отвѣчала я, задыхаясь отъ волненiя.

— Это письмо отъ вашего любовника?

— Да! — отвѣчала я.

— Съ которымъ вы и теперь имѣете связь?

— Да, да, да! — говорила я, уже не помня себя, отвѣчая утвердительно на всѣ вопросы, чтобъ добиться конца нашей мукѣ.

— Вы слышали ее. Ну, что вы теперь скажете? Повѣрьте, доброе, слишкомъ довѣрчивое сердце, —

прибавилъ онъ, взявъ руку жены, — повѣрьте мнѣ и разувѣрьтесь во всемъ, что породило больное воображеніе ваше. Вы видите теперь, кто такая эта . . . дѣвица. Я хотѣлъ только поставить невозможность рядомъ съ подозрѣніями вашими. Я давно все это замѣтилъ и радъ, что, наконецъ, изобличилъ ее передъ вами. Мнѣ было тяжело видѣть ее подлѣ васъ, въ вашихъ объятіяхъ, за однимъ столомъ вмѣстѣ съ нами, въ домѣ моемъ, наконецъ. Меня возмущала слѣпота ваша. Вотъ почему, и только поэтому, я обращалъ на нее вниманіе, слѣдилъ за нею; это-то вниманіе бросилось вамъ въ глаза, и, взявъ Богъ знаетъ какое подозрѣніе за исходную точку, вы Богъ знаетъ что заплели по этой канвѣ. Но теперь положеніе разрѣшено, кончено всякое сомнѣніе, и завтра же, сударыня, завтра же вы не будете въ домѣ моемъ! — кончилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Остановитесь! — сказала Александра Михайловна, приподымаясь со стула. — Я не вѣрю всей этой сценѣ. Не смотрите на меня такъ страшно, не смѣйтесь надо мной. Я васъ же и призову на судъ моего мнѣнія. Аннета, дитя мое, подойди ко мнѣ, дай твою руку, такъ. Мы всѣ грѣшны! — сказала она дрожащимъ отъ слезъ голосомъ и со смиреніемъ взглянула на мужа, — и кто изъ насъ можетъ отвергнуть хоть чью-либо руку? Дай же мнѣ свою руку, Аннета, милое дитя мое; я не достойнѣе, не лучше тебя; ты не можешь оскорблять меня своимъ присутствіемъ, потому что я тоже грѣшница.

— Сударыня! — закричалъ Петръ Александровичъ въ изумленіи: — сударыня! Удержитесь! Не забывайте! . . .

— Я ничего не забываю. Не прерывайте же меня и дайте мнѣ досказать. Вы видѣли въ ея рукахъ письмо; вы даже читали его; вы говорите, и она . . . призналась, что это письмо отъ того, кого она любить. Но развѣ это доказываетъ, что она преступна? Развѣ это позволяетъ вамъ такъ обходиться съ нею, такъ обижать ее въ глазахъ жены вашей? Да, сударь, въ глазахъ жены вашей? Развѣ вы разсудили это дѣло? Развѣ вы знаете, какъ это было?

— Но мнѣ остается бѣжать, прощенія просить у нея. Этого ли вы хотѣли? — закричалъ Петръ Александровичъ: — я потерялъ терпѣніе, васъ слушаю! Вы вспомните, о чемъ вы говорите! Знаете ли вы, о чемъ вы говорите? Знаете ли, что и *кого* вы защищаете? Но вѣдь я все насквозь вижу . . .

— И самага перваго дѣла не видите, потому что гнѣвъ и гордость мѣшаютъ вамъ видѣть. Вы не видите того, что я защищаю и о чемъ хочу говорить. Я не порокъ защищаю. Но разсудили ли вы, — а вы ясно увидите, коли разсудите — разсудили ли вы, что, можетъ быть, — она какъ ребенокъ невинна! Да, я не защищаю порока! Я спѣшу оговориться, если это вамъ будетъ очень пріятно. Да; если бѣ она была супруга, мать и забывала свои обязанности, о, тогда бы я согласилась съ вами . . . Видите, я оговорилась. Замѣьте же это и не корите меня! Но если она получила это письмо, не вѣдая зла? Если она увлекалась неопытнымъ чувствомъ, и некому было удержать ее? Если я первая виноватѣе всѣхъ, потому что не услѣдила за сердцемъ ея? Если это письмо первое? Если вы оскорбили вашими грубыми подозрѣніями ея дѣвственное, благоуханное чувство? Если вы загряз-

нили ея воображеніе своими циническими толками объ этомъ письмѣ? Если вы не видали этого цѣломудреннаго, дѣвственнаго стыда, который сіяетъ на лицѣ ея, чистый, какъ невинность, который я вижу теперь, который я видѣла, когда она, потерянная, измученная, не зная что говорить и разрываясь отъ тоски, отвѣчала признаніемъ на всѣ ваши безчеловѣчные вопросы? Да, да! Это безчеловѣчно, это жестоко; я не узнаю васъ; я вамъ не прощу этого никогда, никогда!

— Да пощадите, пощадите меня! — закричала я, сжимая ее въ объятіяхъ. — Пощадите, вѣрьте, не отталкивайте меня...

Я упала передъ нею на колѣни.

— Если, наконецъ, — продолжала она задыхающимся голосомъ: — если бѣ, наконецъ, не было меня подлѣ нея, и если бѣ вы запугали ее словами своими, и если бѣ бѣдная сама увѣрилась, что она виновата, если бѣ вы смутили ея совѣсть, душу и разбили покой ея сердца... Боже мой! Вы хотѣли выгнать ее изъ дома! Но знаете ли, съ кѣмъ это дѣлаютъ? Вы знаете, что если ее выгонятъ, то выгоните насъ вмѣстѣ, насъ обѣихъ, — и меня тоже. Вы слышали меня, сударь?

Глаза ея сверкали; грудь волновалась; болѣзненное напряженіе ея дошло до послѣдняго кризиса...

— Такъ довольно же я слушалъ, сударыня! — закричалъ, наконецъ, Петръ Александровичъ, — довольно этого! Я знаю, что есть страсти платоническія — и на мою пагубу знаю это, сударыня, слышите? На мою пагубу. Но не ужиться мнѣ, сударыня, съ озолоченнымъ порокомъ! Я не понимаю его. Прочь мишуру! И если вы чувствуете себя

виноватою, если знаете за собой что-нибудь (не мнѣ напоминать вамъ, сударыня), если вамъ нравится, наконецъ, мысль оставить мой домъ... то мнѣ остается только сказать, напомнить вамъ, что напрасно вы позабыли исполнить ваше намѣреніе, когда была настоящая пора, настоящее время, лѣтъ назадъ тому... если вы позабыли, то я вамъ напомню...

Я взглянула на Александру Михайловну. Она судорожно опиралась на меня, изнемогая отъ душевной скорби, полузакрывъ глаза, въ неистощимой мукѣ. Еще минута, и она готова была упасть.

— О, ради Бога, хоть въ этотъ разъ, пощадите ее! Не выговаривайте послѣдняго слова, — закричала я, бросаясь на колѣни передъ Петромъ Александровичемъ и забывъ, что измѣняла себѣ. Но было поздно. Слабый крикъ раздался въ отвѣтъ словамъ моимъ, и бѣдная упала безъ чувствъ на полъ.

— Конечно! Вы убили ее! — сказала я. — Зовите людей, спасайте ее! Я васъ жду, у васъ въ кабинетѣ. Мнѣ нужно съ вами говорить; я вамъ все разскажу...

— Но что? Но что?

— Послѣ!

Обморокъ и припадки продолжались два часа. Весь домъ былъ въ страхѣ. Докторъ сомнительно качалъ головою. Черезъ два часа я вошла въ кабинетъ Петра Александровича. Онъ только что воротился отъ жены и ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, кусая ногти въ кровь, блѣдный, разстроенный. Я никогда не видала его въ такомъ видѣ.

— Что же вамъ угодно сказать мнѣ? — проговорилъ онъ суровымъ грубымъ голосомъ. — Вы что-то хотѣли сказать?

— Вотъ письмо, которое вы перехватили у меня. Вы его узнаете?

— Да.

— Возьмите его.

Онъ взявъ письмо и поднесъ къ свѣту. Я внимательно слѣдила за нимъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ быстро обернулъ на четвертую страницу и прочелъ подпись. Я видѣла, какъ кровь бросилась ему въ голову.

— Что это? — спросилъ онъ у меня, остолбенѣвъ отъ изумленія.

— Три года тому какъ я нашла это письмо въ одной книгѣ. Я догадалась, что оно было забыто, прочла его и — узнала все. Съ тѣхъ поръ оно оставалось при мнѣ, потому что мнѣ некому было отдать его. Ей я отдать его не могла. Вамъ? Но вы не могли не знать содержанія этого письма, а въ немъ вся эта грустная повѣсть... Для чего ваше притворство, — не знаю. Это, покамѣстъ, темно для меня. Я еще не могу ясно вникнуть въ вашу темную душу. Вы хотѣли удержать надъ ней первенство и удержали. Но для чего? Для того, чтобъ восторжествовать надъ призракомъ, надъ разстроеннымъ воображеніемъ больной, для того, чтобъ доказать ей, что она заблуждалась, и что вы безгрѣшнѣе ея! И вы достигли цѣли, потому что это подозрѣніе ея — неподвижная идея угасающаго ума, можетъ быть, послѣдняя жалоба разбитаго сердца на несправедливость приговора людского, съ которымъ вы были заодно. «Что жъ за бѣда, что вы меня полюбили?» Вотъ что она говорила, вотъ что хотѣлось ей доказать вамъ. Ваше тщеславіе, вашъ ревнивый эгоизмъ были безжалостны. Прощайте! Объясненій не нужно! Но смотрите, я

вась знаю всего, вижу насквозь, не забывайте же этого!

Я вошла въ свою комнату, едва помня, что со мной сдѣлалось. У дверей меня остановилъ Овровъ, помощникъ въ дѣлахъ Петра Александровича.

— Мнѣ бы хотѣлось поговорить съ вами, — сказалъ онъ съ учтивымъ поклономъ.

Я смотрѣла на него, едва понимая то, что онъ мнѣ сказалъ.

— Послѣ, извините меня, я нездорова, — отвѣчала я, наконецъ, проходя мимо него.

— Итакъ, завтра, — сказалъ онъ откланиваясь, съ какою-то двусмысленною улыбкой.

Но, можетъ быть, это мнѣ такъ показалось. Все это — какъ будто мелькнуло у меня передъ глазами.